

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Королева Екатерина Игоревна

**Экспрессивные грамматические средства языка в аспекте
функционально-семантического поля (на материале современной
британской беллетристики)**

Специальность 10.02.19 — теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент А. М. Плотникова

Екатеринбург — 2016

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Категория экспрессивности в функциональном аспекте	14
1.1. Понятие «экспрессивность» в лингвистической литературе и смежная терминология	14
1.1.1. Содержание и лингвистический статус экспрессивности	14
1.1.2. Экспрессивность и смежные категории	23
1.2. Методологические подходы к изучению экспрессивности	29
1.3. Классификация и общие механизмы реализации экспрессивности	43
1.4. Знаковая природа экспрессивных языковых единиц	49
1.5. Современная беллетристика как источник эмпирического материала исследования	54
Выводы	58
Глава 2. Функционально-семантическое описание экспрессивности	62
2.1. Лингвистический метод функционально-семантического поля: теоретический базис и методика полевого структурирования	63
2.2. Характеристика экспрессивности как функционально-семантической категории (ФСК)	69
2.3. Моделирование семантической структуры функционально-семантического поля экспрессивности (ФСПЭ) на базе грамматических средств английского языка	76
2.3.1. Семантическая доминанта ФСПЭ	76
2.3.2. Вариативные значения ФСПЭ. Экспрессивность в системе полей английского языка	81
Выводы	90
Глава 3. Формально-структурная организация функционально-семантического поля экспрессивности	92
3.1. Экспрессивные морфологические и лексико-грамматические средства английского языка	96
3.1.1. Междометия семантической группы «эмоции и эмоциональная оценка»	96
3.1.2. Оператор <i>do</i>	105
3.1.3. Элатив	106
3.1.4. Интенсифицирующие наречия	107
3.1.5. Модальные слова	114
3.1.6. Транспозиция при функционировании морфологических классов слов	118
3.2. Экспрессивные синтаксические средства английского языка: уровень словосочетания	121
3.3. Экспрессивные синтаксические средства английского языка: уровень предложения	135
3.3.1. Экспрессивный потенциал восклицательного	136

предложения	
3.3.2. Экспрессивный потенциал императивного предложения	143
3.3.3. Экспрессивный потенциал повествовательного и вопросительного предложений	149
3.3.3.1. Речевые изменения структуры предложения в экспрессивных целях	151
3.3.3.2. Тема-рематический способ экспрессивизации	167
3.3.3.3. Функциональная транспозиция повествовательного и вопросительного предложений английского языка	168
3.4. Ядро-периферийное распределение грамматических средств выражения экспрессивности: интерпретация ФСПЭ	173
Выводы	178
Заключение	180
Список литературы	186
Приложение 1	213
Приложение 2	217
Приложение 3	221

Введение

Мысль о выражении эмоциональной жизни человека в языке высказывалась еще в классических трудах по языкознанию XIX в. [В. фон Гумбольдт, В. Вундт, А. А. Потебня]. В первой половине XX в. Ш. Балли, размышляя о соотношении логического и аффективного в языке, писал: «Те из моих мыслей, что порождены потоком жизни, никогда не бывают преимущественно интеллектуальными: это движения мысли, сопровождаемые эмоциями, они то толкают меня к действиям, то отвращают от них; это желания во всей их полноте или подавление желаний, это проявление воли, это жизненные импульсы. Конечно, эти разнообразные порывы я осознаю с помощью разума, но не разум составляет их сущность, он всего лишь их проводник, их режиссер и постановщик. Такая форма мысли, а только она обычна и нормальна, находит точное отражение в естественном языке...» [Балли 2003: 28]. На протяжении XX в. в дискуссиях и научных изысканиях лингвистов, философов языка, исследователей литературного творчества, эстетики и поэтики на тему эмоциональной сферы в языковом выражении складываются представления о проблематике лингвистической экспрессивности, к которой мы обращаемся в настоящем диссертационном сочинении (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, Ш. Балли, К. Бюлер, А. Вежицкая, В. В. Виноградов, Б. Волек, Е. М. Вольф, Е. М. Галкина-Федорук, В. М. Жирмунский, Дж. Лайонз, Н. А. Лукьянова, В. Н. Маслова, Т. В. Матвеева, В. Матезиус, В. Н. Телия, Т. А. Трипольская, Ю. Н. Тынянов, К. Фосслер, В. И. Шаховский, Б. М. Эйхенбаум, Р. Якобсон и др.).

Вопросы категории экспрессивности разрабатываются современными исследователями в системном, функционально-коммуникативном, когнитивном, лингвокультурологическом, психолингвистическом и нейролингвистическом аспектах и приобретают все большую актуальность. Об этом свидетельствуют разнонаправленные публикации отечественных и

зарубежных лингвистов [Дмитриева 2000; Моргоева 2002; Парамонов 2008; Ромашова 2001; Хван 2005; Шарова 2002; Barroso 2015; Fussell 2002; Goddard 2002; Maynard 2002].

Не теряют своей значимости также традиционные задачи описания и моделирования экспрессивности языковых подсистем: фонетико-фонологической [Фирсова 2005], лексической [Колбукова 2007], фразеологической [Goddard 2002], словообразовательной [Шелонцева 2012], грамматической [Баскакова 2009; Глазкова 2010; Курбатова 2002; Тошович 2006]. Продолжают изучаться проблемы экспрессивности текста [Казакмурзаева 2007; Карицкая 2013; Марченко 2001; Слукина 2006; Шилина 2000], речевые механизмы экспрессивности [Трофимова 2008, 2009] и др.

Несмотря на широкое освещение указанной проблематики в современной науке, остаются нерешенными вопросы лингвистического осмысления экспрессивности в направлении «от семантической функции к системе форм ее выражения». В частности, наименее исследованными представляются экспрессивные морфологические, лексико-грамматические и синтаксические единицы и средства английского языка, которые формируют грамматическую подсистему данной категории и участвуют в структурировании ее (категории) формально-содержательного единства. Таким образом, **актуальность** настоящей работы обусловлена, с одной стороны, активностью исследовательского интереса к человеческому фактору в языке в целом, с другой — недостаточным изучением функционально-семантической специфики категории экспрессивности, отсутствием системного анализа экспрессивных грамматических средств английского языка.

Объектом исследования является совокупность экспрессивных морфологических, лексико-грамматических и синтаксических средств английского языка. К таковым мы относим морфологические формы — элатив, оператор *do*, лексико-грамматические средства — междометия, наречия-интенсификаторы, модальные слова. В аспекте экспрессивности

рассматриваются также речевые реализации синтаксических единиц — словосочетания и предложения, не обладающих признаками фразеологизированности.

Предметом исследования выступает функционально-семантическое поле экспрессивности (здесь и далее ФСПЭ), базирующееся на совокупности грамматических средств английского языка.

Цель исследования — моделирование функционально-семантического поля экспрессивности английского языка, интегрирующего разноуровневые языковые единицы и речевые средства (морфологические, лексико-грамматические, синтаксические) на общей функциональной основе.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд теоретических и практических **задач**:

1. Изучить теоретические основы категории экспрессивности, выявить ее сущностные свойства в свете функциональной методологии.
2. Установить ключевые характеристики экспрессивности как функционально-семантической категории.
3. С функциональных позиций произвести описание и систематизацию экспрессивных грамматических средств английского языка.
4. Представить функционально-семантический анализ морфологических, лексико-грамматических и синтаксических конститuentов ФСПЭ.
5. Осуществить моделирование семантической структуры ФСПЭ на основе анализа грамматических единиц и средств эмоционального воздействия в текстах современной британской беллетристики.
6. Произвести разграничение ядерных и периферийных секторов ФСПЭ.
7. Выявить системные признаки и свойства смоделированного ФСПЭ, охарактеризовать структурный тип полученной полевой модели, обозначить межкатегориальные связи ФСПЭ в системе английского языка.

Основная гипотеза исследования. Экспрессивность представляет собой категорию функционально-семантическую, основным признаком которой является «эмоциональное воздействие». На основе данной категории формируется функционально-семантическое поле — формально-содержательное единство, система разноуровневых языковых единиц и речевых средств, объединенных функциональным признаком «эмоциональное воздействие». Формально-содержательное единство экспрессивных грамматических единиц и средств английского языка выступает в качестве микросистемы макрополя экспрессивности и обнаруживает с последним общность семантической и структурной организации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Экспрессивность является функционально-семантической категорией (ФСК) со сложно организованным категориальным значением. Сложность содержательной структуры экспрессивности обусловлена тем, что в ее пределах на базе общего функционального признака «эмоциональное воздействие» обнаруживается взаимодействие эмотивности, интенсивности, оценки, модальности, образности.

2. Содержательная структура категории экспрессивности имеет полевую организацию. Ядерные, доминантные, значения представлены категориями эмотивности и интенсивности. Семантическая периферия экспрессивности образуется ослаблением доминантных значений и их частичным пересечением с категориями оценки, модальности, образности. Дальняя периферия представляет собой зону межкатегориального взаимодействия поля экспрессивности с другими полевыми системами английского языка.

3. Совокупность морфологических, лексико-грамматических и синтаксических средств английского языка располагает специфическими единицами, первостепенные семантические функции которых сводятся к выражению экспрессивности (системно-языковые экспрессивные

грамматические единицы, включающие в свой состав оператор *do*, элатив, междометия, восклицательное предложение английского языка), а также полифункциональными единицами, функция экспрессивности которых является второстепенной или приобретенной (неграмматикализованные наречия-интенсификаторы, модальные слова, словосочетание, императивное предложение).

4. На базе ФСК экспрессивности выстраивается функционально-семантическое поле (ФСПЭ), система разноуровневых языковых единиц и речевых средств, объединенных общей семантической функцией — выражением экспрессивности в языке и речи. ФСПЭ, моделируемое на основе морфологических, лексико-грамматических и синтаксических единиц и средств эмоционального воздействия, имеет полицентрическую структуру с явно выраженным ядром и функционально гетерогенной периферией.

5. Полицентрическое ядро модели ФСПЭ конституируют экспрессивные языковые единицы (междометия, восклицательные предложения; оператор *do*, элатив английского языка). Формально неоднородная периферия представлена полифункциональными языковыми единицами (неграмматикализованными наречиями-интенсификаторами, модальными словами, словосочетаниями, императивными предложениями английского языка) и речевыми средствами (высказываниями с транспозицией морфологических форм; речевыми приемами, образованными на основе механизма прагматически мотивированного структурного преобразования предложения (синтаксической компрессии, синтаксической избыточности); предложениями-высказываниями с инвертированным словопорядком, транспонированными предложениями-высказываниями). Дальняя периферия структурирована наречиями меры и степени,okkaзионально экспрессивными.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем предпринято системное, многоаспектное описание одной из проблемных, диффузных категорий английского языка — экспрессивности,

осуществляется каталогизация различных вариантов проявления экспрессивности в грамматике. На базе системного функционально-семантического анализа экспрессивных грамматических средств английского языка доказывается самостоятельность, организованность категории экспрессивности, наличие сложно-структурированного категориального значения и ряда семантических функций, опирающихся на данное значение. Новизна работы также обусловлена тем, что в лингвистической литературе ФСПЭ разработано в недостаточной мере. Кроме того, в научный оборот вводится языковой материал современной британской беллетристики, ранее не рассмотренный в аспекте изучения эмоционально-чувственной сферы в речевом общении.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предлагается модель функционального взаимодействия экспрессивных грамматических средств английского языка, которая представляет собой формально-содержательное единство, обнаруживающее принципы полевой организации. Систематизация грамматического материала осуществляется с функциональных позиций. При помощи метода полевого структурирования, использованного в качестве основного, в работе впервые выявляется структура функционального единства экспрессивных грамматических средств. Результаты проведенного функционально-семантического анализа экспрессивности, таким образом, вносят определенный вклад в развитие общей теории и практики моделирования полевых систем английского языка.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения ее результатов в теоретических и практических курсах по грамматике, стилистике английского языка, прагматике, интерпретации текста, переводу, в обучении иностранному языку. Материалы и выводы работы также могут быть использованы в функционально-грамматических исследованиях, в изучении активных процессов в английском языке, выявляемых на материале современной беллетристики.

Материалом исследования послужили предложения-высказывания с экспрессивными грамматическими средствами английского языка, извлеченные в количестве 4687 контекстов из произведений современной британской беллетристики: романа Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» («Bridget Jones's Diary» by Helen Fielding), романа Сью Таунсенд «Адриан Моул: годы капуччино» («Adrian Mole: The Cappuccino Years» by Sue Townsend), романа Зои Хеллер «Скандальный дневник» («Notes on a Scandal» by Zoe Heller).

Художественный текст одновременно является продуктом авторского сознания и лингвистическим объектом, который отражает тенденции развития языковой нормы, аккумулирует в себе различные речевые проявления языковой системы в конкретный временной период. В этой связи британская беллетристика XXI в. приобретает особую ценность для исследователя. Обращение к данному литературному «пласту» в рамках настоящей работы мотивировано тем, что в нем представлен срез современного английского языка. В романах сосуществуют формы устной и письменной речи, обыгрываются разные речевые стили и регистры, задействуются не только нормированные, литературные формы, но и происходит обращение к различным социальным вариантам языка. Данные аспекты превращают современный роман в богатый источник материала для изучения объемного комплекса лингвистических проблем, в частности, специфики речевой реализации экспрессивных грамматических средств английского языка.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы в области:

- функциональной лингвистики, теории лингвистической системности [Адмони 1968, 1964; Бондарко 1978–2005; Всеволодова 2009; Гак 1979; Золотова 1982; Кубрякова 1978; Матханова 2013; Проблемы функциональной грамматики 2005–2013; Теория функциональной

- грамматики 1990–1996б; Шелякин 2001; Щур 1974; Eggins 2004; Halliday 2014; Martin 2010; Matthiessen 1990;];
- общей и грамматической семантики [Арутюнова 1976, 1988; Бабенко 1989; Вежбицкая 2001, 1992; Вольф 2002; Галкина-Федорук 1958; Лукьянова 1986; Парамонов 2008; Плотникова 2008; Телия 1985; Трипольская 1999; Туранский 1990; Штелинг 1996; Lyons 1977, 1995];
  - теории грамматики [Акимова 1990; Акимова 1987, 1992; Бархударов 1966, 1975; Беседина 1995; Гуревич 2003; Иванова 1981; Ильиш 1965; Смирницкий 1953, 1957; Biber 2000; Curme 1931; Eastwood 2002; Halliday 2002; Leech 2002; Quirk 1972]
  - грамматической и общей стилистики [Александрова 1984; Арнольд 2006; Балли 1955, 2001, 2003; Виноградов 1963, 1975; Гальперин 1958; Гуревич 2008; Копнина 2012; Сковородников 1981; Скребнев 2003; Тошович 2006];
  - лингвистической теории эмоций [Бабенко 1989; Вежбицкая 1999; Волек 1987; Формановская 2005; Шаховский 1987-2009];
  - лингвистического анализа текста [Бабенко 2006; Гальперин 1981; Маслова 1991, 1997];
  - лингвопрагматики, теории речевой коммуникации [Вежбицкая 1991; Копнина 2008; Норман 2009; Трофимова 2008, 2009];
  - психолингвистики и психологии [Васильев 1980; Гридин 1976; Изард 1999; Ильин 2001].

В процессе исследования были использованы общенаучные и собственно лингвистические **методы**: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, метод классификации, элементы статистического анализа; метод функционально-семантического поля, анализ предложения по непосредственно составляющим, дистрибутивный анализ, трансформационный анализ, проверка на субституцию, морфологический анализ, элементы семантико-стилистического анализа, компонентного анализа лексики, коммуникативно-прагматического анализа.

Структура диссертации обусловлена проблемой, целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения. Во **Введении** обосновывается актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость настоящей работы, представлены цель и задачи исследования, определены объект и предмет изучения, сформулированы рабочая гипотеза и основные положения, которые выносятся на защиту. Очерчивается теоретико-методологическая база, описаны методы и материал исследования. В **Главе 1** «Категория экспрессивности в функциональном аспекте» решаются задачи выявления основных сущностных свойств категории экспрессивности, проводится обзор методологических подходов к исследованию экспрессивных фактов языка и речи, формулируется терминологический аппарат исследования. В **Главе 2** «Функционально-семантическое описание экспрессивности» выявляются основания выделения экспрессивности в качестве функционально-семантической категории, осуществляется моделирование содержательной основы ФСПЭ. В **Главе 3** «Формально-структурная организация функционально-семантического поля экспрессивности» предпринимается полевое структурирование единства экспрессивных грамматических средств английского языка, на материале современной британской беллетристики анализируются морфологические, лексико-грамматические и синтаксические единицы и средства эмоционального воздействия, на функциональной основе производится ядерно-периферийное распределение данных форм, определяются структурный тип, системные свойства и межкатегориальное взаимодействие смоделированного ФСПЭ. В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются дальнейшие перспективы его развития. В **Приложении** содержатся таблицы и рисунки, использованные в работе.

Степень достоверности результатов обусловлена глубокой проработкой научной литературы по проблеме исследования, применением комплекса общенаучных и лингвистических методов анализа,

соответствующих природе рассматриваемых объекта и предмета, привлечением обширного языкового материала.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены на III Международной научно-практической конференции «Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве» (Екатеринбург, 2009), международной научно-практической конференции «Современная лингвистическая ситуация в международном пространстве» (Тюмень, 2010), международной научной конференции «Теоретическая семантика и идеографическая лексикография: эволюция интерпретаций» (Екатеринбург, 2014), Всероссийской научной конференции «Германистика: перспективы развития» (Москва, 2014), на XXVI Ежегодной международной научной конференции «Язык и культура» (Томск, 2015), VIII Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2016), на Международной научной конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург, 2016). Всего по теме исследования опубликовано 12 работ, в том числе три статьи в изданиях, рекомендованных ВАК.

Глава 1. Категория экспрессивности в функциональном аспекте

В теоретической Главе 1 представлены ключевые для настоящего исследования проблемы категории экспрессивности в свете функциональной методологии: определение термина «экспрессивность» и разграничение видов экспрессивности, соотношение экспрессивности и ряда смежных категорий (эмотивность, интенсивность, оценочность, модальность, образность и др.), проблема механизма реализации экспрессивности в речи, а также семиотическая природа экспрессивного знака. Немаловажная роль отводится обзору методологических подходов к изучению семантики субъективности в языке, в котором очерчивается научный контекст данного диссертационного исследования и отмечаются предпосылки функционально-семантического анализа экспрессивности.

1.1. Понятие «экспрессивность» в лингвистической литературе и смежная терминология

1.1.1. Содержание и лингвистический статус экспрессивности

Термин «экспрессивность» обнаруживается в литературе по общему и частному языкознанию XX – XXI вв., а также в междисциплинарных работах по психолингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии и в других областях научных исследований (этике, эстетике, антропологии, литературоведении, семиотике). Устойчивый интерес ученых к данной теме обусловлен разнородной природой объекта изучения: экспрессивность связывается с эмоциональным восприятием действительности человеком и отражением ее в языке, с проявлением человеческой субъективности, эмоционального сознания в языке и речи, с особенностями культуры и эмоциональным интеллектом носителей языка и т.д. Она актуализируется не

только в речи, но и в экстралингвистических аспектах коммуникации (мимика, жесты, позы, движения).

Научная проблематика, к которой прямо или косвенно имеет отношение языковая экспрессивность, весьма разнопланова, например: философские и методологические проблемы лингвистики [Балли 2003; Вундт 2010; Додонов 1978; Hayner 1956], связь мышления и выражения субъективности в речевой деятельности [Васильев 1980; Витт 1984; Ильин 2001; Лабунская 1999; Шаховский 2008], общая языковая семантика и проблема моделирования значения [Вольф 2002; Кобозева 2000; Краснова 2002; Телия 1985; Туранский 1990; Foolen 1997; Lyons 1977, Lyons 1995, Wierzbicka 1991, 1992, 1999], лексическая семантика [Бабенко 1989; Вежбицкая 2001; Лукьянова 1986; Матвеева 1986; Трипольская 1999; Шаховский 1987(a); Wierzbicka 1999], стилистический потенциал лексики и синтаксиса [Виноградов 1963; Кострова 2004; Сильман 1967; Сковородников 1981, 2011; Снегирева 1977; Солганик 1991], текстовая проблематика [Маслова 1997; Мурза 1991; Пешкова 2007], функционально-прагматические аспекты речи [Киселева 1978; Копнина 2008; Мельничук 2013; Hubler 1998], социокультурные нормы и выражение человеческой субъективности [Fussell 2002; Besnier 1990; Goddard 2002], гендерные вопросы языка и многое другое. Такая многогранность экспрессивности превращает ее в самый сложный объект не только в лингвистике, но и в гуманитарном знании в целом.

Большое количество толкований экспрессивности, терминологическая синонимия, недостаточная четкость в разграничении смежных категорий («экспрессивность» — «экспрессия», «экспрессивность» — «выразительность», «экспрессивность» — «изобразительность», «экспрессивность» — «эмотивность», «интенсивность», «оценочность» [Мельничук 2013; Моргоева 2009; Шаховский 1987, 2008]) в известной степени осложняют лингвистический анализ. Поэтому для настоящего исследования становится важным, в первую очередь, уточнить объем основных понятий.

Самые общие представления о содержании экспрессивности складываются при обращении к данным философских и лингвистических словарей и энциклопедий, к источникам по психологии:

- в эстетике под данным понятием подразумевается повышенная, подчеркнутая, обостренная выразительность в искусстве, для достижения которой применяются особые, необычные художественные средства [Эстетика: Словарь 1989];

- в психологии — «внешняя проявленность эмоций» [Изард 1999; Ильин 2001; Кахиани 1971; Лабунская 1999];

- в лингвистическом контексте — выразительная сила высказывания как его способность объективировать субъективные переживания, отношения человека; «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [ЛЭС 1990: 591]. Это самое широкое толкование термина, которое конкретизируется в каждом отдельном исследовании экспрессивности.

Обзор теоретической литературы выявляет тот факт, что ученые, связывая экспрессивность с эмоционально-чувственной сферой в языке, по-разному определяют ее содержание и лингвистический статус. В англоязычной лингвистической литературе (в частности, в философии языка, в антропологической лингвистике и в рамках общей семантики) сформировалась тенденция к более частотному употреблению терминов «**экспрессивное значение**» (*expressive meaning*) и «**экспрессивная семантика**» (*expressive semantics*), а не термина «экспрессивность» (*expressivity, expressiveness*) [Lyons 1977; Hayner 1956; Besnier 1990; Foolen 1997]. Мы также обнаруживаем свидетельства о противопоставлении лингвистами предметно-логической информации (дескриптивного / денотативного значения), содержащейся в знаке, экспрессивному значению,

обобщающему и выражающему в знаке субъективные переживания, свойственные носителям языка определенной культурной общности, а также социологизированные и психологизированные представления носителей данного языка об эмоционально-чувственной сфере человека.

Американский исследователь Пол С. Хейнер (*Paul C. Hayner*) приходит к данному противопоставлению, рассуждая о способности языкового знака «обозначать» объекты действительности и «выражать» состояние говорящего. Например, «танец выражает *радость*». Является ли слово *радость* непосредственной объективацией эмоции в языке? На самом деле, это обозначение эмоции, указание на существование в человеческом опыте такого переживания, как радость. Само же слово не обнаруживает той или иной степени проявления данной эмоции в высказывании. Автор приводит еще один пример, связанный с эмоционально-чувственной сферой общения. В момент эмоционального подъема говорящий может воскликнуть *Hurrah!* (*Ура!*), и при этом он не указывает на переживание определенной эмоции, а непосредственно выражает данную эмоцию в коммуникации. Делается вывод, что такое речевое поведение — это своего рода продолжение или часть эмоции *радость*, ее экспликация при помощи языковых средств, а *экспрессивное значение* — это такой тип языкового значения, который позволяет говорящему не называть аффекты, эмоции, чувства, а непосредственно проявлять их в коммуникативном акте при помощи языкового знака [Hayner 1956: 149].

О семиотически важной дихотомии «обозначать — выражать знаком то или иное содержание» размышляет философ языка Ж. Вюймен (*J. Vuillemin*). Он аналогично отмечает возможность разграничить, по крайней мере, два типа семантики: дескриптивную и экспрессивную. «Эти значения подчиняются принципу комплементарности, они глубоко укоренились в природе и условиях человеческого общения» [Vuillemin 1969: 488].

Более дифференцированный подход к языковой семантике мы находим в работе британского исследователя Дж. Лайонза (*«Semantics»*). Он пишет:

«Можно выделить три разных типа семантической информации, закодированной в языковых высказываниях: дескриптивная, социальная и экспрессивная. Дескриптивная информация (или дескриптивное значение) является фактуальной в том смысле, что ее можно легко доказать или опровергнуть и, в лучшем случае, объективно проверить. Другие термины, используемые в литературе для данного типа значения, — «референтное», «когнитивное», «пропозициональное», «понятийное» и «сигнификативное». Мы определяем экспрессивное значение как такой тип значения, который зависит от характеристик говорящего и меняется в связи с ними, а социальное значение — как тип, который призван устанавливать и поддерживать социальные отношения; очевидно, что эти два значения взаимосвязаны» [Lyons 1977: 5]. В другой своей работе («*Linguistic Semantics*») Дж. Лайонз развивает далее идеи о том, что экспрессивное значение — это такой тип языкового значения, при помощи которого коммуниканты выражают, а не описывают собственные чувства, отношения, убеждения; это значение отчасти является значением предложения [Lyons 1995: 44]. Представленная Дж. Лайонзом дифференциация типов значения выстраивается на нескольких основаниях. Во-первых, языковое значение формируется благодаря однонаправленному наложению языковых знаков на материальную реальность. Во-вторых, дескриптивное и экспрессивное значения образуют дихотомию. В-третьих, значение реализуется в коммуникативной ситуации.

В рамках немецкой [Бюлер 1993; Hubler 1987, 1998], голландской [J. van Ginneken, Foolen 1997] и французской [Балли 1955, 2001, 2003] научных лингвистических традиций также существуют теоретические работы в области стилистики, семантики, прагматики и функциональной лингвистики, затрагивающие аспекты экспрессивности, которая в целом трактуется как манифестация эмоций в языке / речи и общении.

Наиболее авторитетными и влиятельными в проблемной области «экспрессологии» считаются труды Ш. Балли, исследователя, который

первым обосновал необходимость изучения субъективных семантических «наслоений» в языке и указал на их стилистический потенциал [Балли 1955, 2001, 2003]. Отправной точкой в его стилистической концепции являются представления о человеческой аффективности: «Аффективность есть естественное и спонтанное выражение субъективных форм человеческого мышления: она неразрывно связана с нашими ощущениями, желаниями, устремлениями и ценностными суждениями, являясь ... внешним выражением интереса, который мы испытываем к реальной жизни» [Балли 2003: 98] Применительно к языковому воплощению аффективности автор использует термин «экспрессивность» и подразумевает под ним семантическую окраску, включающую в себя видовые понятия — окраска эмоциональная, социальная, приемы интенсификации и образности, т.е. всевозможного рода приемы тропеической мотивации [Цит. по: Телия 1991: 39]. Мы делаем вывод, что экспрессивность в данной интерпретации — это явление очень широкое, преимущественно семантико-стилистическое, в основе которого лежит общий механизм — изменение, смещение предметно-логического значения, позволяющее коммуникантам выразить определенную эмоцию.

Ш. Балли описывает терминологическое поле, связанное с экспрессивностью: исследователь указывает на *экспрессивные язык и речь*, *экспрессивные факты* (любой факт речи или языка, сообщающий о движении нашей внутренней жизни и связанный с эмоциями), *экспрессию* (эффект, реализация экспрессивности в речи) [Балли 2001, 2003].

Представленные выше семантическая и стилистическая интерпретации понятия можно дополнить системно-функциональными теоретическими положениями, а именно — трактовкой экспрессивности как одной из основных *языковых функций*, способности языка выражать эмоциональные переживания коммуникантов и усиливать сообщение [Бюлер 1993; Матезиус 1967; Якобсон 1985; Danes 1994; Foolen 1997; Hubler 1998]. Р. Якобсон

приводит также синонимичные термины — эмотивная / эмфатическая функция [Якобсон 1985: 44].

В отечественном языкознании аналогично закрепилось несколько толкований исследуемого явления. Широкое понимание термина мы находим у многих лингвистов. Например, О. С. Ахманова говорит о том, что экспрессивность — это наличие экспрессии, а экспрессивный — содержащий экспрессию, сообщающий экспрессию. Под экспрессией подразумеваются выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей эмоциональную окраску [Ахманова 1966: 522–523]. Похожее определение дает А. И. Ефимов: экспрессивность — это выразительно-изобразительные качества речи [Ефимов 1961: 104].

Семантико-стилистические, коммуникативные аспекты экспрессивности, а также ее близость категории субъективной модальности подчеркиваются в определении В. Н. Гридина: экспрессивность — совокупность семантико-стилистических признаков единиц языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или к адресату речи [ЛЭС 1990: 591].

В. Н. Телия аналогично акцентирует наличие связи между категорией модальности и экспрессивностью и определяет последнюю как эффект, возникающий в речевой деятельности при выражении эмоционального отношения говорящего к обозначаемому выражению [Телия 1985: 85–86].

Н. А. Лукьянова также понимает экспрессивность широко: это свойство единиц, связанное с их способностью актуализировать экспрессивную функцию языка, семантическую по своей природе. Компонентами экспрессивности являются эмоциональная оценка, интенсивность и образность [Лукьянова 1986: 44].

Более узкое понимание термина мы встречаем у таких авторов, как И. В. Арнольд, К. А. Долинин, в работах которых экспрессивность фигурирует в

определении семантической структуры языковой единицы. К. А. Долинин отмечает, что экспрессивная семантическая окраска не является родовым понятием, она является компонентом стилистического значения, определяет характер, интенсивность восприятия как стилистической, так и предметно-логической информации, содержащейся в знаке [Долинин 1978: 120].

И. В. Арнольд подчеркивает, что экспрессивный компонент значения является самостоятельным, независимым от эмоционального, оценочного и стилистического компонентов, а присутствие одного из компонентов не влечет за собой обязательного присутствия всех остальных, они могут встречаться в разных комбинациях [Арнольд 2006: 162].

Необходимо обозначить еще одну точку зрения, обобщающую разноплановые концепции, — положения о *категориальном статусе* экспрессивности [Киселева 1978; Лукьянова 1986; Мельничук 2013; Моргоева 2009; Нехлина 1969; Телия 1985; Тошович 2006]. Языковая категория как объединение лингвистических объектов обладает определенным набором характеристик, свойств, признаков (например, можно выделить семантическую основу категории, или содержание, системно-языковые средства ее выражения и их функционирование в речи, структурные характеристики категории, типовую категориальную ситуацию в речи, взаимодействие с другими языковыми категориями разной природы и др.) и фиксирует в виде модели комплексную природу объекта исследования.

В. Н. Телия, А. И. Ефимов, Н. А. Лукьянова преимущественно относят экспрессивность к семантическим категориям, поскольку она, по мнению исследователей, придает речи выразительность в силу взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, текста оценочного и эмоционального отношения субъекта речи к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире [Цит. по: Тошович 2006: 11].

Формальные, семантические и функционально-прагматические аспекты категории экспрессивности подчеркиваются в определении Б. Тошовича: «Экспрессивность — это категория, (1) охватывающая

гомогенные и гетерогенные связи формальных, семантических, функциональных и категориальных единиц, (2) отражающая и выражающая сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение А (отправителя, автора, говорящего) к В (получателю, реципиенту, собеседнику) или С (предмету, содержанию сообщения), (3) обладающая функцией воздействия и (4) служащая для подчеркивания, усиления, актуализации в процессе общения» [Тошович 2006: 9].

Подводя итоги нашему обзору, отметим, что исследователи не только расходятся во мнениях относительно содержания экспрессивности (выражение эмоций в языке; усиление, или интенсификация, эмоциональности и выразительности; выражение субъективного отношения; усиление воздействия высказывания), но и причисляют ее к системно-языковым и речевым явлениям разной природы: это может быть *эффект* в речи / тексте [Вахитова 2007], не-нейтральные семантико-стилистические *свойства* единиц языка [Гридин 1976, Лукьянова 1986], разновидность *семы* [Арнольд 2006; Долинин 1978], *тип значения* [Hayner 1956; Lyons 1977], *функция* [Бюлер 1993; Долинин 1978; Телия 1991; Якобсон 1985; Foolen 1997; Hubler 1987], *категория* [Кожина 1987; Лукьянова 1986; Моргоева 2009; Тошович 2006;]. Недостаточную определенность лингвистического статуса экспрессивности, на наш взгляд, можно объяснить тем, что ее внеязыковая психофизиологическая основа — эмоции — проявляет себя в речевом общении крайне разносторонне: эмоции актуализируются на всех уровнях языковой системы, затрагивают формальные, семантические, функциональные, семиотические аспекты языковых единиц, образуют отдельный тип семантики в языке, в определенной степени обуславливают функционирование языковой системы в речи. Это приводит к тому, что объем понятия «экспрессивность» варьируется в зависимости от уровня и специфики лингвистического анализа, осуществляемого каждым отдельным исследователем. Другими словами, широкий объект «экспрессивность как

выражение эмоционально-чувственного в языке и речи» приобретает разный предметный фокус в трудах лексикологов, стилистов, прагматистов, грамматистов-функционалистов, лингвистов-когнитологов, психолингвистов и др.

1.1.2. Экспрессивность и смежные категории

Качественная и количественная неоднородность эмоциональных переживаний человека является причиной разграничения лингвистами ряда смежных с экспрессивностью категорий, которые находятся либо в отношении «часть — целое», либо в отношении частичного пересечения: эмотивность, интенсивность, оценочность, модальность.

По мере развития знаний о выражении эмоционально-чувственной сферы человека посредством языка из проблемных рамок экспрессивности выделилось целое научное направление — эмотиология, которая ставит перед собой задачу — всесторонне исследовать лингвистическую категорию эмотивности [Бабенко 1989; Шаховский 1983, 1987(а), 1987(б), 2008]. Благодаря активному развитию данной области возникает все больше дискуссий по поводу отношений «экспрессивность — эмотивность — интенсивность». Эти категории представляются наиболее близкими содержательно.

Эмотивность расценивается Б. Тошовичем как важнейший компонент экспрессивности, настолько проникающий в структуру последней, что становится трудно найти четкие дифференциальные признаки [обеих] [Тошович 2006: 15]. Чтобы проиллюстрировать эти отношения, автор отталкивается от корреляции эмоции и экспрессии: «Эмоции — это чувства (радость, горе, печаль, страх, тревога, гнев, презрение и т.п.), переживания, волнения, духовные, аффективные состояния, нарушающие психическое и физическое равновесие, а экспрессия — их продукт. <...> В то время как эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов,

экспрессия зарождается под воздействием эмоций. Это значит, что в основе экспрессивности лежит некая эмоция... » [Тошович 2006: 16]. Делается вывод о том, что эмотивное значение (т.е. значение, в структуре которого содержится сема эмотивности) и, соответственно, эмотивность полностью покрываются категорией экспрессивности и составляют ее часть.

Общий характер экспрессивности признает Е. М. Галкина-Федорук. Отмечается, что эмоциональность (или эмотивность) служит для выражения эмоций, в то время как экспрессивность, в данной интерпретации, — это усиление выразительности и образности, что является более широким понятием, подчиняющим себе эмоциональность [Галкина-Федорук 1958: 103-124].

Заслуживает внимания формулировка содержания экспрессивности через прагматическую направленность эмотивности. По мнению Б. Волек, экспрессивность — это заданная эмотивность, преднамеренное использование средств эмоционального воздействия [Volek 1987]. Сходную позицию занимает Н. Ю. Горячева [Горячева 1999]. Н. И. Формановская считает экспрессивность функциональным аспектом эмотивности / эмоциональности: эмоциональность имеет денотат в виде психического состояния человека, экспрессия же такого денотата не обнаруживает, это функция и способ единицы речи выражать такое психическое состояние [Формановская 2005: 110].

В целом мы приходим к выводу о том, что экспрессивность функционально охватывает те средства категории эмотивности, которые призваны выразить эмоции коммуникантов, имеет функционально-прагматическую ориентацию (эмоциональное воздействие, экспрессия в речи).

Экспрессивность с ее общеродовым, категориальным, признаком «эмоциональное воздействие» и эмотивность как семантический вариант экспрессивности в речевой реализации довольно часто взаимодействуют с категорией интенсивности, которую И. И. Туранский в целом определяет как

семантическую категорию со значением градации количества: «Интенсивность есть количественная мера оценки качества, мера экспликативности, есть показатель содержания коммуникации».

Применительно к лингвистике автор настаивает на том, что интенсивность является характеристикой семантических проявлений субъективности, а именно — мерой экспрессивности, эмоциональности, оценочности, другими словами, признаком признака [Туранский 1990: 7]. Признается, что экспрессивность раскрывает качественную сторону высказывания, а интенсивность — количественную характеристику этой качественной стороны [Туранский 1990: 15].

Существует тенденция сближения экспрессивности и интенсивности [Сковородников 1981; Гак 1979; Шевченко 1978], которая объясняется рядом причин:

1. Экспрессия осознается только там и тогда, где и когда существуют формы обычного коммуникативного отражения того или иного явления. Вне соотношения с этими последними экспрессия неуловима. Аналогичным образом о большей или меньшей степени интенсивности высказывания мы судим, опираясь на показатель «нормальной», нейтральной степени интенсивности с учетом той отметки на шкале интенсивности, которую эмпирически принимаем за ординарный уровень интенсивности [Туранский 1990: 17].

2. В основе неразличения этих двух категорий лежит факт использования обеими одного и того же набора фонетических, грамматических и лексико-синтаксических средств [Туранский 1990: 17–18].

3. Функциональный аспект экспрессивности совпадает с функциональным аспектом интенсивности. Обе категории в совокупности, в единстве создают прагматический эффект выразительности и изобразительности речи, выполняют функцию не просто сообщения, но усиленного воздействия на адресата [Туранский 1990: 19].

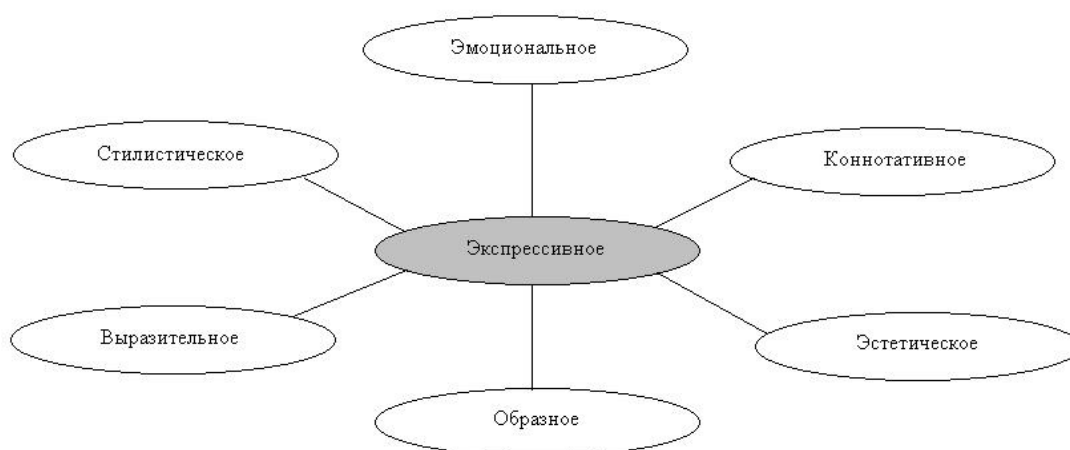
Мы склоняемся к мнению о том, что для последовательного описания категорий субъективности в языке и речи необходимо проводить параллели с внеязыковой, психологической и мыслительной действительностью человека. Экспрессивность, эмотивность и интенсивность в качестве категорий языка и речи имеют психофизиологическое, естественное, основание, они связаны с речемыслительными процессами и являются производными эмоциональной деятельности человека. Аффекты, эмоции, чувства, отношение как психологические явления имеют и количественные, и качественные характеристики. По причине того, что данные характеристики коммуникативно значимы, они также присутствуют и в языке. С этой точки зрения, указанные выше категории (эмотивность, интенсивность, экспрессивность) непосредственно соотносятся с качественными и / или количественными характеристиками эмоциональных переживаний человека и транслируют их в речи.

В этой связи думается, что в аспекте изучения субъективной семантики интенсивность — это не мера экспрессивности, а скорее количественный параметр того эмоционального переживания, которое выражается в высказывании и шире — в коммуникативном акте. Становится очевидным инвариантно-вариативный характер отношений экспрессивности, эмотивности и интенсивности: благодаря эмотивности в речи обнаруживается характер эмоции, интенсивность имеет отношение к степени проявленности эмоции, а экспрессивность объединяет данные семантические функции на более общей функциональной основе (эмоциональное воздействие).

Отношения пересечения прослеживаются при разграничении модальности, эмоциональной оценки и экспрессивности. «Рассматриваемые категории не могут не быть соположены, ибо каждая из них передает отношение содержания высказывания к действительности, в каждой из них раскрывается индивидуальное языковое «я» говорящего» [Туранский 1990: 16].

Помимо представленной выше дифференциации категорий, имеющих отношение к языковому выражению субъективности, в лингвистических источниках можно обнаружить еще более пристальный анализ «неденотативной семантики». Например, Б. Тошович считает целесообразным обозначить связи между экспрессивным, коннотативным, стилистическим, выразительным, образным, эстетическим. Результатом рассмотрения этих категорий является следующий соотносительный круг экспрессивности [Тошович 2006: 15].

Соотносительный круг экспрессивности. Рисунок № 1

Автор приходит к выводу, что (1) ни одна из приведенных категорий не образует с экспрессивностью отношений полной идентичности, т.к. объем у них отличается, (2) в их взаимодействии возникают отношения частичной совместимости, (3) они вступают в отношения пересечения, (4) между ними сильно выражено отношение имплицитности и (5) намного больше представлено отношение конъюнкции, чем дизъюнкции. Экспрессивность является более широким понятием по отношению к эмоциональному, выразительному, образному и коннотативному; более узким понятием по отношению к стилистическому; может быть и более узким, и более широким понятием по отношению к эстетическому [Тошович 2006: 37].

Обозначив основные тенденции в определении экспрессивности, в настоящем исследовании мы предлагаем формулировку понятия с опорой на методологическую базу функциональной лингвистики.

Экспрессивность — это (1) категория языка и речи, психофизиологической основой которой являются эмоции и чувства человека; общее содержание данной категории можно сформулировать как языковое выражение говорящим эмоций, чувств, отношения, эмоциональной оценки в целях воздействия на партнера по коммуникации; (2) данная категория представлена разноуровневыми системно-языковыми единицами и речевыми средствами; (3) результатом функциональной реализации экспрессивности в речи является эффект эмоционального воздействия, или экспрессия; исследуемая категория имеет функционально-прагматическую направленность (т.к. ориентирована на коммуникативный акт), а также функционально-семантический аспект.

Таким образом, мы придерживаемся широкого понимания экспрессивности, признаем наличие ее связи, разнородных отношений с категориями субъективности и в представленном определении стремимся объединить семантические, формальные и функциональные ее аспекты, акцентировать связь исследуемого предмета с речемыслительной деятельностью человека и подчеркнуть его функционально-коммуникативную ориентацию.

1.2. Методологические подходы к изучению экспрессивности

Комплексность категории экспрессивности обуславливает применение учеными разных подходов и методов при анализе ее формальных, структурных, семантических и функциональных аспектов, что создает наиболее полное представление о данном феномене и делает научное исследование экспрессивности более доказательным.

Обращение к индивидуальному человеку со всей сложностью организации его внутреннего мира происходит в конце XIX в. — начале XX в. В этот период в гуманитарной науке возникает необходимость осмыслить и объяснить феномен человеческой психики, смоделировать ее структурный и функциональный аспекты, выявить определяющие факторы ее формирования и развития, а также связать индивидуальную психику с коллективным и культурным аспектами жизни человека. Эти веяния в гуманитарном знании в целом существенно повлияли на развитие лингвистических учений. Как отмечают Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, личностные элементы, роль личностных процессов в сознании индивида, связь явлений психики индивида с процессом речи — слушания, процесс объективирования субъективно-идеального через язык и объективизация субъективного в языке занимают с середины XIX в. значительное место в теоретических построениях лингвистов и психологов [Амирова 2006: 333].

Во второй половине XIX в. находит активное развитие психологическое направление в философии языка. Под психологией языка понимается анализ психологических процессов, связанных с речевыми актами или же с изучением психологических закономерностей, проявляющихся в историческом развитии системы языка. Очевидно, что в рамках данного направления представлено два вида психологизма: это универсальный психологизм, в основании которого лежат концепции общечеловеческого разума, мышления, духа, и индивидуальный языковой психологизм отдельной личности. Подобное понимание и истолкование

языковых явлений свойственно крупнейшим лингвистам XIX в. Г. Штейнталу, М. Лацарусу, А. А. Потебне, В. Вундту, Г. Паулю и др. [Амирова 2006: 334]

Примечательно, что на данном этапе еще не происходит выделения категории экспрессивности как таковой в системе понятий лингвистики, но в рамках данного подхода частично разрабатываются некоторые аспекты психофизиологической основы языковой экспрессивности — аффекты, эмоции, чувства. Например, В. Вундт в своих работах обращается через язык к психологии, рассматривает ощущения, чувства, эмоциональные и волевые процессы. Сложные психические процессы, по мнению исследователя, оставляют след в языке, мифах, нравах и обычаях, в религии и искусстве народа [Амирова 2006: 343].

Осмысливая соотношение индивидуальной психологии и психологии народов, автор заключает, что «язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений, их законы и их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли» [Вундт 2001: 45].

Интерес исследователей второй половины XIX в. к народной и индивидуальной психологии в языке переняли лингвисты-философы и лингвисты-психологи начала XX в. В этот период развития языкознания глубокую разработку получают также общетеоретические вопросы связи языка и мышления, вопрос о роли языка в процессе познания, в индивидуальном и коллективном бытии, в культурной и этнической самоидентификации человека. Помимо этого затрагиваются проблемы освоения языка человеком и языкового развития в онтогенезе, психофизиологической реальности языка, проблемы речевой деятельности.

В связи с разработкой такого объемного комплекса проблем особую значимость приобретает анализ *экспрессивной функции языка и экспрессивного значения*. Здесь необходимо выделить, по крайней мере, два

вектора развития данной проблематики в методологических работах по лингвистике того времени:

- 1) изучение связи экспрессивной функции языка и экспрессивного языкового значения с мышлением и мыслительным, когнитивным компонентом языковой семантики;
- 2) исследование взаимосвязи языковой экспрессии и общей эстетики.

До начала XX в. в истории языкознания и в целом в гуманитарном знании уже существовала традиция изучения взаимоотношения языка и мышления. Работы философов и языковедов предшествующих столетий послужили базой для развития данного направления в XX в. и, конечно, давали основание для диспута менталингвистов (в современной терминологии) и исследователей только формирующейся языковой проблематики — экспрессивной семантики и стилистики.

В XIX в. благодаря фундаментальным трудам В. фон Гумбольдта в науке появляются представления о самостоятельности языка по отношению к мышлению и бытию. Язык, в понимании ученого, превращается в орудие развития духовных сил и формирования мировоззрения, это инструмент познания и даже форма знания. Все это свидетельствует о зависимости мировоззрения человека от языка, на котором он говорит. «Детерминируя мышление, язык создает вокруг человека промежуточный мир, одновременно связывающий его с миром вещей и отделяющий от него, препятствующий непосредственному восприятию окружающего, преломляющий ощущения через призму усвоенных категорий» [Цит. по: Пищальникова 2009: 85].

Такое видение языка приводит ученых-лингвистов и методологов первой половины XX в. к необходимости изучать в первую очередь мыслительное, понятийное, а не экспрессивное, значение в каждом отдельном языке.

Примечательны в этом отношении труды Э. Сепира. Автор указывает на то, что языковой элемент — это символ, который упрощает и обобщает

наше знание о мире, более или менее произвольно объединяет явления и отношения. Значение же выступает условной оболочкой мысли, охватывающей тысячи различных явлений опыта и способной охватить еще новые тысячи [Сепир 1993: 34–35]. Значение является формой фиксации психически реальных познавательных структур, которые включены в непрерывный поток мышления. По Сепиру, мышление представляет собой наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи [Сепир 1993: 36]. Этим объясняется превосходство понятийного, когнитивного значения в языке перед экспрессивным, которое есть результат эмоциональных наслоений на понятийное и поэтому является неосновным, второстепенным.

Прямо противоположную точку зрения высказали лингвисты Ш. Балли, Дж. ван Гиннекен (*J. van Ginneken*), которые критиковали современное им языкознание за чрезмерный уклон в область понятийного, мыслительного. Одним из самых ранних и основных научных трудов, в которых кардинально затрагиваются проблемы экспрессивности, является книга Ш. Балли «Французская стилистика» (1909 г.).

Рассуждая о взаимоотношении интеллектуального и чувственного в человеческом опыте и в языке, Ш. Балли приходит к выводу о том, что первое есть орудие, которое позволяет нам осмыслить объективную реальность и превратить ее в факты внутренней жизни человека. Но мысли как таковые и мыслительное содержание в языке, которое выражается символами в речи, в полной мере не раскрывают всего того, что составляет человеческую индивидуальность, личность: «... Нет ничего более обезличенного, чем идея», — пишет автор [Балли 2001: 23]. Личность определяет в том числе и аффективная часть нас, а именно: наши эмоции, чувства, импульсы, желания, стремления — все то, что формирует нашу духовную жизнь и характер, но не относится к логической сфере. Мышление связывается исследователем с внешним, социальным проявлением человека, а чувства — с внутренним. Отсюда закономерно следует вопрос: если существование мыслительного содержания языковых форм широко

признается в лингвистике, почему же мы отказываемся признать и наличие экспрессивного языкового значения, а также его важность, необходимость?

По мнению автора, язык, будучи явлением социальным, запечатлел в своих формах и мыслительное, и чувственное содержание для полноценного самовыражения человека. Следует также подчеркнуть то, что в языковом общении не существует четкой установки говорящего на выражение только идеи или только чувства — в речи мысль сосуществует с аффектом, который может и доминировать в определенных ситуациях.

Помимо теоретической проблемы статуса экспрессивного значения в языке ученый затрагивает следующие дискуссионные вопросы лингвистического анализа аффекта: объем понятия «аффективное выражение» (*l'expression affective*) и его соотношение с интенсивностью, оценкой, стилистическим значением, целенаправленность / спонтанность аффекта в речи, качественные и количественные характеристики аффективной речи. Балли также обращается к конкретному воплощению данной семантики в речи — экспрессивным формам и предлагает метод их исследования (метод идентификации — извлечение экспрессивных единиц из контекста и сравнения с нейтральными формами) [Балли 2001].

Работа Ш. Балли «Французская стилистика» оказала огромное влияние на развитие научных представлений о проблематике языковой экспрессивности. Ученые разных школ и направлений обращаются к этому труду как к базовому, развивая и дополняя основные положения, изложенные автором.

Добавим, что столкновение позиций «менталингвистов» и «экспрессологов» происходило на протяжении всего XX в., сформулированные ими теоретические положения легли в основу современной проблемной области в языкознании — эмотиологии, а также, по мнению методологов, влияют на развитие предметно более широкой, общей области — экспрессологии.

Эстетический подход к экспрессивности реализуется в трудах представителей Эстетической школы. Наиболее ярким и последовательным представителем такого подхода является К. Фосслер, глава школы, теоретические взгляды которого изложены в работах «Позитивизм и идеализм в языкознании» (1904), «Язык как творчество и развитие» (1905), «Дух и культура в языке» (1925).

Вслед за В. Гумбольдтом Фосслер объявляет язык «выражением духа», духовных процессов. В языке духовные ценности обретают форму. Отсюда делается вывод о том, что законы развития языка нужно изучать не автономно, а как результат «деятельности духа».

По мнению К. Фосслера, дух, живущий в речи, производит все вместе: звуки, слова, предложение. Именно «дух», поэтический, природный дух, присущий всем языкам, определяет все в языке и лучше всего проявляется в языковой экспрессии, языковом творчестве, к изучению которого призывает исследователь. Языковая экспрессия в трактовке К. Фосслера связывается с общими выразительными способностями языка, его эстетикой и духовным потенциалом для творческой личности. Язык состоит из неповторимых выражений, которые приравниваются к творческому акту и сближают язык с искусством [Амирова 2006: 473–474].

Наилучшим образом языковая экспрессия реализует себя в поэтическом языке. Как отмечает исследователь, при обычном употреблении язык — «нечто имманентное душе», проявляющееся несовершенно. В поэзии же как раз имманентно внутреннее, языковое, находит свое выражение. Поэты — это художники, которым дано извлекать из языков народа язык сердца. Обыденная речь, по мнению Фосслера, напротив, не стоит анализа в качестве искусства [Шулежкова 2008: 145].

Идеи эстетической школы в языкознании имели отклик в отечественной филологии начала — середины XX в.

Представители структуральной парадигмы в языкознании разнятся во мнениях относительно экспрессивности (от крайнего неприятия экспрессивного значения и выразительных единиц языка до прямо противоположного видения данных языковых сущностей). Подобные разночтения в теоретических установках ученых обусловлены общими оценками и статусом семантических исследований в области языка в разных направлениях и школах структурализма. Как отмечает историк языкознания Б. А. Серебренников, представители дескриптивной лингвистики защищали тезис о необходимости исключения содержания из теории языка, потому что значение относится к экстралингвистической области [Общее языкознание 1970: 220]. Например, Л. Блумфилд, определяя значение языковой формы с позиций бихевиоризма «как ситуацию, в которой говорящий ее произносит, и как реакцию, которую она вызывает у слушающего», пишет: «Ситуации, которые побуждают человека говорить, охватывают все предметы и события во Вселенной. Чтобы дать научно точное определение значения для каждой формы языка, мы должны были бы иметь точные научные сведения обо всем, что окружает говорящего» [Блумфилд 2002: 142]. Аналогичные взгляды высказывает Г. Глисон: «Содержание, вне его структуры, не поддается какому-либо обобщению. Субстанцию содержания составляет, несомненно, вся совокупность человеческого опыта. Тысячи ученых, каждый в своей области, работали, чтобы пролить свет на эту огромную массу материала. Однако единого подхода, который позволил бы охватить весь материал в целом и таким образом послужил бы отправным пунктом для сравнения различных языковых структур, еще нет» [Глисон 2002: 44]. Добавим, что мысль о соотношении экспрессивности с экстралингвистической реальностью высказал еще Ф. де Соссюр, который подчеркивал, что данная область не поддается анализу существующими (на тот момент) методами, имеет размытое значение, нечеткое формальное выражение, относится к области внутренних переживаний человека и поэтому должна разрабатываться нелингвистическими науками.

Представители Пражского лингвистического кружка (В. Матезиус, Р. Якобсон, Б. Гавранек), напротив, обращаются к области означаемого, исследуют как понятийное, так и экспрессивное значение, принимают участие в конференциях по проблемам экспрессивности в языковой деятельности, разрабатывают комплекс проблем языковых функций (в т.ч. экспрессивной).

Методологически значимым и новым в данном подходе (по сравнению с предыдущими работами) является то, что экспрессивные языковые средства и само экспрессивно-эмотивное значение рассматриваются исследователями не отвлеченно, изолировано, а вписываются в системные связи элементов языка и наделяются функционально-коммуникативными характеристиками. Например, в работе «Язык и стиль» В. Матезиус, размышляя о функционировании языка, о его выразительных способностях и связи с действительностью, делает следующие наблюдения: «Используемые нами слова должны иметь с ... явлением действительности прочную смысловую связь, а поскольку такая связь обязательна, постольку их комбинация должна выражать отношение говорящего к этому явлению действительности в данный момент. Для отмеченных двух задач, то есть задачи наименования элементов действительности и задачи выражения актуального отношения говорящего, каждому языку и каждой эпохе свойственны свои собственные средства выражения, отличающиеся от аналогичных средств другого языка и другой эпохи не только внешним видом — формой, но и смысловым содержанием и эмоциональной окраской. <...> Выразительные средства данного языка сгруппированы в его языковой системе. <...> В высказываниях реализуются выразительные возможности, предоставляемые языковой системой всякий раз для конкретных задач и с определенным воздействием. Каждое высказывание имеет свое собственное вещественное содержание и возникает из своеобразной ситуации. В каждом высказывании отражается актуальное отношение говорящего к действительности и его отношение к слушателю, реальному и мыслимому». По мнению ученого,

вещественное содержание и ситуационная перспектива, отношение говорящего к действительности и к слушающему — все эти компоненты составляют смысловую сторону высказывания и реализуются в его смысловой структуре средствами языка [Матезиус 1967: 444–523].

Итак, экспрессивность (или экспрессия) определяется как выражение внутреннего состояния говорящего, направленное на слушателя, и является неотъемлемой частью смысловой структуры любого коммуникативного высказывания. В. Матезиус подчеркивает, что в живом разговоре момент коммуникативный и экспрессивный тесно переплетены, экспрессия — это форма, «выросшая на базе коммуникативной функции».

На данном этапе происходит дисциплинарная привязка в изучении языковой экспрессивности, которая становится объектом исследования:

- 1) в лингвистическом анализе литературного творчества, текстологии;
- 2) в стилистике.

Эта тенденция сохраняется во второй половине XX в.

Большой вклад в исследование экспрессивной функции языка и в целом категории экспрессивности внесли филологи XX в., работавшие в русле лингвистического и эстетико-стилистического анализа структуры литературного произведения.

По наблюдениям В. В. Виноградова, в русских лингвистических работах начала XX в. не было полноценно представлено явление языка художественной литературы, в теоретическом осмыслении и практическом исследовании также нуждался феномен экспрессивного языка конкретного писателя и литературного произведения: «Только в советскую эпоху наука о русском литературном языке и языке русской художественной литературы и в особенности тот раздел ее, который посвящен изучению языка литературных произведений, языка писателя, начала развиваться стремительно и разносторонне» [Виноградов 2005: 344].

В начале 20–х гг. была предпринята попытка развить учение о поэтической речи как об антитезе речи практической, как о самоценной речи, направленной на актуализацию, «воскрешение» слова, на выведение его из бытового автоматизма [Виноградов 2005: 345].

Поэтическая речь признается специфической, независимой, свободной от законов практического языка. Она рассматривается как самодовлеющая деятельность и как сфера эстетически значимых приемов, как бы изнутри себя раскрывающая свои художественно-выразительные ресурсы [Виноградов 2005: 346]. Согласно исследователю, основным принципом строения поэтической речи, языка художественного произведения является отталкивание от практического языка, «остранение» его структурных элементов и конструктивных качеств, экспрессивное использование. Такое видение художественного языка, несомненно, приводит ученых к пониманию ключевой роли экспрессивности в литературном творчестве, поэтому особое внимание уделяется экспрессивным формам языка. В отечественной филологии начинают разрабатываться явления экспрессивной семантики, ритмико-интонационные характеристики экспрессивной поэтической речи и т.п. (С. И. Бернштейн, Г. О. Винокур, В. П. Григорьев, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум и др.) Необходимо подчеркнуть, что аспекты языковой экспрессивности в литературном творчестве затем обособились в отдельную область эстетики языка и поэтики.

Исследование экспрессивного поэтического языка и индивидуального литературного творчества в отечественном языкознании данного периода обнаруживает необходимость развития и систематизации представлений о стилистической дифференциации литературного языка в целом, что приводит к активному развитию описательной и функциональной стилистики. В. В. Виноградов пишет о том, что исследование стилистических проблем происходит по двум путям: (1) изучение функциональных разновидностей

русского литературного языка и типов устно-бытовой речи; (2) исследование форм, типов, жанров речи художественной литературы.

В русле стилистики проблематика языковой экспрессивности, выразительности органично находит свое дальнейшее научное осмысление и развитие как в отечественном, так и в зарубежном языкознании на протяжении всего XX в. Фокус внимания исследователей данного направления на описании экспрессивных средств языка и их стилистического значения, функциях данных единиц в разных стилях, типах и жанрах речи [Арнольд 2006; Брандес 1983; Гальперин 1958; Долинин 1978; Ефимов 1961].

Зарубежная стилистика внесла значимый вклад в анализ экспрессивного значения в языке, сделав его объектом исследования на начальных этапах своего дисциплинарного становления (см. отсылки к Ш. Балли выше).

В зарубежной стилистике формируется понимание экспрессивной окраски как родового термина, который включает в себя следующие видовые понятия — окраска эмоциональная, социальная, приемы интенсификации и образности, т.е. всевозможного рода приемы тропеической мотивации [Цит. по: Телия 1985: 39]. Такое представление об экспрессивном значении заимствуется и частично переосмысливается отечественными стилистами.

О необходимости системного изучения экспрессивно-выразительных средств говорит отечественный стилист А. И. Ефимов, который в своей работе «Стилистика русского языка» определяет четыре комплекса проблем стилистического исследования (среди них появляются разноуровневые экспрессивные средства):

- 1) стили языка;
- 2) выразительные средства языка, которыми располагает словарный состав, фразеология, синтаксис;
- 3) слог художественных, научных, публицистических и иных произведений;

4) приемы словесно-художественной изобразительности, характерные для некоторых стилей [Ефимов 1961: 11].

Специфические особенности в составе и функциях средств выразительности и отчасти изобразительности являются, согласно автору, одним из принципов стилистического и жанрового деления текстов.

Следует отметить, что экспрессивная функция языка и языковой / речевой арсенал средств выразительности изначально исследуются в рамках данной дисциплины в связи с разработкой стилистических проблем художественного текста, его эстетики и образности [Ефимов 1961]. Затем в поле зрения ученых постепенно входит экспрессивность текстов других стилей и жанров. На современном этапе стилистами создана детальная классификация экспрессивно-стилистических средств языка и речи, которая базируется на практическом исследовании текстов самой разнообразной жанрово-стилистической принадлежности с привлечением данных других лингвистических наук, таких как семантика, прагматика, лингвокультурология, теория коммуникации, дискурсивная лингвистика и др.

Представители системно-функционального (коммуникативного) направления лингвистики внесли существенный вклад в развитие теории экспрессивности. Помимо лингвостилистического и литературоцентричного описания экспрессивности фиксируется появление разнообразных междисциплинарных работ в рамках системно-функционального направления, а также активное развитие данной проблематики в частных дисциплинах.

В первую очередь, отметим расцвет семантических, лексикологических и лексикографических исследований, в которых экспрессивность и смежные семантические категории находят всестороннее освещение.

В русле общей семантики осмысливается феномен понятийного, денотативного значения языковых единиц и его связи с экспрессивным, эмотивным, интенсивным, стилистическим, социальным [Апресян 1974;

Телия 1985,1986, 1991(а), 1991(б); Lyons 1977, 1995; Wierzbicka 1991, 1992, 1999]. Предпринимаются попытки определить место и роль экспрессивной семантики в типологии значений, построить общую модель языкового значения с включением элемента субъективных переживаний человека. Кроме этого, поднимается вопрос об уместности и применимости методов анализа понятийного значения по отношению к экспрессивности.

Основной акцент ученых, занимающихся лексической семантикой, делается на структуре экспрессивного лексического значения, его моделировании, исследовании феномена коннотации и других периферийных компонентов значения слова [Бабенко 1986, 1989; Вежбицкая 2001; Шаховский 1987]. Приобретает актуальность детальная разработка экспрессивного лексического фонда разговорного языка и других стилей, вопросы системности экспрессивных лексических единиц и их функционирования в речи [Лукьянова 1986; Матвеева 1986].

Формальный аспект категории экспрессивности продолжает развиваться в стилистических трудах И. В. Арнольд [Арнольд 2006], М. П. Брандес [Брандес 1983], Ю. М. Скребнева [Скребнева 2003] и др.

На стыке стилистики, грамматики и семантики разрабатываются вопросы экспрессивного синтаксиса [Александрова 1984; Сковородников 1981; Тошович 2006; Hubler 1987, 1998], изучающего всевозможные преобразования (транспозиции) в синтаксической семантике и структурах, которые актуализируют экспрессивное значение в речи.

Не менее важным становится психолингвистическое изучение экспрессивных свойств речи и механизмов экспрессивности [Витт 1984; Лабунская 1999; Леонтьев 1964; Носенко 1975]. Авторы исследуют:

- эмоциональную регуляцию речи и такие ее характеристики, как направленность, модальность, гибкость;
- способность языковых единиц выражать богатый спектр эмоций в речевом акте и всевозможные семантические сдвиги данных единиц в конкретных эмотивных контекстах;

- качественные и количественные характеристики речи человека в состоянии эмоционального возбуждения;

- явление сознательной и неосознанной экспрессивности речи и пр.

Семантические и функциональные аспекты категории экспрессивности также вписываются в предметное поле прагматики. В этом русле проблемы языковой / речевой выразительности исследуются с точки зрения отношений субъекта речи к адресату, субъекта речи к действительности [Серль 2004; Danes 1994; Wierzbicka 1991], разрабатывается концепция экспрессивных речевых актов.

Изучение экспрессивности в современной лингвистике характеризуется максимальной привязкой языковых / речевых средств выразительности к функциональному аспекту языка [Мишель 2002; Моргоева 2009; Нистратова 2004; Тошович 2006], интересом исследователей к функционально-прагматическим качествам и свойствам экспрессивной речи / текста [Кострова 2004; Мельничук 2013; Ромашова 2001; Силаева 2007; Трофимова 2008, 2009], а также анализом экспрессивных проявлений в свете теории языковой личности.

1.3. Классификация и общие механизмы реализации экспрессивности

Выявлением и разработкой отдельных видов экспрессивности занимаются О. В. Александрова [Александрова 1984], Л. Г. Бабенко [Бабенко 1986, 1989], Г. В. Вахитова [Вахитова 2007], О. А. Кострова [Кострова 2004], Н. А. Лукьянова [Лукьянова 1986], В. А. Маслова [Маслова 1991, 1997], Т. В. Матвеева [Матвеева 1986], Б. Тошович [Тошович 2006], В. И. Шаховский [Шаховский 1987, 2008] и др. Существование данной проблемы, а также наличие разных способов ее решения обусловлено многогранностью самой категории. Например, практически любое языковое средство при определенных условиях может становиться экспрессивным. Кроме того, коммуниканты могут кодировать и декодировать эмоции с разной степенью осознанности: экспрессивные средства иногда не воспринимаются реципиентом сообщения как таковые, вследствие чего их экспрессивный потенциал теряется и т.д. Такие моменты, безусловно, осложняют анализ категории и исключают возможность ее толкования в одном ключе, поэтому авторы часто дают несколько классификаций экспрессивности по разным основаниям.

В лингвистической литературе наиболее распространена классификация экспрессивности по способу ее языкового выражения. Эта так называемая уровневая экспрессивность, которая представляет собой форму субъективного отношения, реализуемого средствами отдельных языковых уровней:

- a) графического;
- b) фонетико-фонологического;
- c) словообразовательного;
- d) лексического;
- e) фразеологического;
- f) грамматического (морфологического и синтаксического);

g) текстового.

Б. Тошович следующим образом характеризует каждый вид экспрессивности.

Графическая экспрессивность возникает при использовании графем и их особой комбинации. Сами буквы могут своей формой, размером, цветом типом создавать экспрессию. Графическую образность вызывает также специальное деление на абзацы, строфы.

Основным средством фонетико-фонологической экспрессивности являются фонетические фигуры, Например ассонанс, аллитерация, анафора, эпифора, контракция и др.

Лексическая экспрессивность представляет собой субъективно-эмоциональное отношение отправителя, выраженное лексическими средствами.

Фразеологическая экспрессивность порождается фразеологическими единицами с особым употреблением. Яркую экспрессивность создают индивидуальные трансформации фразеологизмов, т.е. нарушение их семантической монолитности. Фразеологизмы имеют разную степень выразительности. Такие единицы, как идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения и др., составляют группу экспрессивно-эмоциональных фразеологизмов.

Словообразовательную экспрессивность создают словообразовательные средства, т.е. аффиксы, особенно словообразовательные модели и типы.

Грамматическая экспрессивность создается эмоционально-экспрессивным потенциалом частей речи, их категорий и синтаксическими конструкциями.

Текстовая экспрессивность возникает в рамках самой широкой языковой категории — текста. Один из ее видов проявляется в скрещивании авторской речи и речи персонажей. Различную степень экспрессивности несет в себе способ повествования и др. [Тошович 2006: 40–46].

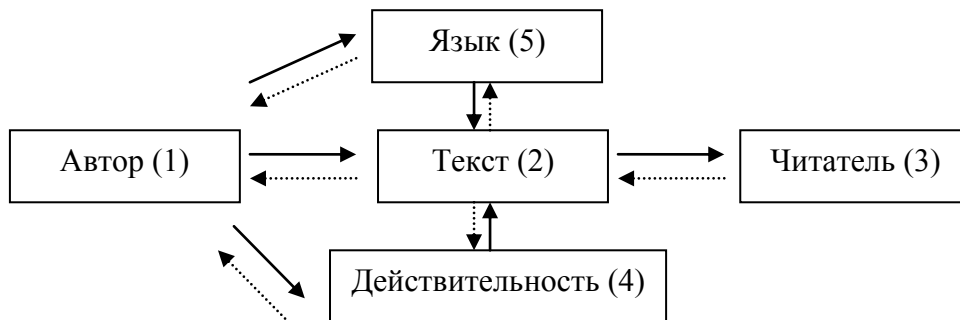
Еще одной распространенной классификацией экспрессивности является классификация по принадлежности экспрессивных средств языку / речи. В соответствии с этим принципом выделяются языковая (или имманентная) и речевая (или контекстуальная) экспрессивность. В рамках языковой экспрессивности исследуются экспрессивный потенциал языка, а именно — специализированные единицы языка, которые в речевой реализации экспрессивно маркируют контекст. Речевая (контекстуальная) экспрессивность реализуется в процессе общения и понимается как любое усиление содержания текста, выделение и акцентирование информации в нем. Речевые средства выражения экспрессивности, таким образом, — это не только экспрессивные системно-языковые единицы, реализовавшиеся в тексте во время коммуникации, но и системно-нейтральные средства, которые становятся экспрессивными благодаря контексту [Вахитова 2007; Кожина 1987; Маслова 1991; Пешкова 2007].

Помимо вышеупомянутых классификаций существует выделение видов экспрессивности на коммуникативных основаниях. Так, В. И. Шаховский полагает, что необходимо разграничивать коммуникативную эмоциональность (а в нашей трактовке эмоциональность / эмотивность речи составляет ядерную зону экспрессивности), носящую осмысленный характер, и некоммуникативную, неосознанную. Интеллектуальность коммуникативной эмоциональности обнаруживается: а) в способности человека управлять вербальным выражением эмоций и «пропускать» их через ситуативные, социальные и другие фильтры в процессе общения; б) в способности в зависимости от характера этих экстралингвистических факторов «упаковывать» одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не пропускать их в язык [Шаховский 2008: 6]. Б. Тошович аналогично рассматривает экспрессивность с точки зрения коммуникации и разграничивает кодированную и декодированную экспрессивность. Кодированная экспрессивность представляет собой ориентацию А (отправителя, автора, отправителя) на появление у В (получателя,

реципиента, собеседника) эмоциональной реакции С (эффекта, впечатления, переживания). Декодированная экспрессивность возникает в процессе дешифровки ориентации А (отправителя, автора, говорящего), которую делает В (получателя, реципиента, собеседника) и которое развивает эмоциональную реакцию С (эффекта, впечатления, переживания) [Тошович 2006: 39-40]. Настоящее исследование относится к традиции изучения уровневой (грамматической) кодированной экспрессивности, теоретические основы анализа которой представлены в работах О.В. Александровой, В. В. Бузарова, О. С. Костровой, Ю. М. Малиновича, Т. А. Снегиревой, Б. Тошовича и др.

Исследователи единодушны в том, что экспрессивность реализуется в коммуникативном акте и выполняет функцию воздействия на адресата высказывания. В этой связи обратимся к общим механизмам выражения исследуемой категории в речи / тексте. Как отмечает Л. Г. Бабенко, текст создается ради того, чтобы объективировать мысль автора, передать знания и представления о человеке и мире, вынести эти представления за пределы авторского сознания и сделать их достоянием других людей. Таким образом, текст не автономен и не самодостаточен — он основной, но не единственный компонент речемыслительной деятельности. Важнейшими составляющими ее структуры являются автор (адресант текста), читатель (адресат), сама отображаемая действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему адекватно воплотить свой замысел [Бабенко 2006: 13]. Л. Г. Бабенко дает следующую схематическую структуру текстовой деятельности:

Структура текстовой деятельности. Рисунок № 2

Значения направленности стрелок в схеме:

1. Автор создает текст, обращенный к читателю (стрелки 1 – 2 – 3).
2. Автор отображает (осознанно или подсознательно) факты, события, переживания и т.п. из мира действительности, знания о которых выражаются в тексте, представляя собой индивидуально-авторскую картину мира (1 – 4 – 2).
3. Автор обращается к ресурсам языковой системы и отбирает из них те языковые средства, которые передают его замысел (1 – 5 – 2).
4. Читатель, испытывая воздействие текста, стремится понять его и проникнуть в замысел автора (3 – 2 – 1).
5. Читатель стремится представить себе в полной мере авторскую картину мира (3 – 2 – 4 – 1).
6. Сам процесс интерпретации текста читателем связан в то же время с осознанным или неосознанным осмыслением и внешней, смысловой, стороны текста – лексической, грамматической и стилистической (3 – 2 – 5 – 1) [Бабенко 2006: 14].

Отображение автором действительности и формирование индивидуальной картины мира происходит и при участии эмоциональной сферы сознания. Эмоции как бы включены в структуру мышления человека, сопряжены с когнитивными процессами. К тому же эмоции определенной языковой общности социологизированы и психологизированы, т.е. обобщены видовым национальным опытом определенного народа, поэтому они сами являются значительным фрагментом картины мира [Шаховский 2008: 5].

Если следовать схеме текстовой деятельности, предложенной Л. Г. Бабенко, то экспрессивность возникает в двух ситуациях:

1. Автор, создавая текст, пропускает через себя действительность; при этом в его сознании происходит не только когнитивная обработка реальности (т.е. идентификация и категоризация объектов действительности, выделение существенной информации и т.д.), но и ее эмоциональное осмысление (каждый объект, процесс, действие и т.д. вызывает у автора эмоциональную реакцию). Когнитивная и эмоциональная информация, которая возникает в сознании автора, должна найти выражение в языковых знаках для того, чтобы состоялась языковая коммуникация, поэтому автор обращается к тем средствам языковой системы, которые способны реализовать его замысел (в случае эмоционального подъема автора этими средствами могут быть экспрессивные средства языка или системно-нейтральные средства, которые в определенном контексте могут стать экспрессивными). Как только эмоции находят выражение в языковом знаке, появляется экспрессивность. В данном случае это авторская экспрессивность, реализующаяся в тексте.

2. Реципиент получает сообщение в виде текста и совершает ту же последовательность интеллектуальных действий, что и автор, только в обратном направлении. В итоге мы получаем экспрессивность реципиента, реализующуюся в коммуникативном акте.

Н. П. Пешкова, Г. В. Вахитова полагают, что семантическая и функциональная природа экспрессивности проявляет себя только в процессе «жизненного цикла» текста, включающего такие звенья, как: «порождение-текст-понимание» или «замысел-текст-смысл» [Пешкова 2007: 27]. Экспрессивные средства при этом оказывают непосредственное воздействие на сам процесс восприятия и понимания текста реципиентом. Они мобилизируют внимание, концентрируют его на экспрессивно представленных в тексте предметах и явлениях, процессах и событиях, следовательно, повышают интенсивность и устойчивость восприятия

[Маслова 1991: 190]. Экспрессивность текста указывает на эмоциональные процессы (чувственный тон, эмоции, аффекты, настроения), которые постоянно сопутствуют любой человеческой активности. Эмоциональные процессы, в свою очередь, есть переживание человеком собственного отношения к предметам и явлениям объективной реальности. Это один из психологических механизмов специфической регуляции поведения человека в мире [Маслова 1991: 184].

1.4. Знаковая природа экспрессивных языковых единиц

Ученые сталкиваются с тем, что экспрессивность может передаваться в речи разноуровневыми языковыми единицами (от фонемы до текста) и их крайне проблематично систематизировать. Причем любопытно, что в разных контекстах одно и то же формальное средство обнаруживает различное эмоционально-экспрессивное содержание. Существует также явление окказиональной экспрессивности знака: это случаи, когда нейтральная языковая единица попадает в аффективный контекст и приобретает оттенки экспрессивного значения.

Пол С. Хейнер рассуждает о причинах этих особенностей и указывает на один из главных источников методологических проблем при изучении экспрессивных средств — знаковую природу экспрессивных языковых единиц. Как отмечает исследователь, при анализе языкового значения следует учитывать тот факт, что ситуация означивания основывается на триадных отношениях, а именно — отношениях между организмом, знаком и референтом. Это так называемый треугольник, который работает в большинстве семиотических систем. Например, собаку можно приучить получать пищу по звонку. В данном случае собака — это организм, звонок — это знак, а пища — это референт. При этом организм четко проводит грань между знаком и референтом [Hayner 1956: 151].

Семиотика языкового общения во многом похожа на приведенную выше простую семиотическую систему с той лишь оговоркой, что языковые знаки обозначают понятийные сущности — классы объектов, свойства, отношения, действия и то, как носители того или иного языка воспринимают эти сущности. Экспрессивные языковые знаки функционируют для «организма» не так, как нейтральные. Зачастую граница между знаком и референтом представляется размытой, и «организм» частично отождествляет план выражения такого знака с референтом. Например, выражение эмоций посредством междометий (*Oh! Mmm! Oops!*) является типичным случаем распада триадных отношений в ситуации означивания. Необходимо подчеркнуть, что по причине отсутствия референта данные языковые знаки получают смысловую наполненность только в определенном контексте. Еще один пример — это оформление лексически и синтаксически нейтрального высказывания экспрессивными интонационными средствами. Простое высказывание «*Он пришел*» может звучать, как удивление, разочарование, предостережение в зависимости от используемого в конкретном контексте интонационного контура. Интонационное средство при этом является и знаком эмоции, и частью самой эмоции. Знаки подобной природы обнаруживаются на разных уровнях языка и очень часто задействуются в речи.

Экспрессивные языковые знаки с отсутствующим референтом семиотически проявляют сходства со «знаками-индексами». Для их интерпретации необходимо знание контекста. Коммуникативный контекст побуждает собеседника задействовать личный опыт переживания подобных ситуаций и по смежности соотнести то или иное содержание (в нашем случае это эмоция) с планом выражения знака. Нико Бесньер видит в индексальном характере экспрессивных языковых знаков причину их семантической многофункциональности, т.е. одна форма способна выражать несколько планов содержания в разных коммуникативных контекстах [Besnier 1990:

429]. Если схематически представить отличие экспрессивных знаков языка от дескриптивных, то мы получим следующее:

1) дескриптивные знаки *указывают* на фрагмент действительности посредством формы, которая имеет план содержания, соответственно, мы можем выстроить следующую цепочку:

Таблица № 1

Действительность	Мысль	Язык	
1 Референт	2 Денотат	3 Сигнификат	4 Форма языкового знака

В реальной действительности существует некий объект, который распознается человеком, и в его сознании формируется психологический образ объекта или фрагмента действительности. В ситуации означивания тот объект, о котором помыслил человек, называется референтом (1), а образ объекта (или психологическое представление о классе объектов действительности) — денотатом (2). Для того чтобы знание об объекте сформировалось, закрепилось в человеческом сознании и могло быть переданным в виде языкового знака, необходимо, чтобы мысленное представление об объекте получило языковое значение — сигнификат (3) — и затем языковую форму (4).

2) экспрессивные знаки *выражают* субъективное отношение человека к реальности (аффекты, эмоции, чувства), поэтому некоторые звенья цепочки отсутствуют или трансформируются (см. Табл. 2).

Таблица № 2

Действительность	Мысль	Язык	
1	2	3	4 Форма языкового знака
	2а Эмоционально-чувственная сфера	3а Коннотация	4а Невербальная форма выражения

Очевидно, что эмоции — это события внутренней жизни человека, поэтому в данной цепочке нет референта как объекта материальной действительности. Соответственно, денотат как мысленное представление о классе объектов действительности в данном случае тоже отсутствует.

Известно, что эмоционально-чувственная сфера противопоставляется мыслительной не условно или теоретически, а нейробиологически. Когнитивные процессы протекают в коре головного мозга, в то время как за эмоции отвечает лимбическая система, подкорковое образование, которое обнаруживается у животных. Ад Фулен подчеркивает, что эта часть головного мозга филогенетически является одной из самых древних. В процессе эволюции головного мозга лимбическая система выделилась как самостоятельное образование около 200 млн. лет назад, а неокортекс (или «новая кора» головного мозга человека) появилась примерно 50 — 100 млн. лет назад [Foolen 1997: 19]. Эмоционально-чувственная сфера характеризуется как самостоятельная и не менее значимая область психофизиологической деятельности человека, которая работает в комплексе с когнитивной (2а).

В процессе коммуникации эмоционально-чувственная сфера находит формальное выражение вербально (4) и невербально (4а). В случае, когда эмоция выражается через языковой знак, появляется экспрессивное значение в языке и экспрессивный языковой знак. Здесь мы выделим несколько вариантов взаимодействия эмоции, языкового значения и языкового знака:

- языковой знак является формой выражения эмоции, ее частью (2а – 4) — экспрессивный «знак-индекс»;

- эмоция становится частью языкового значения в виде коннотации (3а), при этом отсутствует дескриптивное содержание; здесь коннотация — семантическое ядро знака;

- эмоция сопровождает мыслительные процессы, экспрессивное значение закрепляется в языковом значении в виде коннотации и является сопутствующим дескриптивному содержанию;

- эмоция обрабатывается когнитивно, мы буквально закрепляем в сигнификате языкового знака представление о существовании той или иной эмоции в человеческом опыте (примеры с названием эмоций «гнев», «радость», «печаль» и др.) (Табл. 2 совмещается с Табл.1).

Данная семиотическая характеристика экспрессивных единиц является свидетельством того, что полноценное изучение эмоционально-экспрессивных средств языка и категории экспрессивности невозможно без анализа взаимодействия когнитивной и эмоциональной сфер в речевой деятельности, а также без должного внимания к языковому и ситуативному контексту высказывания. Чем больше языковая единица специализирована для выражения эмоциональной сферы, тем больше ее значение обусловлено контекстом, семиотически языковая единица стремится к знаку-индексу, а ее денотативные функции ослабевают.

1.5. Тексты современной беллетристики как источник эмпирического материала исследования

Согласно прагматическим исследованиям, одним из основных факторов, влияющих на степень реализации категории экспрессивности в тексте, является то коммуникативное задание, которое поставил перед собой автор, вовлеченный в процесс речевого общения в определенной сфере человеческой деятельности [Телия 1991: 6]. Поскольку разные типы текстов, выделяющиеся на основе их принадлежности к тем или иным сферам человеческой деятельности, имеют разные коммуникативные задачи, то их экспрессивный потенциал будет варьироваться. В этом аспекте наиболее продуктивен художественный текст. А. Б. Мурза говорит о том, что речь художественного произведения, в отличие от речи научного труда или делового документа, призвана не только ясно и точно передать его содержание, но и создавать яркое образное представление о месте и времени действия, внешнем облике и внутреннем складе действующих лиц, эмоционально воздействовать на читателя и вызвать у него сопереживание героям [Мурза 1991: 101]. Специфика художественной речи заключается, в частности, в том, что она направлена на деавтоматизацию читательского внимания: экспрессивные языковые и художественные средства в литературных произведениях обладают повышенной воздействующей силой, заставляют читателя испытывать эффект «остранения».

Ввиду богатого экспрессивного потенциала художественной речи эмпирическую базу настоящего исследования составили тексты современной британской беллетристики — «промежуточного», «серединного» литературного «пласта», в котором, с одной стороны, находят отражение эстетические каноны «высокой» литературы, с другой — проявляется тенденция к упрощению данных канонов, их адаптации к массовому сознанию. М. А. Черняк отмечает, что беллетристика составляет важную часть литературных процессов современности [Черняк 2007: 14; см. также

Купина, Литовская, Николина 2009]. Это «живой, становящийся феномен, испытывающий непосредственное воздействие читающей публики и, в свою очередь, воздействующий на нее» [Крижовецкая 2009: 204]. Тексты беллетристики отражают и актуальные языковые процессы, развитие языковой нормы, аккумулирует в себе различные речевые проявления языковой системы в конкретный временной период. Рассматриваемые в качестве источника языкового материала произведения — «Bridget Jones's Diary» Хелен Филдинг, «Adrian Mole: The Cappuccino Years» Сью Таунсенд, «Notes on a Scandal» Зои Хеллер — образцы современной «серединой» литературы, в которых представлен срез английского языка. В романах сосуществуют формы устной и письменной речи, обыгрываются разные речевые стили и регистры, задействуются не только нормированные, литературные формы, но и происходит обращение к различным социальным вариантам языка.

Избранные произведения имеют немалый успех среди читательской аудитории, а также отмечены вниманием литературных критиков. Роман Хелен Филдинг «Bridget Jones's Diary» (1996) был удостоен премии «Лучшая книга года» Великобритании и переведен на более тридцати языков мира. Актуальная для современности проблематика (вопросы традиционной семьи, феминизм и роль женщины в современном обществе, одиночество, карьеризм, ценности массовой культуры, потребление и др.), индивидуальный стиль автора, живой, богатый на эксперименты язык повествования, жанровые аспекты этого романа являются предметами литературоведческих и социокультурных исследований [Ferriss, Young 2006; Genz, Brabon 2009; Guenther 2006; Harzewski 2011; Lenz 2013; Marsh 2004; McRobbie 2004; Philips 2014; Punzi 2007; Schlensag 2013; Sellei 2006; Umminger 2006; Whelehan 2002, 2004]. Широкой известностью пользуется дневниковая проза Сью Таунсенд. (Роман «Adrian Mole: The Cappuccino Years» (1999) входит в серию популярных художественных дневников, написанных от лица героя Адриана Моула.) К творчеству писательницы

обращаются исследователи юмористической английской литературы, жанра романа-дневника, явления женской прозы [Carlson 1991; Cassidy 1993; Leshner 2000; West 2010]. В жанре дневника и записок работает романист Зои Хеллер. Ее книга «Notes on a Scandal» (2003) вошла в шорт-листы Букеровской премии, Британской книжной премии, была признана бестселлером и переведена на более 20 языков мира.

Жанровые формы дневника и записок дают авторам возможность провести более глубокий анализ психологии героев-повествователей, при помощи лингвистических и художественных средств правдоподобно воссоздать их мыслительную и эмоциональную активность: «The modern writer is in general concerned with a psychological examination of the character and the first-person of the diary form provides a way of stressing changes in perception, of analysing present states of mind and contrasting them with subsequent reflections» [Hassam 1992: 29]. В этой связи литературоведы, исследующие художественный дневник и записки в контексте современной литературы и массовой культуры, выявляют такие характеристики данных жанров, как откровенность, интимность, исповедальность, подчеркнутая субъективность [Крижовецкая 2009; Cardell 2014; Hassam 1992]. Установка на эмоциональную близость героя-повествователя и читателя обуславливает активное моделирование авторами эмоциональных ситуаций в тексте и, соответственно, использование разнородных языковых средств воздействия.

Немаловажным фактором, обуславливающим экспрессивный потенциал отобранных нами источников, является стремление писателей художественно представить сознание (в т.ч. языковое) и речевое поведение обывателя. Авторы обращаются к повседневности и показывают современного человека в его обыденном проявлении, ищущего свой индивидуальный путь под влиянием ценностей массовой культуры. Оправданным становится употребление в текстах языковых средств и приемов, типичных для языка обиходного, бытового общения. Это создает своеобразный эффект погружения читателя в живую динамичную речь,

насыщенную эмоциональными красками. Такие лингвистические особенности текстов беллетристики позволяют выявить и систематизировать с функциональных позиций репрезентативное количество экспрессивных грамматических единиц и средств английского языка, установить механизмы экспрессивизации грамматических форм.

Предварительный анализ указанных источников подтвердил их релевантность для функционального исследования: обнаруживается высокая частотность употребления грамматических средств в целях выражения эмоций и эмоционального воздействия, раскрывается существенный коммуникативно-прагматический потенциал грамматических форм (выявляется широкий спектр эмоциональных переживаний, объективируемых экспрессивными грамматическими средствами английского языка в речевом общении), коммуникативные ситуации, моделируемые авторами романов, обладают повышенной эмоциональностью, приближены к естественному языковому общению.

Итак, произведения современных английских писателей представляют ценный источник материала для настоящего исследования и обеспечивают репрезентативную выборку экспрессивных грамматических форм английского языка.

Выводы

I. В проанализированных нами лингвистических исследованиях обнаруживаются разночтения относительно содержательного основания экспрессивности, которое формулируется как:

- выражение эмоций в языке;
- усиление, или интенсификация, эмоциональности и выразительности;
- выражение субъективного отношения;
- усиление воздействия высказывания.

Осмысливая место экспрессивности в системно-языковой иерархии, ученые выдвигают положения о лингвистическом статусе настоящего явления: экспрессивность квалифицируется как *эффект* в речи/тексте [Вахитова 2007], не-нейтральные семантико-стилистические *свойства* единиц языка [Гридин 1976, Лукьянова 1986], разновидность *семы* [Арнольд 2006; Долинин 1978], *тип значения* [Hayner 1956; Lyons 1977; Vuillemin 1969], *функция* [Бюлер 1993; Долинин 1978; Телия 1991; Якобсон 1985; Foolen 1997; Hubler 1987], *категория* [Кожина 1987; Лукьянова 1986; Мельничук 2013; Моргоева 2009; Тошович 2006].

С опорой на методологическую базу функциональной лингвистики мы определяем понятие «*экспрессивность*» следующим образом: это (1) категория языка и речи, психофизиологической основой которой являются эмоции и чувства человека; общее содержание данной категории можно сформулировать как языковое выражение говорящим эмоций, чувств, отношения, эмоциональной оценки в целях воздействия на партнера по коммуникации; (2) данная категория представлена разноуровневыми системно-языковыми единицами и речевыми средствами; (3) результатом функциональной реализации экспрессивности в речи является эффект эмоционального воздействия, или экспрессия; исследуемая категория имеет функционально-прагматическую направленность (т.к. ориентирована на коммуникативный акт), а также функционально-семантический аспект.

II. Обзор общенаучных и лингвистических работ позволяет выявить взаимосвязь между разработкой психологических, психофизиологических и собственно-языковых аспектов категории экспрессивности в гуманитарном знании. Развитие проблемы эмоционально-чувственной деятельности человека в философии и психологии оказывает воздействие на лингвистические исследования аффектов, эмоций, чувств и семантической категории экспрессивности, которая выявляется в языке на основе данных субъективных проявлений человека.

1. До начала XX в. языковая экспрессивность не рассматривалась лингвистами как отдельный объект исследования. В рамках психологического подхода к языку разрабатывалась психофизиологическая основа данной категории — аффекты, эмоции, чувства, а не собственно-лингвистический ее аспект.

2. До середины XX в. фиксируется несистематичное, непоследовательное обращение лингвистов к вопросам экспрессивности. Это связано с менталистским направлением исследования языка, анализом связи лингвистических категорий и мышления и, как следствие, признанием доминирования логико-понятийного значения в языке над экспрессивным.

Несмотря на это, в языкознании складываются определенные представления в природе экспрессивного значения (это проявление человеческой субъективности в языке — эмоций, чувств, волеизъявления, - и родовое понятие по отношению к языковой интенсивности, образности, стилистической окраске и др.) и особенностях его формального выражения благодаря работе Ш. Балли «Французская стилистика».

Параллельно с дискуссиями «менталингвистов» и «экспрессологов» проблематика языковой выразительности обсуждается в работах представителей эстетического направления в лингвистике.

3. В середине XX в. в русле структурно-функционального подхода происходит обращение к языковым функциям, в т.ч. к экспрессивной (Пражский лингвистический кружок). Экспрессивные средства и само

экспрессивно-эмотивное значение рассматриваются исследователями не отвлеченно, изолировано, а вписываются в системные связи элементов языка и наделяются функционально-коммуникативными характеристиками.

На данном этапе также имеет место дисциплинарная привязка в изучении языковой экспрессивности, которая становится объектом исследования в лингвистическом анализе литературного творчества, в текстологии, в стилистике.

4. Всплеск исследовательского интереса к рассматриваемой проблематике возникает во второй половине XX в., когда в языкознании начинает складываться функциональная (коммуникативная) методология. В свете нового подхода язык обнаруживает тесные связи с его носителем, он служит средством коммуникации в обществе, создан для человека и ориентирован на него. Помимо этого, язык предлагает носителям определенное мировоззрение, характерное для той культурной общности, в которой он употребляется. Язык обнаруживает антропоцентричность и этноцентричность.

В связи с новым толкованием сущности естественного языка проводятся глубокие исследования лингвистической семантики, предпринимаются попытки приблизить научную модель языка к психолингвистической реальности, всесторонне осмысливается субъективный человеческий фактор в языке. Переоценивается роль эмоционально-чувственной сферы в языковой коммуникации, а именно: эмоции выполняют функцию ценностного регулирования мыслительных и познавательных процессов, служат своеобразной ценностной системой координат, поэтому эмоциональное и логическое представляют собой целостный комплекс.

На данном этапе экспрессивность наделяется категориальным статусом и входит в поле исследовательских проблем общей семантики, лексикологии и лексикографии, синтаксиса, стилистики, прагматики, психолингвистики и других смежных областей знания.

III. Изучение научной литературы по вопросам экспрессивности в исторической перспективе, а также обращение к частным проблемам, таким как классификация и семиотические свойства экспрессивных фактов, механизмы речевой реализации настоящей категории, позволяет нам сделать следующие обобщения:

1. Наблюдается углубление теоретических знаний о данном объекте исследования в лингвистике: возникают все новые модели экспрессивного значения, проводится изучение экспрессивных единиц на всех уровнях языка в синхронии и диахронии, выделяются классификации экспрессивности на разных основаниях, изучаются текстовые / речевые механизмы актуализации экспрессивного значения и влияние контекста на коммуникацию.

2. Расширяется практический материал для анализа экспрессивности: ученые обращаются к устной речи разного регистра, привлекают к анализу тексты разных жанров и функциональных стилей.

3. Возникают междисциплинарные исследования экспрессивности (например, анализ в рамках психолингвистики, социолингвистики, антропологической лингвистики и др.).

4. Появляются новые методы исследования семантики экспрессивных единиц: метод семантического дифференциала, метод погружения экспрессивных единиц в нейтральные и противоположные контексты, опущение экспрессивов из контекста или замена нейтральными синонимами, метод модальной рамки, метод контрастирования нормальной речи и речи в состоянии эмоциональной напряженности, метод естественного семантического языка, полевое структурирование и др.

Глава 2. Функционально-семантическое описание экспрессивности

На протяжении XX в. лингвисты обращались к категории экспрессивности в семантическом, стилистическом, прагматическом, функциональном аспектах. В 1980-х гг. в трудах отечественных ученых было заявлено об актуальности функционально-семантического анализа субъективной семантики в языке и речи [Кожина 1987; Лукьянова 1986; Телия 1985; Шаховский 1987], однако основные исследовательские задачи по-прежнему сводились к описанию и систематизации фонда экспрессивных языковых единиц «от формы к значению». В 1990-2000-х гг. появляются полевые модели семантических категорий интенсивности [Туранский 1990], эмотивности [Шаховский 2008], а также изучается концептуализация эмоций в языке с применением методик полевого структурирования. Несмотря на это, до сих пор сохраняет актуальность изучение экспрессивности «от значения / функции к форме».

В настоящей главе осуществляется первый этап функционально-семантического описания экспрессивности. Придерживаясь направления полевого исследования языковых систем / подсистем, мы опираемся на подход к языку, сформулированный в работах представителей Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики во главе с А. В. Бондарко. В рамках данного подхода к языку представляется необходимым обратиться к семантической структуре исследуемой категории, выявлению состава и отношения семантических вариантов, в которых она реализуется, а также основного, наиболее существенного признака (комплекса признаков) — семантической доминанты категории. Одновременно обосновывается правомерность функционально-семантического подхода к предмету нашего исследования. В результате полевого структурирования содержательной основы экспрессивности предлагается комплексная модель, объединяющая на базе общего функционального признака (эмоциональное воздействие) ряд категорий субъективности.

2.1. Лингвистический метод функционально-семантического поля: теоретический базис и методика полевого структурирования

Термин «поле», заимствованный гуманитарным знанием из точных и естественных наук, имеет неоднозначное толкование в концепциях лингвистов. Г. С. Щур анализирует основы различных теорий поля в языкознании и выделяет два фундаментальных подхода к языковым объектам, которые обнаруживают полевою природу [Щур 1974]. В рамках первого подхода фокус внимания исследователей направлен преимущественно на единицы одного и того же языкового яруса (лексические единицы, парадигмы морфологических форм, синтаксические структуры), и моделируемое полевое пространство языковых объектов представляет собой одноуровневое явление — парадигматическое или синтагматическое (Й. Трир, Л. Вайсгербер, В. Порциг, В. Г. Адмони). Второй подход связан с анализом разноуровневых языковых единиц (конституентов поля), образующих единство на основе общего семантического признака, который может иметь грамматическую или лексическую природу. Интерпретацию поля как межуровневого конструкта мы находим в работах следующих авторов: Ф. Брюно, О. Есперсен, М. М. Гухман, Е. В. Гулыга.

С разработкой функциональных аспектов грамматики (В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, В. Г. Гак, Г. А. Золотова) появляется теория функционально-семантического поля, которая в целом относится ко второму направлению исследования полевых структур языка. Наиболее полное изложение теоретико-методологических основ функционально-семантического анализа представлено в трудах А. В. Бондарко и его учеников [Бондарко 1978–2005; Матханова 2013; Проблемы функциональной грамматики 2005–2013; Теория функциональной грамматики 1990–1996б]. В рамках этого подхода предметом анализа становятся лингвистические единства, имеющие общую функциональную основу — функционально-семантические поля. Полевое

моделирование представляет собой полисистемный анализ, нацеленный на комплексное изучение взаимосвязей систем отдельных уровней.

ФСП определяется как система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных — лексико-синтаксических и т.п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций. Выделяются такие поля, как аспектуальность, темпоральность, персональность, залоговость, бытийность (экзистенциальность), посессивность, казуальность, кондициональность, локативность [Бондарко 1984: 22].

В основе каждого ФСП лежит определенная семантическая категория, представляющая собой тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие. План содержания ФСП представляет собой многоуровневую систему языковой семантической субкатегоризации (вариативности). Каждый семантический вариант в рамках семантической категории связан с определенными средствами формального выражения. Таким образом, ФСП — это двустороннее (содержательно-формальное) единство, охватывающее конкретные средства данного языка со всеми особенностями их формы и содержания.

ФСП как модель связывается с условным представлением о некотором пространстве, в котором намечается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями (имеется в виду отражение в данной модели взаимодействия семантических элементов разных полей).

А. В. Бондарко рассматривает функционально-семантические поля как систему и выделяет следующие группировки ФСП.

1. Группировка полей с акциональным (предикативным) ядром, в состав которого входят:

а) комплекс ФСП аспектуально-темпоральных отношений: аспектуальность, темпоральность, таксис;

б) группировка модальных полей, бытийность (экзистенциальность), поле состояния;

в) комплекс ФСП акционально-субъектных и акционально-объектных отношений: залоговость, персональность;

2. Группировка полей с предметным (субъектно-объектным) ядром: субъектность / объектность (имеются в виду отношения, выражаемые сочетаниями с падежными и предложно-падежными формами во взаимодействии с залоговостью и персональностью, а также с одушевленностью / неодушевленностью); определенность / неопределенность (данное поле далеко выходит за пределы группировки ФСП с предметным ядром, будучи тесно связанным с полями качественности и количественности, относящимися к следующей группе).

3. Группировка полей с квалитативно-квантативным (преимущественно атрибутивным) ядром: качественность, количественность, компаративность, посессивность.

4. Группировка полей с обстоятельственным ядром: поля причины, цели, условия, уступки, следствия; поле сравнения; локативность. Все обстоятельственные поля тесно связаны с предикативностью.

Конечный список полей невозможен, так как отсутствует резкая грань между отдельным полем и группировкой полей, а также между макро- и микрополем. Например, поле компаративности может быть включено в число единств, охватываемых широкими сферами количественности и качественности [Бондарко 1984: 61].

ФСП характеризуются многообразием структурных типов. А. В. Бондарко говорит о следующих типах:

1. Моноцентрические (сильно центрированные) поля, опирающиеся на грамматическую категорию. Например, в русском языке таковы

следующие поля: аспектуальность (центр — категория вида); темпоральность (центр — категория времени), залоговость (центр — категория залога) и т.д.

2. Полицентрические (слабо центрированные) поля, базирующиеся на некоторой совокупности различных языковых средств (морфологических, синтаксических, лексико-грамматических, лексических), не образующих единой гомогенной системы форм. В русском языке к данному типу (к различным его разновидностям) относятся следующие поля: таксис, экзистенциальность, поле состояния, субъектность / объектность, определенность / неопределенность, качественность, количественность, посессивность, поля причины, цели, условия, уступки, следствия, сравнения, поле локативности.

В пределах полицентрического поля автор выделяет два основных подтипа: а) ФСП «рассеянной» структуры, при множественности разнородных компонентов и слабой выраженности границ между центральной и периферийной зонами поля; б) ФСП компактной полицентрической структуры, с явно выраженными центрами.

Методика построения ФСП. Компоненты ФСП — это языковые категории, классы и единицы с их языковыми значениями, связанными с конкретными средствами формального выражения в данном языке. Когда исследователь ставит перед собой задачу определить структуру ФСП, установить его центральные и периферийные компоненты, связи между ними, пересечения с другими полями, то он имеет дело не с абстрактной схемой семантических признаков, а с некоторой совокупностью двусторонних средств данного языка. Исследователь стремится определить, есть ли в данной области языковых средств системность и в чем она проявляется. На основе конкретно-языковых признаков изучаемых единиц, классов и категорий в их взаимных связях строится гипотетическая модель данного функционально-семантического единства, которая затем

олпроверяется и уточняется в ходе исследования конкретных высказываний в данном языке [Бондарко 1984: 24].

Исследователь ФСП включает тот тип анализа, который можно назвать моделированием структуры поля, или «полевым структурированием», предполагающим определение:

- 1) той семантической категории, которая лежит в основе данного поля;
- 2) состава и отношения семантических признаков, в которых реализуется эта категория;
- 3) семантической доминанты ФСП, т.е. основного, наиболее существенного признака (комплекса признаков), характеризующего содержательную специфику данного поля и оказывающего воздействие на другие семантические признаки, выделяемые в его составе.

Следующие этапы исследования ФСП составляет определение и анализ:

- 1) состава компонентов ФСП в данном языке на основе общего для них инвариантного семантического признака;
- 2) состава центральных и периферийных компонентов поля;
- 3) связей между компонентами ФСП;
- 4) структурного типа данного поля;
- 5) связей между данным полем и другими ФСП.

Анализ семантики поля сопряжен с анализом формы, т.е. системы средств формального выражения семантических признаков, выделяемых в составе данного поля [Бондарко 1984: 25–26].

При построении полевой структуры экспрессивности мы следуем вышеприведенному алгоритму моделирования ФСП. Данный методический базис дает возможность объединить внеязыковой, системно-языковой и функционально-речевой аспекты категории экспрессивности в рамках единой модели. Психофизиологическое явление эмоциональности человека в речевой деятельности формирует внеязыковую основу экспрессивности. Эта

основа находит отражение в языковой семантике в виде отношений ряда смежных категорий субъективности (входящих в состав экспрессивности), каждая из которых формально представлена в системе языка определенным набором разноуровневых единиц. Будучи использованными в речевой ситуации, данные единицы вступают во взаимодействие с элементами разных языковых подсистем, участвуют в конструировании смысла предложения и реализуют свой функциональный потенциал, заложенный в них системой языка. Таким образом, функционально-семантическая модель отражает экспрессивную функцию языковых единиц не только в потенциальном (присущим в системе) виде, но и позволяет отразить данную функцию-реализацию. В процессе анализа высказываний, в которых представлена эмоциональная ситуация, набор системно-языковых экспрессивных единиц также пополняется речевыми средствами, составляющими периферийные секторы полевой модели (определение семантической структуры категории экспрессивности и конструирование формально-содержательного единства экспрессивных (грамматических) единиц и речевых средств английского языка проводится нами далее).

2.2. Характеристика экспрессивности как функционально-семантической категории (ФСК)

По наблюдениям Б. Тошовича, в толковании экспрессивности очень важным является понятие функции: «Если ее [функции] сложную природу упростим и скажем, что при помощи языка мы (1) что-нибудь сообщаем, (2) общаемся и (3) воздействуем, тогда экспрессивность будет связана, в первую очередь, с третьим» [Тошович 2006: 37-38]. Важно подчеркнуть то, что характер воздействия в данном случае не рациональный, не утилитарный, а эмоционально-чувственный (см. [Вольф 2002; Тошович 2006]).

Опираясь на исследования Санкт-Петербургской школы функционализма, мы разделяем потенциальные функции языковых единиц (Фп) и функции-реализации (Фр). Таким образом, эмоциональное воздействие можно трактовать как функцию, потенциально присущую языковым единицам и языку (она же экспрессивная функция), и как непосредственную реализацию данной функции в речевом акте — экспрессию.

Функция эмоционального воздействия обнаруживает определенную гетерогенность: целенаправленное языковое выражение говорящим эмоций, чувств, отношения, эмоциональной оценки, усиление последних в целях воздействия на партнера по коммуникации. Как мы установили выше, похожую функционально-прагматическую направленность имеют категории, выражающие семантику субъективного отношения, — эмотивность, интенсивность, модальность, эмоциональная оценка, а также отчасти образность (на этот факт указывают Б. Тошович, И. И. Туранский, С. Е. Родионова). Кроме этого, формальные средства, реализующие в речи / тексте функцию эмоционального воздействия, также демонстрируют известную разнородность: это разноуровневые языковые единицы и речевые средства с разными механизмами реализации экспрессивности (последняя может быть системно-языковой функцией единицы, речевой (реализующейся

в речи с той или иной частотностью), окказиональной, т.е. приобретенной случайно), с возможностью одновременной реализации нескольких экспрессивных созначений. В виду вариативности своей функциональной семантики и многообразия формальных средств выражения экспрессивность выходит за рамки понятия «категория» в ее классическом (традиционном) понимании. Как отмечает Н. Н. Болдырев, классический подход к вопросу о том, как формируются категории и как они представлены в сознании человека, базируется на следующих принципах:

- 1) содержание той или иной категории исчерпывается набором обязательных и наиболее существенных признаков, которыми должны обладать все члены данной категории;
- 2) все элементы категории равноправны по своей значимости, их принадлежность к этой категории определяется обязательным наличием существенных для данной категории признаков;
- 3) границы категории строго определены;
- 4) все признаки категории бинарно противопоставлены [Болдырев 2001: 68].

(Автор указывает, что традиционный подход к категориям, изначально сформулированный в учениях Аристотеля, доминировал в психологии, философии и лингвистике на протяжении почти всего XX-го столетия [Болдырев 2001: 70]).

По своей природе и формально-содержательной структуре экспрессивность более соответствует категориям функционально-семантическим. Последние отличаются «нестрогим», полевым характером своей организации — максимальной концентрацией категориального признака в ядре и семантически ослабленной периферией.

Обращаясь к проблеме категориального единства экспрессивности с функциональных позиций, мы предлагаем следующую гипотезу: экспрессивность представляет собой категорию функционально-семантическую, основным функциональным признаком которой является

«эмоциональное воздействие», и вместе с тем поле — формально-содержательное единство, систему разноуровневых языковых единиц и речевых средств, объединенных данным признаком.

Далее в настоящем исследовании применительно к экспрессивности будут употребляться понятия ФСК (функционально-семантическая категория) и ФСП (функционально-семантическое поле), разработанные в трудах представителей петербургской школы функциональной грамматики.

Язык в рамках данного направления моделируется в виде совокупности формально-содержательных полей, а не в виде уровней (как в традиционной описательной грамматике). В качестве отправных пунктов для полевого структурирования выступают те или иные семантические категории, или функционально-семантические категории (ФСК). В современных функциональных исследованиях («от значения / функции к форме») тщательно разработан комплекс понятийных категорий и систем средств их репрезентации в языке / речи: аспектуальность, темпоральность, таксис, субъектность, объектность, качественность, количественность и др. [Бондарко 1978–2005; Матханова 2013; Проблемы функциональной грамматики 2005–2013; Теория функциональной грамматики 1990–1996б].

А. В. Бондарко размышляет о возможностях вычленения тех или иных категорий в результате лингвистического анализа текста и указывает на творческий, поисковой характер данной процедуры, отсутствие раз и навсегда заданного перечня ФСК в конкретном языке [Бондарко 2003: 30]. Вместе с тем существует ряд критериев, которые должны быть учтены при обосновании ФСК.

Так, семантические категории выделяются на основе их регулярной представленности (в том или ином варианте) в содержании высказываний, в значениях языковых единиц и их разнообразных сочетаний [Бондарко 2003: 31]. Очевидно, что экспрессивность удовлетворяет данному критерию, поскольку наличие экспрессивного компонента значения фиксируется исследователями на разных уровнях языковой структуры: фонетико-

интонационном, морфемном, лексическом, уровне словосочетания, уровне предложения, уровне текста. Таким образом, можно говорить о парадигме экспрессивных языковых и речевых форм, в рамках которой наблюдаются отношения неопозитивного типа (формы коррелируют друг с другом не по принципу бинарных оппозиций, а по принципу большей/меньшей выраженности данного семантического признака) (более детально проблема неопозитивных отношений форм в рамках языковых категорий освещена в работе А. В. Бондарко «Теория значения в системе функциональной грамматики» 2002).

А. В. Бондарко отмечает также, что семантические категории отображают реальные процессы мыслительной деятельности. Стратификация языковой семантики с позиций функционально-семантического подхода связана с разграничением и соотношением различных уровней и аспектов содержания, выражаемого языковыми средствами, в его отношении к содержанию мыслительному (смысловому) [Бондарко 2002: 99]. Функционально-семантические категории, с одной стороны, отражают некий смысловой компонент речемыслительной деятельности человека, с другой стороны — вариативность репрезентации этого смыслового компонента в системе языковых форм. Представляется, что данное суждение справедливо в отношении экспрессивности. Несмотря на то, что в теории и практических исследованиях систем ФСП почти не затрагиваются категории семантики субъективности (в силу «неграмматичности» их значения), связь аффективной, эмоционально-чувственной стороны речевого общения с мыслительным содержанием все же признается учеными петербургской школы функционализма: «Говоря о мыслительном (понятийном, смысловом, логическом) содержании, мы включаем в это понятие и аффективный (эмоционально-экспрессивный) компонент содержания» [Бондарко 1978: 4–5]. Данные о единстве мыслительного и эмоционального компонентов человеческого сознания и о совместной представленности этих компонентов в языковой семантике также приводятся в ряде работ по философии,

психологии, теории и методологии языкознания, общей семантике, когнитивной семантике [Додонов 1978; Ильин 2001; Foolen 1997].

Еще одним значимым критерием выделения ФСК является ее универсальность (существование в разных языках и в сознании носителей языка), объясняемая единством восприятия мира людьми в процессе их деятельности [Бондарко 2003: 31]. Если исходить из представления о том, что эмоции и чувства — это психологическая реальность человека, а экспрессивность связывается с отображением и выражением данной реальности средствами языка, то допущение об универсальности лингвистической экспрессивности является верным, потому как независимо от культуры и языка эмоциональность является неотъемлемым компонентом психофизиологической деятельности любого человека [Додонов 1978; Лабунская 1999]. Антрополог-лингвист Нико Бесньер последовательно выявляет присутствие экспрессивного значения в английском, испанском, малайском и языках индейцев Северной Америки [Besnier 1990]. Любопытные свидетельства в пользу универсальности исследуемой категории также обнаруживаются в практических исследованиях лингвистов К. Годдарда, С. Фассел [Fussell 2002, Goddard 2002].

Несмотря на универсальную представленность экспрессивности в разных языках, наблюдается культурная обусловленность данной категории. Очень обстоятельно комментирует эту проблему А. Вежбицкая в следующих работах: «Язык, культура, познание» («*Semantics, Culture and Cognition*»), «Эмоции в языках и культурах: различия и универсалии» («*Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*»), «Межкультурная прагматика: семантика человеческого общения» («*Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction*») [Wierzbicka 1991, 1992, 1999]. Обобщая лингвистические воззрения А. Вежбицкой, Е. В. Падучева пишет: «Природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистическую реальность от психологической и от социального мира носителей языка. В этой связи языковое значение антропоцентрично, т.е. отражает общие

свойства человеческой природы; более того, этноцентрично. Невозможно на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою». Делается вывод, что семантика языка несводима к референции. Содержание говоримого лишь в небольшой степени является то, что есть в объективной реальности. Язык предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека; эта общая черта всех языков. При этом в языке отражаются не только особенности природных условий и культуры, но и своеобразие национального характера его носителей [Вежбицкая 2002: 21].

Опираясь на положения об антропоцентричности / этноцентричности языка, А. Вежбицкая обращается к концептуализации эмоций в лексике языков разных культур и предлагает метод исследования семантики — «естественный семантический метаязык». В рамках данного метода значение конструируется из относительно небольшого набора универсальных семантических концептов (например, люди, хорошо/плохо, думать, чувствовать) по определенным ментальным сценариям. В результате анализа объемного корпуса примеров автор заключает, что, хотя эмотивная лексика в языках разных культур обнаруживает отличия в семантической структуре, данные семантические универсалии и сценарии присутствуют во всех языках.

Приверженец метода естественного семантического языка Клифф Годдард продолжает развивать тему концептуализации эмоций, исследуя экспрессивные фразеологические единицы английского, польского, японского и малайского языков, и подтверждает выводы А. Вежбицкой [Goddard 2002].

Изложенный материал позволяет заключить, что категория экспрессивности присутствует во всех языках, но ее структура и особенности актуализации в речи (например, «эмоциональный этикет мужчины и женщины»), типичные ситуации, в которых принято выражать в речи эмоции

и чувства, и частотность тех или иных экспрессивных единиц в данных ситуациях) определяются национальной культурой носителей языка.

Итак, основными критериями выделения и одновременно ключевыми характеристиками ФСК экспрессивности являются:

- 1) представленность категории в языке и средствами языка, которые образуют ряд подсистем;
- 2) связь категории с реальными процессами мыслительно-речевой деятельности;
- 3) универсальность категории.

2.3. Моделирование семантической структуры функционально-семантического поля экспрессивности (ФСПЭ) на базе грамматических средств английского языка

ФСК экспрессивности формирует основу модели ФСПЭ. В связи с этим необходимо рассмотреть систему содержательной вариативности исследуемой категории и определить ее семантическую доминанту, которая составит ядерную зону поля, и области пересечения с другими категориями, составляющие семантическую периферию. (Подчеркнем тот факт, что моделирование семантической и далее формальной структуры поля проводится на основе анализа экспрессивных грамматических средств английского языка, и в результате мы выходим на микросистему «ФСПЭ на базе грамматических средств» в рамках общего поля — межуровневого ФСПЭ.)

2.3.1. Семантическая доминанта ФСПЭ

Говоря об экспрессивности как о функционально-семантической категории и выстраивая гипотетическую модель ФСП на ее базе, мы выносим на первый план функциональный признак «эмоциональное воздействие». Категория экспрессивности репрезентируется в высказывании типовыми содержательными структурами, которые в теории ФСП принято называть категориальными ситуациями. Весьма затруднительно представить подробную типологию экспрессивных категориальных ситуаций, поскольку любой речевой акт сопровождается эмоциональным фоном коммуникантов и у говорящего всегда есть потенциальная возможность внести элементы воздействия в высказывание. Более того, проблематично выявить единые языковые модели выражения определенных эмоций, т.к. экспрессивные средства языка зачастую полифункциональны (в особенности, грамматические средства) и могут формально представлять разные кластеры

эмоций одновременно. В этой связи исследователи говорят о некоем наборе, или инвентаре, кодовых средств экспликации эмоции, варьирующих модель ее выражения в определенных пределах, за которыми она уже не воспринимается как модель этой эмоции [Шаховский 2008: 141]. По названным причинам мы ограничимся общим понятием «эмоциональная ситуация», подразумевая под последним типичные коммуникативные ситуации, в которых участники осознанно выражают эмоции лингвистическими средствами.

Согласно нашим наблюдениям, эмоциональная ситуация возможна, когда в речевом акте распознаются, по меньшей мере:

- характер переживания (слушающий декодирует качественный параметр эмоции говорящего);
- сила переживания (количественный параметр эмоции говорящего);
- осознанность вербализации эмоций говорящим.

Эмоциональное реагирование говорящего входит в структуру высказывания и затрагивает его компоненты: субъект, предикат, объект, обстоятельство, атрибут. При этом имеет место не просто название эмоции, а ее объективация и усиление посредством языковых и речевых средств для возникновения воздействующего эффекта высказывания: прагматически мотивированное усиление признаков и характеристик субъекта/объекта, действия, выражение коммуникантами в речи собственного состояния (например, при помощи эмоционально-оценочных предикатов, междометий, вводных слов и др.).

Отражением качественно-количественных проявлений эмоциональности в языке и речи признаются категории «эмотивность» и «интенсивность». Обратимся к отношениям между данными комплексами семантических признаков в свете полевого структурирования. Эмотивность в аспекте ее целенаправленной (прагматической) актуализации в речи составляет первую семантическую доминанту ФСПЭ. Наличие оттенков

эмотивного значения в структуре речевой единицы или в целом высказывании позволяет определить качественный параметр эмоциональности говорящего. Обоснование эмотивного значения как факта языковой и речевой семантики представлено в следующих работах [Бабенко 1989; Шаховский 1983, 1987(а), 1987(б), 2008; Крылов 2010 и др.]. Авторы сходятся во мнении, что эмотивное значение осознано, оно адекватно идентифицируется и дифференцируется говорящим и слушающим, одинаково соотносится участниками речевого общения с типизированными эмоциями / эмоциональными ситуациями и с языковыми единицами, которые являются носителями этого значения. В. И. Шаховский заключает, что эмотивное значение коммуникативно, быстрее схватывается слушающим и имеет большее воздействие на сознание человека, чем логико-предметное значение [Шаховский 1987(а): 64].

Структурирование эмотивности «от семантики / семантической функции» связано, с одной стороны, с психологической категоризацией эмоций человека и соотносением языковых / речевых средств с той или иной разновидностью эмоционального переживания коммуникантов, с другой — с созданием общего поля языковых единиц и средств, репрезентирующих категорию эмотивности в речи. Эта задача решается в ряде лексико-семантических и междисциплинарных исследований [Бабенко 1989; Галлиев 2005; Киршинова 2010; Шаховский 1987(а)]. Грамматические средства эмоционального воздействия также эксплицируют эмотивность в речи и поэтому должны учитываться исследователями при полевом структурировании.

Второй семантической доминантой ФСПЭ мы признаем интенсивность. Значение интенсивности можно кратко определить как «сила признака выше обычной», имеющая прагматическую направленность. Отметим, что при интенсификации языковой единицы или целого высказывания говорящий подчеркивает не объективную меру количества признака (*big — bigger — the biggest*), а свое субъективное отношение к

увеличению количества признака (*huge, enormous, grandiose, etc.*), значимость данного количества признака для участников ситуации [Лукьянова 1986]. С. Е. Родионова, осмысливая полевую природу интенсивности, предлагает следующее определение: интенсивность — это количественная модификация качества (отражающая отклонение от нормы), делающая это качество существенным для говорящего и / или слушающего и выдвигающая данную форму на первый план по ее значимости и воздействующей силе [Родионова 2005: 157]. Можно сделать вывод, что языковые средства интенсификации речи являются еще одним важным инструментом эмоционального реагирования говорящего.

Для семантических категорий характерно доминирующее положение по отношению к возглавляемым ими многоступенчатым подсистемам содержательной вариативности. Иначе говоря, семантические категории могут быть более общими и более частными [Бондарко 2003: 28-29]. Мы установили, что экспрессивность по отношению к эмотивности и интенсивности является более общей функционально-семантической категорией, инвариантное значение (семантическая доминанта) которой базируется на последних. Соответственно, в содержательной структуре ФСПЭ можно выделить, как минимум, две центральные семантические зоны — «эмотивность» и «интенсивность».

Необходимо прокомментировать связь данных семантических доминант в составе полицентрического ФСПЭ. Как мы уже отметили, значение интенсивности «сила признака выше обычной» может иметь отношение к эмоциональным и ценностным аспектами высказывания: через усиление признака объекта / действия говорящий сигнализирует о своем эмоциональном состоянии, о силе переживания, а также о наличии определенного отношения к предмету речи / к слушающему.

Обнаруживаются примеры как совместной, так и отдельной реализации эмотивности и интенсивности в рамках одного и того же речевого средства. Ниже в выделенном словосочетании прилагательное

bleeding является интенсификатором, имеет эмотивное, оценочное и стилистическое значения.

My father turned to face me. 'You sound like a bleeding shop assistant,' he replied. 'And I'm sorry I'm not happy, Adrian, but do you know what Freud said about happiness?' [Townsend 2000: 21]

Выявляются случаи, когда в предложении выражена только интенсивность, а категория эмотивности присутствует в импликации (ее можно вывести из лингвистического и ситуативного контекстов). Например, в следующем высказывании героиня романа “Bridget Jones’s Diary” говорит о празднике Дня Святого Валентина и традиции дарить друг другу открытки:

The whole thing is ridiculous and meaningless. Complete commercial exploitation [Fielding 2001: 50].

Выделенное предложение своей структурой придает большую интенсивность сообщаемому, т.к. является парцеллятом. Ср.: *The whole thing is ridiculous and meaningless and a complete commercial exploitation*. Помимо синтаксического средства выражения интенсивности в предложении употребляется лексико-грамматическое средство — прилагательное *complete*, которое усиливает признак объекта. Однако грамматические средства-интенсификаторы могут указывать только на наличие некоего эмоционального отношения говорящего к предмету речи. Характер эмоции / субъективного отношения / оценки мы выводим из ближайшего контекста, а именно: предикаты *ridiculous* и *meaningless* передают значения эмотивности, субъективного отношения «неприятие, отторжение», оценочности «плохо».

Таким образом, мы не прослеживаем ни оппозиции между двумя доминантами, ни отношений части и целого. Наш практический материал дает основание считать эмотивность и интенсивность в рамках ФСПЭ равноположенными.

2.3.2. Вариативные значения ФСПЭ.

Экспрессивность в системе полей английского языка

Помимо выявленных семантических доминант, функциональный признак «эмоциональное воздействие» обнаруживает ряд вариативных значений, которые составляют семантическую периферию ФСПЭ. Так, эмотивность / интенсивность на периферии поля пересекаются со значением оценки. «Процессы эмоциональной и аксиологической интерпретации действительности, являясь самостоятельными величинами, не только неразрывно связаны, но и взаимно детерминируют друг друга» [Романова 2008: 110; см. также Апресян 1974; Арутюнова 1988; Вольф 2002; Трипольская 1999]. В сферу семантики экспрессивности попадают частнооценочные значения, которые Н. Д. Арутюнова называет эмоциональными оценками (разновидность психологических оценок в авторской классификации). Характер основания аксиологической деятельности в этом случае связан с ощущениями, психическим опытом человека. Субъект оценки является психическим и физическим рецептором, чей положительный или отрицательный эмоциональный отклик на ситуацию обобщается и выражается в семантической структуре оценочного предиката. Например, следующие прилагательные, причастия, глаголы вместе с семой эмотивности («радость», «печаль», «досада» и др.) содержат в себе и сему оценки «хорошо / приятно» — «плохо / неприятно»:

*He shouldn't have been born. I was terribly **depressed** for the first month. And then I went the other way. At about ten weeks I became quite **euphoric**. He was smiling all the time, and I convinced myself that he was actually cleverer — quicker — than other babies... [Heller 2009: 91]*

*Sheba said that she had sensed something **resentful** about him, as if he **begrudged** her for having the power to attract him. The moment she resisted — or hesitated, actually — he had become very **nasty** and rude [Heller 2009: 31].*

For a second, I had an impulse to shout at the man in LoPrice — to tell him

*that I was not like him at all, that I had friends. That I had just come from a warm and **delightful** family dinner at someone's house. But of course I didn't [Heller 2009: 115].*

В содержательной структуре ФСПЭ данный вид частнооценочных значений, находясь на периферии, тяготеет к доминанте «эмотивность».

Кроме того, мы выделяем зону взаимодействия исследуемого ФСП с не-нейтральными вариантами общеоценочных значений (например, синонимы прилагательных *good / bad* с компонентами стилистического значения и интенсивности — *superb, magnificent, tremendous, deplorable*). В пределах периферии ФСПЭ выявленная семантическая область располагается ближе к доминанте «интенсивность» (см. *Рисунок № 3*).

*Savage gave a **horrible** phlegmy laugh, during which he crossed his legs (he suffers from stress incontinence) [Townsend 2000: 5].*

*Sheba laughed nervously. 'He was supposed to phone an hour ago, but I haven't heard a peep yet. **Wretched** boy.'* [Heller 2009: 174]

Сложный комплекс отношений прослеживается между экспрессивностью и модальностью, категорией, многоаспектность содержания которой отражена в большом количестве публикаций [Бондаренко 1977; Ваулина 1993; Виноградов 1975; Ермолаева 1964; Зверева 1983; Золотова 1982; Колшанский 1961; Краснова 2002; Панфилов 1977; Парамонов 2008; Теория функциональной грамматики 1990]. Вопрос о семантическом объеме и классификации модальных значений до сих пор решается лингвистами неоднозначно. Наиболее широко признается разграничение двух типов модальных значений: объективной и субъективной модальности [Бондаренко 1977; Ермолаева 1964; Панфилов 1977]. Г. А. Золотова дифференцирует следующие значения:

- 1) отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего;
- 2) отношение говорящего к содержанию высказывания;
- 3) отношение субъекта действия к действию [Золотова 1962: 65].

Существует еще более широкое понимание языковой модальности. Так, в качестве модальных выделяются значения, в основе которых лежит целенаправленность, функциональность высказывания, т.е. значения повествования, вопроса или побуждения [Зверева 1983: 14]. В. Г. Адмони в числе модальных указывает значения утвердительности (аффирмативности) и отрицательности [Адмони 1956]. Кроме того, отметим тенденцию к сближению понятия модальности и субъективности: о возможности рассматривать эмоционально-экспрессивные оттенки значения в рамках модальных отношений говорят Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1988], В. В. Виноградов [Виноградов 1975], В. Б. Касевич [Касевич 1990], И. Б. Хлебникова [Хлебникова 1968].

С позиций функционально-семантического подхода категория модальности структурируется как комплекс подкатегорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности / ирреальности. А. В. Бондарко отмечает, что данные инвариантные признаки находят отражение в следующих значениях: 1) актуальности / потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т.д.); 2) оценки достоверности; 3) коммуникативной установки высказывания; 4) утверждения/отрицания; 5) засвидетельствованности (пересказывания/«непересказывания») [Теория функциональной грамматики 1990: 59-60]. В периферийной сфере модальности (области ослабления инвариантных семантических признаков данной категории) мы фиксируем наличие зоны пересечения оттенков значений модальности, оценочности и эмотивности (как доминанты экспрессивности).

Данное положение доказывают как теоретические наработки исследователей в области семантики и грамматики, так и наш частный случай теоретического и практического моделирования единства экспрессивных грамматических средств английского языка. Например, Т. И. Краснова усматривает в самой основе модальности аксиологическую

деятельность говорящего: «Категория оценки лежит в основе всего того, что может быть квалифицировано как состояние сознания субъекта речи (источник знания или мнения, цель сообщения, эмоции и желания, степень уверенности и т.п.). Иными словами, оценка, отвечает за широкий модусный спектр речи» [Краснова 2002: 120].

Сопряженность указанных значений субъективной семантики выявляется в речевой реализации экспрессивных лексико-грамматических и синтаксических средств английского языка — модальных слов, вводных конструкций, предложений с модальным значением оптативности.

Midnight. Have had v.g. idea about birthday. Am going to ask everyone round for cocktails, perhaps Manhattans. Will then have given to guests something in manner of grand society hostess, and if everyone wishes to go to dinner afterwards: why, they may do so. Not sure what Manhattan is, come to think of it. But could buy book of cocktails maybe. Probably won't, to be perfectly honest [Fielding 2001: 79]. (Формы выражения модальности — модальные слова со значением вероятности, вводный оборот с модальным оттенком «правдивость» — выполняют свою первичную семантическую функцию, а также обнаруживают самоиронию говорящего.)

I made him as comfortable as a one-legged, one-lunged old man with pneumonia can be and took his phone number. I ascertained from him that he had no relations (of course), and no friends (naturellement), he had quarrelled with his neighbours (mais oui) and guess what? Quelle surprise! He is alone in the world. Apart from the huge ginger cat, which is called Andrew [Townsend 2000: 42]. (Модальные слова и выражения уверенности, подтверждения задействуются для обнаружения сарказма говорящего в отношении предмета речи. Эмотивный и оценочный компоненты высказывания акцентируются еще и благодаря тому, что *naturellement, mais oui* являются французскими вкраплениями.)

I'm co-dependent. I asked for too much to satisfy my own neediness rather than need. Oh, if only I could turn back the clock! [Fielding 2001: 19]

(Восклицательное предложение с модальностью оптативности выражает эмоцию сожаления.)

Связь модальности и эмотивности комментирует Т. В. Романова: «Модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего. Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает объективные основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире» [Романова 2008: 110]. Функциональная специфика экспрессивности, тем не менее, не позволяет согласиться с характером отношений категорий, выявленным данным исследователем. Языковые формы, выражающие модальность, лишь частично соприкасаются с содержательно-формальным единством экспрессивных средств в семантической зоне эмотивности, а также эмотивности-оценочности, не охватывая в полной мере единицы выражения интенсивности. Следовательно, модальность и экспрессивность находятся в отношении пересечения, ни одна из категорий не включает в себя полный объем функциональных единиц другой категории.

Итак, мы приходим к выводу о взаимодействии (пересечении) семантической периферии модальности с периферией экспрессивности — в зоне ослабления доминанты «эмотивность», а также в зоне пересечения эмотивности и оценочности (см. *Рисунок № 3*).

Семантическая периферия экспрессивности также осложняется образностью, которую В. И. Шаховский определяет как значение, которое не только вызывает наглядность, «картинность», но и усиливает воздействующую, т.е. прагматическую силу высказывания [Шаховский, 2008: 100]. Заметим, что в данном контексте исключаются всевозможные литературоведческие трактовки термина (например, художественный прием

создания изобразительности текста).

Несмотря на то, что образность выражается в речи преимущественно лексическими единицами языка (см. работы В. И. Шаховского: автор приводит убедительные доказательства в пользу системно-языкового статуса семантики образности), мы считаем необходимым описать эту разновидность значения в рамках моделирования экспрессивности на базе грамматических средств. Во-первых, образная лексика функционально реализуется в речи на уровне словосочетания (например, можно выявить образные устойчивые словосочетания с воздействующим потенциалом) и предложения, составляет часть речевого смысла данных единиц и, таким образом, опосредованно входит в структуру нашей модели. Во-вторых, ФСПЭ, выстраиваемое на основе грамматических средств эмоционального воздействия, очевидно, является частью межуровневого функционального единства экспрессивных языковых и речевых средств, в пределах которого семантический сектор «образность» был бы представлен более полно и доказательно. Соответственно, содержательная структура общего объекта ФСПЭ в определенной мере прослеживается в частном объекте ФСП грамматической экспрессивности.

Особенности взаимодействия значения образности с семантической периферией ФСПЭ определяются на основе анализа английских словосочетаний. В нижеприведенных примерах образная лексика в составе словосочетаний служит средством характеристики денотата; компонент значения образности делает все высказывание более выразительным, увеличивает его «поражающую», воздействующую силу. Кроме этого, мы получаем информацию об эмоциональном отношении говорящего к предмету речи, его оценке происходящего.

*'But I thought you were a Buddhist,' I continued, **digging another conversational grave** [Townsend 2000: 17].*

Ср.: экспрессивное 'a conversational **grave**' — нейтральное 'the **end** of the conversation' / 'the **situation** when the conversation stops'.

*Tom said I should listen to neither of them, not flirt, not lecture but merely be **an aloof, coolly professional ice-queen** [Fielding 2001: 72].*

Ср.: экспрессивное 'be an aloof, coolly professional **ice-queen**' — нейтральное 'be **calm** and **indifferent**'.

*How come have put on only 8oz after **last night's over-consumption orgy**? [Fielding 2001: 124]*

Ср.: экспрессивное 'last night's **over-consumption orgy**' — нейтральное 'last night's **dinner**'.

One of the Spice Girls, Emma, was ironing a skirt the size of an African postage stamp in the kitchen [Townsend 2000: 22].

Ср.: экспрессивное 'a skirt **the size of an African postage stamp**' — нейтральное 'a **short** skirt'.

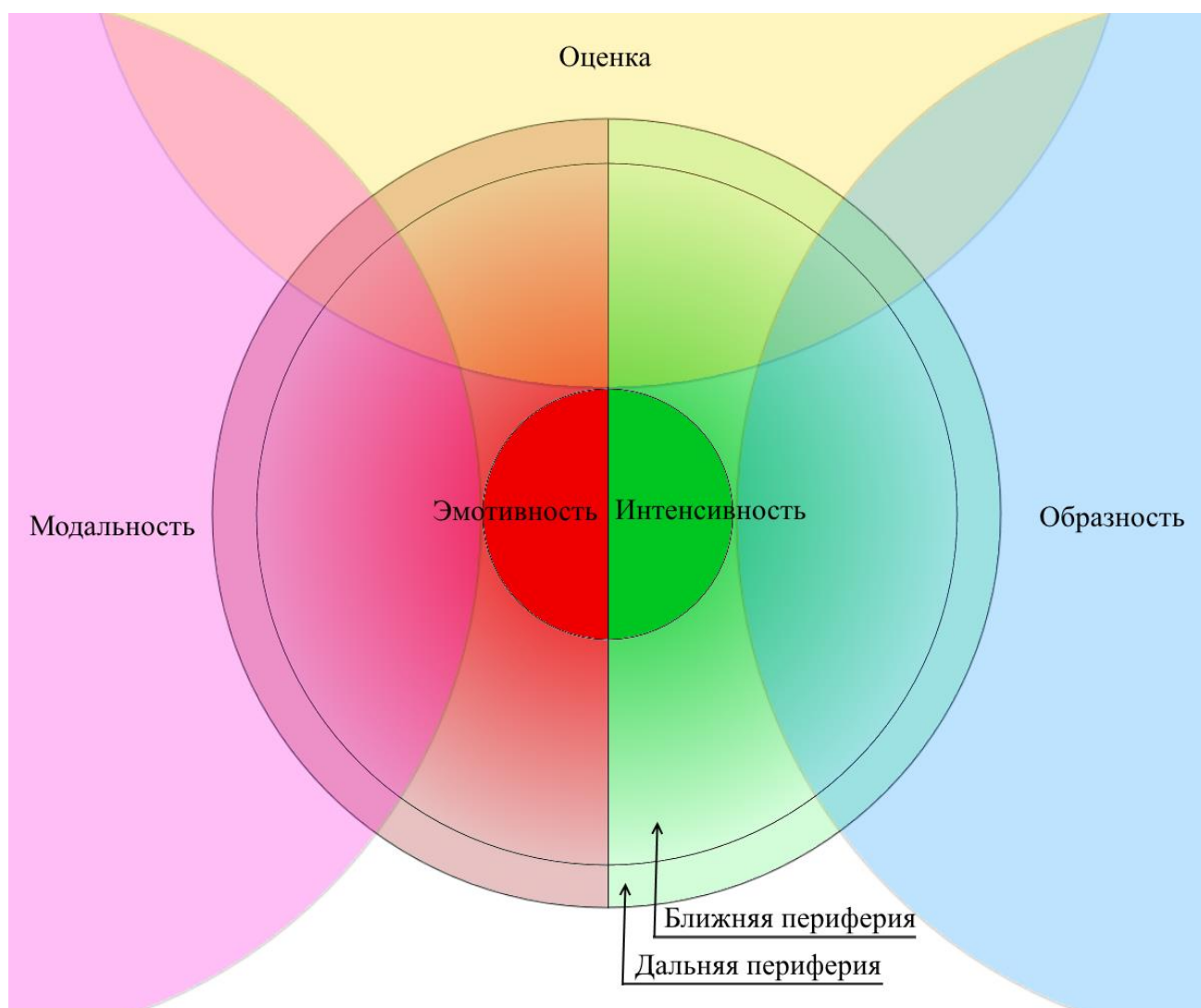
В границах периферии ФСПЭ семантический сектор «образность» функционально взаимодействует с зоной «интенсивность» и пересекается с эмоциональной оценочностью (см. *Рисунок № 3*). Также отметим, что выявленные комплексы семантических признаков могут сопровождаться стилистической окраской.

В результате конструирования содержательной основы ФСПЭ (на материале анализа грамматических средств английского языка) мы получаем полицентрическую модель, в ядре которой прослеживается взаимодействие двух семантических доминант (эмотивности и интенсивности). Периферия поля семантически гетерогенная, полифункциональная: это зона ослабления ядерных семантических признаков экспрессивности и их осложнения смежными категориями, отчасти выполняющими в речи функцию эмоционального воздействия. Границы между ядром и ближней периферией, а также между секторами периферии являются нестрогими. Мы фиксируем:

1) зону пересечения периферии экспрессивности с категорией оценочности, которая, в свою очередь, делится на частнооценочные значения (эмоциональные оценки) и общеоценочные значения с компонентами интенсивности и стилистической окраски;

- 2) зону пересечения периферии экспрессивности с модальностью (данный семантический сектор соприкасается с эмоциональными оценками);
- 3) зону пересечения периферии экспрессивности со значением образности (эта зона функционально взаимодействует с областью «интенсивность» и в пределах периферии пересекает секторы оценочности);
- 4) дальнюю периферию, являющуюся областью взаимодействия ФСПЭ с семантическим пространством других полевых систем языка.

Семантическая структура ФСПЭ. Рисунок № 3

ФСПЭ на базе грамматических средств английского языка является одной из микросистем более крупного межуровневого ФСПЭ, объединяющего на функциональной основе фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические, текстовые, экстралингвистические средства эмоционального воздействия. В процессе моделирования принимались во внимание результаты многочисленных практических исследований указанных средств, в связи с этим выстроенную выше семантическую модель можно считать общей как для микросистемы «ФСПЭ на базе грамматических средств», так и для межуровневого ФСПЭ.

Как показал анализ содержательной структуры ФСПЭ, выявляется взаимодействие исследуемого поля с *макрополем* модальности, с *полем* оценочности (пересечение в секторах частооценочных значений и экспрессивных общеоценочных значений), с *полем* образности. Данные поля осложняют структуру ФСПЭ, вместе с тем границы в зонах пересечения условны. Уровневое (грамматическое) формально-содержательное единство экспрессивности также находится в системных связях с другими полями английского языка, выстроенными на основе предметно-логической семантики. Дальняя периферия интенсивности, по-видимому, соприкасается с пространством понятийных категорий «количественного изменения признака» (количественность, градуальность, компаративность, мера признака). По словам С. Е. Родионовой, интенсивность как вид количественной характеристики отграничивается от указанных категорий по причине своей ярко выраженной субъективности, прагматического аспекта [Родионова 2005: 153].

Итак, нам представляется, что явление экспрессивности необходимо рассматривать именно как комплекс отношений семантических категорий — эмотивность, интенсивность и оценочность, модальность, образность — взаимодействующих на функциональной основе. Предложенная полевая модель экспрессивности наглядно демонстрирует функционально-прагматические взаимоотношения и взаимообусловленность категорий

субъективной семантики в языке и речи.

Выводы

В настоящей главе мы предприняли попытку смоделировать семантическую структуру категории экспрессивности английского языка при помощи функционально-семантического анализа. В результате всего изложенного выше мы приходим к следующим выводам.

1. Ключевыми характеристиками экспрессивности, дающими основания для изучения ее в качестве функционально-семантической категории (ФСК), являются:

- наличие подсистем языковых единиц и речевых средств, эксплицирующих экспрессивную семантику;
- связь внеязыковой основы экспрессивности — эмоциональности — с мыслительно-познавательными процессами человека, одновременность актуализации эмоционального и логического компонентов сознания в речевом общении;
- универсальный характер экспрессивности, представленность экспрессивной семантики в разных языках.

2. ФСК экспрессивности реализуется в речи в эмоциональных ситуациях. При этом выражение эмоций и эмоциональное воздействие включены в структуру коммуникативной ситуации, задействуются для достижения прагматических целей говорящего (например, чтобы заставить партнера по коммуникации принять то или иное решение, убедить или разубедить его в чем-либо, сформировать к себе определенное отношение и др.). Ряд коммуникативных задач в эмоциональной ситуации предельно широк.

3. ФСК экспрессивности создает базис модели функционально-семантического поля экспрессивности (ФСПЭ), ядерную зону которой формируют секторы «эмотивность» и «интенсивность». Комплекс признаков

«эмотивность / интенсивность» признается семантическими доминантами ФСПЭ, ослабевающими при движении от центра к дальней периферии поля.

4. Семантическая периферия ФСПЭ осложняется значениями оценочности, модальности, образности. Это не микрополя в системе макрополя «экспрессивность», а зоны пересечения самостоятельных полей, т.к. их категориальная семантика и формальные средства репрезентации соприкасаются с экспрессивностью лишь частично. Фиксируется также область соприкосновения дальней периферии сектора «интенсивность» с семантическим пространством категорий количественного изменения признака (количественность, градуальность, компаративность, мера признака).

5. ФСПЭ на базе грамматических средств английского языка представляет одну из микросистем межуровневого ФСПЭ. Прослеживается общность содержательной структуры данных лингвистических единств.

6. На данном этапе исследования смоделированная содержательная основа ФСПЭ носит в большей степени гипотетический характер. В *Главе 3* выявленные секторы модели связываются с грамматическими средствами своего формального выражения, более четко очерчиваются границы содержательно-формального единства грамматической экспрессивности, определяются и характеризуются структурный тип и вид выстроенного ФСП.

Глава 3. Формально-структурная организация функционально-семантического поля экспрессивности

«Функционально-семантические категории всегда связаны с конкретными средствами языка, т.е. с определенной формой языкового выражения» [Бондарко 2003: 31]. По причине ограниченного объема настоящей работы невозможно рассмотреть всю систему средств выражения эмоций и эмоционального воздействия языка / речи в полевом аспекте. Однако представляется, что закономерности организации межуровневого формально-содержательного единства экспрессивности действительно для единства экспрессивных грамматических средств, поскольку данные сущности соотносятся как «общее» и «частное». Таким образом, анализ речевого употребления экспрессивных грамматических средств и их полевое моделирование, с одной стороны, формируют отдельное, самостоятельное исследование частного единства лингвистических объектов, системный характер которого обусловлен общностью семантических функций компонентов этого единства, с другой стороны, выявляются системно-структурные и семантические характеристики более общего функционального единства — ФСПЭ.

В целях построения ФСПЭ, базирующегося на совокупности грамматических средств, на данном этапе исследования проведены отбор, анализ и систематизация языкового материала, источником которого послужили тексты современной британской беллетристики: роман Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» (*«Bridget Jones's Diary» by Helen Fielding*), роман Сью Таунсенд «Адриан Моул: годы капучино» (*«Adrian Mole: The Cappuccino Years» by Sue Townsend*), роман Зои Хеллер «Скандальный дневник» (*«Notes on a Scandal» by Zoe Heller*). Нами отобран корпус текстовых фрагментов (4687 предложений-высказываний), в составе которых грамматические единицы (*нефразеологизированное словосочетание, нефразеологизированное предложение, морфологические и лексико-*

грамматические средства) выполняют экспрессивную функцию, т.е. выражают в речевом употреблении функциональный признак «эмоциональное воздействие». Затем определены особенности вариативных признаков, в которых реализуется указанный инвариант, и проведена ядерно-периферийная систематизация отобранных грамматических средств в рамках поля.

При разработке методики отбора и анализа грамматических средств учитывался ряд функциональных особенностей категории экспрессивности, выявленных в *Главе 1*, и характер грамматического знака, а именно:

1. Экспрессивность может быть системной семантической функцией языковой единицы, в этом случае признак «эмоциональное воздействие» входит в структуру значения данной единицы (например, междометия английского языка, восклицательные предложения).

2. Экспрессивная функция единицы может быть второстепенной относительно ее системно-языковых функций и речевой, приобретенной. Механизмы реализации экспрессивного значения в высказывании могут затрагивать формальные, семантические, функционально-прагматические аспекты данной единицы (например, целенаправленные речевые изменения нейтральной синтаксической структуры предложения, экспрессивная функциональная транспозиция предложения).

Ввиду этого для эффективного отбора, анализа языкового материала на предмет семантических вариантов экспрессивности и определения ядерного / периферийного положения данных грамматических средств в предлагаемой нами полевой модели необходимо решить ряд частных задач.

Морфологические и лексико-грамматические средства

1. Выявить наличие семантики экспрессивности в системно-языковом значении морфологических и лексико-грамматических единиц английского языка.
2. Описать случаи переноса грамматического значения единицы в речи в экспрессивных целях.

3. Определить варианты экспрессивного значения, реализуемые в речи на данном уровне.

Синтаксические средства

Словосочетание

1. Проанализировать структуру словосочетания и ее речевое изменение в экспрессивных целях.
2. Определить нарушение стилистико-прагматической уместности словосочетания в речи.
3. Определить варианты экспрессивного значения, реализуемые в речи на данном уровне.

Предложение

1. Описать наличествующие в системе языка типы предложений, предполагающие экспрессивность в речи.
2. Выявить речевые изменения структуры нейтрального предложения в экспрессивных целях.
3. Определить экспрессивный потенциал тема-рематической организации предложения.
4. Проанализировать стилистико-прагматические аспекты предложения на предмет выражения экспрессивного значения.
5. Определить варианты экспрессивного значения, реализуемые в речи на данном уровне.

Важно подчеркнуть, что не любой формальный, семантический или функциональный перенос / сдвиг в грамматической единице при ее речевой реализации является источником экспрессии. Например, синтаксические инверсии при построении вопросительного предложения нейтральны и выражают грамматическое значение. Подобные структуры в разной степени изучены и описаны в традиционной грамматике и целенаправленно исключаются из нашего поля зрения.

При выявлении структуры грамматической единицы применялся метод анализа по непосредственно составляющим, дистрибутивный анализ,

трансформационный анализ, проверка на субституцию. Для того чтобы более точно установить вариант экспрессивного значения, представленный в грамматических средствах, в настоящем исследовании был задействован ряд дополнительных процедур: элементы семантико-стилистического анализа, компонентного анализа лексики, контекстного и прагматического анализа. Кроме этого, использованы метод классификации и элементы статистического метода.

3.1. Экспрессивные морфологические и лексико-грамматические средства английского языка

Нами одновременно применялись несколько тактик конструирования секторов функционально-семантического поля экспрессивности, представленных морфологическими и лексико-грамматическими средствами: (1) индуктивная тактика, состоящая в поиске конstituентов поля в текстах современной британской беллетристики; (2) дедуктивная тактика, заключающаяся в том, что тип сектора поля и состав его (сектора) конstituентов уточнялись с опорой на грамматические источники и лексикографические труды. Мы обращались к данным грамматик английского языка и специальных исследований [Бархударов 1966; Блох 2006; Гуревич 2003; Есперсен 1958; Иванова 1981; Ильиш 1965; Кобрин 2007; Смирницкий 1953, 1957; Viber 2000; Eastwood 2002; Eggins 2004; Halliday 2002, 2014; Leech 2002; Quirk 1972; Radford 2004; Sweet 1891, 1898 и др.], лингвистических энциклопедий и словарей [Crystal 2003; ЛЭС 1990; Энциклопедический словарь-справочник 2011; Москвин 2004; Лагута 2000 и др.], авторитетных лексикографических источников [Квеселевич, Сасина 1990; Убин 1987; OALD 2010; LDCE 2009]. Далее проводился анализ речевой реализации конstituентов в рамках каждого сектора и определялось ядерное / периферийное положение сектора в пределах ФСПЭ.

3.1.1. Междометия семантической группы «эмоции и эмоциональная оценка». Класс слов, «служащий для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность», называют междометиями [Русская грамматика 1980а: 731]. В грамматических классификационных списках междометия представлены и как знаменательная, и как служебная часть речи. А. И. Смирницкий указывает на то, что междометия отличаются от всех групп слов тем, что не имеют

формальной связи с предложением и не входят в его номинальный состав. Однако при определенном синтаксическом оформлении (главным образом, средствами интонации) некоторые из них могут сами по себе образовывать определенного типа предложения [Смирницкий 1953: 391]. (К этому типу слов А. И. Смирницкий относит также вводные слова, модальные слова, слова общего утверждения и отрицания.)

Междометия занимают особое место в языке не только по причине своих синтаксических свойств, но и благодаря семантическим и функциональным характеристикам: исследователи выявляют отсутствие у междометий предметно-логического значения и номинативной функции [Смирницкий 1953], тем не менее, не лишают этот класс слов лексического значения. В. И. Шаховский доказывает наличие у однословных междометий и междометных высказываний эмотивного значения и причисляет их к лексико-семантическому классу «аффективы».

Несмотря на то, что лингвисты единодушно определяют эмоциональную область речевого общения в качестве основной функциональной специализации междометий, в исследовательской практике обнаруживаются и описываются случаи употребления этого класса слов в несобственно-эмотивном значении. На самом общем уровне принято разделять три группы единиц в зависимости от их основной функционально-семантической сферы: 1) эмоции и эмоциональная оценка (самая обширная группа междометий); 2) волеизъявление; 3) этикет (приветствия, пожелания, благодарности, извинения) [Русская грамматика 1980а: 732]. Эта семантическая дифференциация материала поддерживается авторами специальных лексикографических трудов [Квеселевич 1990] и диссертационных работ в области английской морфологии [Мамушкина 2003; Середа 2004].

Представленная семантическая классификация дает основание предложить ядерный статус междометий со значением эмоций и эмоциональной оценки в пределах конструируемого нами поля

экспрессивности. Мы произвели сплошную выборку однословных первообразных междометий из современных толковых словарей английского языка [LDCE 2009; OALD 2010] и из «Русско-английского словаря междометий» [Квеселевич 1990]. Извлечению подлежали вокабулы с грамматическими пометами «interjection» (interj) / «exclamation», в дефиниции которых были зафиксированы признаки «эмотивность» и «эмоциональная оценка». В результате анализа словарных статей был составлен список единиц, однозначно идентифицированных авторами всех используемых лексикографических источников как «междометие».

Словарная выборка междометий со значением эмоций и эмоциональной оценки. Таблица № 3

1. aargh	10.gee	18.humph	28.phew	38.whee
2. ah	11.ha	19.o	29.phooey	39.whew
3. aha	12.heh	20.oh	30.phwoar	40.wow
4. bah	13.hey	21.oho	31.pooh	41.yay
5. eek	14.hm	22.ooh	32.tut (-tut)	42.yikes
6. eh	15.ho-hum	23.oops	33.ugh	43.yippee
7. eww	16.hooray /	24.ouch	34.uh-oh	44.yoi
8. faugh	hurrah	25.ow	35.um	45.yuk
9. fie	17.huh	26.pah	36.umph	46.yum
		27.pfui	37.urgh	

Контекстный анализ междометий эмоций и эмоциональной оценки выявляет широкий спектр эмотивных значений, реализованных в высказываниях. Систематизируем результаты анализа в виде таблицы.

**Статистическая интерпретация междометий со значением эмоций
и эмоциональной оценки в художественных текстах. Таблица № 4**

«Bridget Jones's Diary»	«Adrian Mole: Cappuccino Years»	«Notes on a Scandal»	Статистические данные	Контекстуальные значения
aargh – 18	aargh – 0	aargh – 0	18	гнев раздражение паника растерянность отчаяние испуг
ah – 22	ah – 6	ah - 5	34	тревога паника смущение удивление насмешка воодушевление симпатия удовольствие
aha -2	aha - 0	aha - 0	2	удовольствие от понимания узнавание
eek – 2	eek - 0	eek - 0	2	страх испуг
eh -0	eh - 8	eh - 3	11	вопросительный отклик на обращение переспрос нерасслышанного возражение
ha - 0	ha - 3	ha - 5	8	ирония злорадство насмешка
hey – 1	hey - 2	hey - 0	3	эмоциональное побуждение к отклику / ответу
hooray /	hooray /	hooray /	12	радость

hurrah – 12	hurrah - 0	hurrah - 0		ликование
huh – 13	huh - 0	huh - 1	14	разочарование пренебрежение недоверие удивление
humph – 22	humph - 0	humph - 0	22	неодобрение досада разочарование пренебрежение сомнение недоверие
oh – 217	oh - 26	oh - 143	386	удивление воодушевление досада разочарование гнев пренебрежение испуг страх возмущение высокая степень эмоционального возбуждения
ooh – 11	ooh - 0	ooh - 2	13	удивление радость боль
oops – 1	oops - 0	oops - 0	1	неловкость
pah - 1	pah - 0	pah - 0	1	отвращение пренебрежение
phew - 0	phew - 1	phew - 0	1	усталость утомление
tut (-tut) - 0	tut (-tut) - 0	tut (-tut) - 1	1	недовольство
ugh – 26	ugh - 0	ugh - 0	26	отвращение раздражение
uh-oh - 0	uh-oh - 0	uh-oh - 1	1	озабоченность волнение
um – 6	um - 0	um - 1	7	нерешительность неуверенность речевая пауза

urgh – 1	urgh - 0	urgh - 0	1	отвращение
wow -1	wow - 1	wow - 0	2	удивление
yuk – 2	yuk - 0	yuk - 0	2	отвращение
yum - 0	yum - 1	yum - 1	2	удовольствие по поводу приятного вкуса
			Всего: 571	

Междометия английского языка выражают разные кластеры эмоций и чувств, которые в аспекте лингвистической реализации интерпретируются нами вслед за В. И. Шаховским как разновидности эмотивных значений. Отличительной особенностью междометной реализации эмотивности является «слитность», «сочлененность» формальной стороны языкового знака и передаваемого в речи эмоционального переживания. Междометия проявляют себя одновременно и как вербальное эмотивное средство, и как прямая, непосредственная реализация эмоции.

В проанализированных контекстах с междометиями эмотивность раскрывается более полно, чем в случае с другими экспрессивными грамматическими средствами. Обнаруживаются эмотивные значения ожидания и прогноза: волнение, тревога, страх, отчаяние.

'...Now, darling,' she suddenly hissed, 'you will be coming to Geoffrey and Una's New Year's Day Turkey Curry Buffet this year, won't you?'

'Ah. Actually, I . . . I panicked wildly. What could I pretend to be doing?... 'think I might have to work on New Year's Day.' [Fielding 2001: 9] (тревога, паника)

9st 2* (Eek. Baby growing at monstrous unnatural rate), alcohol units 0, cigarettes 0, calories 3100 (but mainly potatoes, oh my God). * Must keep eye on weight again, now, for Baby's sake [Fielding 2001: 117]. (тревога)

7.55 p.m. Aargh. Doorbell. Am in bra and pants with wet hair. Pie is all over floor. Suddenly hate the guests. Have had to slave for two days, and now they will all swan in, demanding food like cuckoos. Feel like opening door and

shouting, 'Oh, go fuck yourselves.' [Fielding 2001: 84] (паника, переходящая в гнев)

Эмотивные значения удовлетворения и радости:

*Yesssss! Yessssss! Daniel Cleaver wants my phone no. Am marvellous. Am irresistible Sex Goddess. **Hurrah!*** [Fielding 2001: 26] (радость)

'Ooh, by the way, she said, brightening, talking of Harvey Nicks, I got the most wonderful Joseph shift dress in there today — red, two buttons at one side at the neck, very nicely cut, £280 [Fielding 2001: 133]. (воодушевление)

Фрустрационные эмотивные значения: разочарование, досада, гнев.

*Unexpected surprise. Was just leaving flat for work when noticed there was a pink envelope on the table — obviously a late Valentine — which said, 'To the Dusky Beauty'. For a moment I was excited, imagining it was for me and suddenly seeing myself as a dark, mysterious object of desire to men out in the street. Then I remembered bloody Vanessa and her slinky dark bob. **Humph*** [Fielding 2001: 51]. (разочарование)

11 a.m. Phone just rang. It was Simon, to tell me about the latest girl he has got his eye on. 'How old is she?' I said, suspiciously.

'Twenty-four.'

***Aargh aargh.** Have reached the age when men of my own age no longer find their contemporaries attractive* [Fielding 2001: 148]. (досада)

Sheba stared at me. 'What an idiot I've been to trust you. All that filth and lies you've been writing...'

'There are no lies in there, Sheba. There's nothing in there that you didn't tell me yourself.'

She made a strange, guttural noise of exasperation. 'You're mad! How did I never see it before? You're mad! You really believe this stuff is the truth. You write about things you never saw, people you don't know.'

'Well, that's what a writer does, Sheba.'

'Ohhh, you're a writer now?' She began to laugh. I lunged forward, to get at the manuscript, but she danced away again, holding it high above her head [Heller 2009: 236]. (гнев, сарказм)

Эмотивные значения, базирующиеся на коммуникативных эмоциях: пренебрежение, отвращение, презрение.

'Is this your new girlfriend?' asked Sharon.

'Well. Huh. You know, she thinks she is, but we're not going out, we're just sleeping together. I ought to stop it really, but, well... ' he said, smugly.

'Oh, that is just such crap, you cowardly, dysfunctional little schmuck. Right. I'm going to talk to that woman,' said Sharon, getting up [Fielding 2001: 21]. (пренебрежение, самодовольство)

Yuk. Every time my mother's rung up for weeks it's been, 'Of course you remember the Darcys, darling. They came over when we were living in Buckingham and you and Mark played in the paddling pool!' or, 'Oh! Did I mention Malcolm and Elaine are bringing Mark with them to Una's New Year's Day Turkey Curry Buffet? He's just back from America, apparently. Divorced. He's looking for a house in Holland Park. Apparently he had the most terrible time with his wife. Japanese. Very cruel race.' [Fielding 2001: 12] (отвращение)

Эмотивные значения, базирующиеся на аффективно-когнитивных комплексах: удивление, интерес.

'That's... that's a lovely blouse you have on,' Bangs said. He was pointing, rather rudely, at Sheba's chest.

'What?' Sheba was momentarily nonplussed. She picked up a corner of her blouse, as if to remind herself of what she had on, and gazed at it sceptically.

'Huh. Well, thank you.' [Heller 2009: 38] (эмотивное значение — замешательство, удивление)

Оценочные значения выявленных междометий связаны с квалификацией субъектами речи эмоционального переживания по признакам «приятно (хорошо) / неприятно (плохо)» и категоризируются как психологические оценки. Кроме того, выявляются примеры, в которых

междометие одновременно с эмотивным значением выражает оценку сенсорно-вкусового восприятия объекта (*yuk, yum*).

Эмоциональные междометия проявляют многофункциональность в пределах заданной (собственной) семантической группы. Например, *oh* «полиэмотивно», т.е. способно объективировать в высказывании обширный спектр эмоциональных переживаний, начиная с наиболее размытого — эмоционального возбуждения, волнения, и заканчивая интенсивными глубокими эмоциями — гнев, ярость. Для последних типичны контексты с междометными словами и высказываниями: *Oh, God! / Oh! For Christ's sake! / Oh, shit! / Oh, damn!* Аналогичные закономерности в функционировании обнаруживают *ah, huh, humph*. Помимо эмотивных значений, которые фиксируются в словарях как первичные для данной группы единиц, эмоциональные междометия способны выражать общие коммуникативные речевые реакции собеседников: заполнение речевой паузы, переспрос нерасслышанного, — а также модальные значения сомнения / уверенности, значение волеизъявления (эмоциональное побуждение к ответу). Все это свидетельствует о полифункциональности отдельных исследуемых единиц в рамках общей функционально-семантической классификации междометных слов и выражений.

Междометия семантической группы «эмоции и эмоциональные оценки» демонстрируют признаки, релевантные для ядерного сектора «эмотивность» функционально-семантического поля экспрессивности, а именно:

- наиболее однозначное выражение категориального значения единицей;
- системно-языковой статус данной семантической функции единицы;
- регулярность употребления единицы в речи в данной семантической функции.

3.1.2. Оператор do. Морфологическим способом интенсификации действия, не осложненным другими семантическими функциями, является использование глагола *do* (*does, did*) в утвердительной видо-временной форме глагола *Simple*. Мы определили 68 контекстов употребления данной формы в источниках материала. В примерах ниже *do* теряет функции вспомогательного глагола и становится экспрессивным средством, выявляющим субъективную значимость и эмоциогенность действия для говорящего:

He stared at me, as if distracted by something else. 'Sorry,' he said. 'I was just trying to figure out what you mean. Have I . . .? Are you suggesting that I am jealous of Daniel Cleaver? Over you?'

*'No, not over me,' I said, furious because I realized it **did** sound like that. 'I was just assuming you must have some reason to be so horrible about my boyfriend other than pure malevolence.' [Fielding 2001: 171]*

*'And you **do** realize Middlemarch was originally a book, Bridget, don't you, not a soap?' I hate Perpetua when she gets like this. Stupid old fartarse bag [Fielding 2001: 100].*

*9.30 p.m. An extraordinary outburst from Eleanor tonight! I must say, she **did** look rather wild when she arrived and swept past me through the front door without a word [Townsend 2000: 386].*

*But if, at this very challenging period in her life, Sheba had been receiving the emotional support of a sensible adult, I **do** believe she would have been a good deal less tempted by whatever specious comforts Connolly had to offer [Heller 2009: 41].*

*'Purpose — that's closer to it,' Sheba said. 'Children **do** give you a purpose. In the sense of keeping you busy, in the sense of something to get out of bed and do every morning. But that's not the same as meaning.' [Heller 2009: 186]*

Приобретение глаголом *do* функций интенсификации также подтверждают контексты его употребления с формой императива (V-инфинитив), изначально лишенной вспомогательных элементов.

'By the way, Barbara, have you had a chance to look at this?' I turned to see that he was holding up a copy of 'Where We Go Wrong'. I shook my head. 'Oh Barbara!' he said, cheerfully. 'Tut tut! Do try and give it a read. There are some very exciting things in it, if I say so myself.' [Heller 2009: 233]

'Do let me know when you've finished reading, won't you?' said Perpetua, with a nasty smirk. 'I'd hate to feel you were being underused.' [Fielding 2001: 25]

В связи с однозначным и регулярным выражением доминанты экспрессивного значения оператор *do* относится к ядерному сектору поля «ИНТЕНСИВНОСТЬ».

3.1.3. Элатив. «Первое предназначение степеней сравнения прилагательных — отражение объективно существующих (в противовес субъективному восприятию и субъективной оценке) параметрических характеристик объектов действительности» [Туранский 1990: 68]. Степени сравнения английских прилагательных наравне с обозначением категории понятийного характера, таких как количественность, мера признака, имеют прагматически обусловленное употребление. В речевых ситуациях, когда у говорящего возникает необходимость показать субъективную значимость величины признака и посредством этого подчеркнуть свое эмоциональное отношение к предмету высказывания, может использоваться особая форма имени прилагательного — элатив, обозначающая безотносительно высокую степень качества.

Ср.: элатив «*a most + adj*» : превосходная степень сравнения прилагательных (суперлатив) «*the most + adj*», «*the adj+est*».

С точки зрения формально-структурной организации элатив имеет отличия от суперлатива: перед *most* употребляется неопределенный артикль. С одной стороны, данную конструкцию с *most* традиционно рассматривают

как аналитическую форму степени сравнения прилагательных, с другой стороны, обнаруживаются сочетаемостные свойства элатива, сближающие его с синтаксическим построением «интенсифицирующее наречие + прилагательное», а именно: *most* употребляется с прилагательными, имеющими супплетивную форму в превосходной степени:

*Kills me to know that his Dork's Diary has been described as a modern classic, and that eight years on it is still to be found in a prominent position in **most good** bookshops [Townsend 2000: 101].*

В исследуемых источниках обнаруживается 4 высказывания с элативом.

*The smug witch smirked at Mark and blatantly looked me up and down in a **most impolite** manner. 'Have you come from another party?' she breathed [Fielding 2001: 170].*

'OK, everybody,' said Dad, in a tense, serious, manly sort of voice. 'There is a dangerous criminal upstairs using Pam as a hostage.'

*'Oh, she didn't seem to mind, if you ask me,' piped up Granny in a rare and **most untimely** moment of clarity. 'Oh look, there's a biscuit in the dahlias.'* [Fielding 2001: 303]

*So it is ... I've called you together for a **most important** reason. A most important reason indeed... [Townsend 2000: 190]*

Элатив проявляет себя как специализированная (монофункциональная) системная грамматическая форма интенсификации, выделения, указывающая на наличие эмоциональной реакции говорящего от высокой степени проявления признака. На основе указанных функциональных свойств элатив размещается нами в ядерном секторе «интенсивность».

3.1.4. Интенсифицирующие наречия. Средством усиления как всего высказывания, так и отдельных его составляющих считаются наречия-интенсификаторы. Среди исследователей категории интенсивности существуют разногласия относительно функционирования усилителей. Н. Д.

Арутюнова вслед за Д. Болинджером причисляет наречия-интенсификаторы к категории слов градации, служащих для выражения степени и меры признака. Функция эмоционального подчеркивания, эмоциональной эмфазы градационных слов связывается автором с присутствием в речевой коммуникации прагматических факторов. «...Использование фигур речи (литоты и гиперболы), подчиненность высказываний правилам вежливости, требующих избегать категоричности, присутствие эмоциональных, экспрессивных и оценочных коннотаций нарушают организацию параметрических определений в общий скалярный ряд. <...> Там, где говорящий передает свои впечатления, такие понятия как мера и измерение теряют свой точный смысл: градусы эмоционального напряжения и экспрессии расстраивают скалярный строй» [Арутюнова 1988: 247].

С. Е. Родионова дифференцирует слова градации в зависимости от передаваемого ими вида количественной характеристики признака: 1) сравнительная величина (ветер *сильнее*, чем вчера); 2) достаточная или чрезмерная величина — величина признака с точки зрения соответствия тем или иным внешним требованиям (ветер *слишком* сильный, чтобы сегодня выходить в море; река *достаточно* глубокая, чтобы купаться); 3) предельно возможная величина (*абсолютно* чистая страница); 4) существенная величина — величина признака, заметно превышающая обычную и потому существенная для человека (*очень* сильный ветер). Последний вид количественной характеристики признака, по наблюдению исследовательницы, отличается ярко выраженной субъективностью, в то время как в предыдущих случаях всегда существует более или менее объективный критерий истинности суждения: установленная система мер, наличие другого сравнимого признака, объективные физические свойства предмета, практические требования ситуации [Родионова 2005: 153]. Именно последний вид градуированных слов с универсальным языковым смыслом «*очень*» называется автором интенсификаторами.

В «Грамматике современного английского языка для университетов» представлены три группы наречий-интенсификаторов: эмфасайзеры (emphasizers), эмплифайеры (amplifiers) и даунтоунеры (downtoners) [Quirk 1972: 195–200]. Группу эмфасайзеров, создающих эффект общего усиления высказывания, формируют следующие единицы: *actually, clearly, definitely, indeed, obviously, plainly, really, surely, for certain, for sure, of course, frankly, honestly, literally, simply, fairly, just*.

Эмплифайеры обозначают нарастание признака относительно установленной нормы и дополнительно подразделяются на максимайзеры (maximizers), указывающие на предельную отметку признака на шкале интенсивности, и бустеры (boosters), сигнализирующие о высокой степени признака.

Максимайзеры: *absolutely, completely, entirely, fully, quite, thoroughly, utterly, most*.

Бустеры: *badly, deeply, greatly, heartily, much, so, violently, well, a good deal, a great deal, a lot, by far, more*.

Класс наречий со значением понижения признака на градационной шкале (даунтоунеры) также семантически разнороден. Он включает в себя:

- компромайзеры (compromisers — незначительное движение вниз по шкале): *kind of, sort of, quite, rather, more or less*;
- диминишеры (diminishers — движение вниз по шкале): *partly, slightly, somewhat, in part, to some extent, a little*;
- минимайзеры (minimizers — значительное движение вниз по шкале): *a bit, barely, hardly, little, scarcely, in the least, in the slightest, at all*;
- аппроксиматоры (approximators — аппроксимация действия): *almost, nearly, as good as, all but*.

Очевидно, не все наречия степени и меры, которые в теоретических трудах называются интенсификаторами, сопровождаются подчеркиванием,

выделением модифицируемого признака. В рамках концепции интенсивности как усиления, эксплицирующего меру эмоциональности и совмещенного с прагматическими задачами эмоционального воздействия, необходимо развести нейтральные случаи выражения степени / меры признака наречиями и интенсификацию, обнаруживающую субъективную значимость того или иного признака для участников коммуникации, свидетельствующую о наличии эмоционального отношения говорящего к предмету речи. При помощи сплошной выборки из лексикографических источников [Убин 1987; LDCE 2009; OALD 2010] мы определили круг наречий-интенсификаторов английского языка. В выборку вошли однословные наречия со значением «степень интенсивности признака», способные выступать в качестве модификатора количества признака в речи, например:

Absolutely

- completely; used to emphasize something [LDCE 2009].
- used to emphasize that something is completely true; used with adjectives or verbs that express strong feelings or extreme qualities to mean 'extremely' [OALD 2010].

Awfully

- very [LDCE 2009];
- very, extremely [OALD 2010].

Badly

- to a great or serious degree [LDCE 2009];
- used to emphasize how much you want, need, etc. somebody/something; used to emphasize how serious a situation or an event is [OALD 2010].

Fairly

- more than a little, but much less than very, quite [LDCE 2009];
- to some extent but not very [OALD 2010].

Especially

- to a particularly high degree or much more than usual [LDCE 2009];
- very much; to a particular degree [OALD 2010].

Particularly

- more than usual or more than others [LDCE 2009];
- especially; more than usual or more than others [OALD 2010].

Общее количество отобранных из лексикографических источников единиц составило 557 (результаты выборки отражены в **Приложении 1**). Список интенсифицирующих наречий с параметрами частотности употребления в анализируемых текстах помещен в **Приложение 2**.

Нами было обнаружено и проанализировано 1813 высказываний с интенсифицирующими наречиями. Весь корпус реализовавшихся в текстах усилительных наречий можно условно разделить на две общие группы в зависимости от наличия / отсутствия у них экспрессивной функции: грамматикализованные наречия и наречия с широким значением (неграмматикализованные, имеющие субъективно-оценочные смыслы и служащие для эмоционального выделения).

Группа грамматикализованных наречий демонстрирует нейтральность, с точки зрения экспрессивизации контекста, воздействия на получателя сообщения. Как правило, это наречия, полностью или частично утратившие связь с мотивирующей частью речи и служащие только для выражения степени интенсивности действия (определители глаголов), признака (определители прилагательных), признака признака (определители наречий): *absolutely, almost, awfully, completely, entirely, fully, greatly, hardly, little, a little, more, most, much, quite, so, totally, very*.

*Forgive me for addressing you as 'Ms' if you are in fact a married woman. I am writing to you in the strictest confidence. I am **absolutely** certain that you will respect my wishes in this matter as I have read somewhere that you are a Christian woman [Townsend 2000: 95].*

Высокая частотность выражения данной группой языковых единиц значения степени и меры признака, не сопряженного с экспрессивной функцией, правомерно дает основания отнести ее (группу наречий) к совокупности полей с качественно-количественной семантикой. Тем не менее сочетаемостные возможности описанных наречий позволяют рассматривать этот лексико-грамматический пласт в качестве сектора дальней периферии категории экспрессивности. Контексты, в которых общеупотребительные нейтральные наречия высокой и предельной степеней интенсифицируют эмоционально-оценочную лексику, обладают ощутимой воздействующей силой. Такой прагматический эффект объясняется тем, что интенсификации подвергаются эмотивные и оценочные значения. Наречия при этом получают субъективно-оценочный характер.

*There has been an unbelievable, terrible, scandalous reversal. My mother and Ivan are living here at Wisteria Walk, and my father and Tania are living there, at The Lawns. I am **absolutely** furious that I was not party to these arrangements. It was done behind my back. I said to my mother, 'How could you send Dad, a sick man, to live with that gorgon Tania Braithwaite?' [Townsend 2000: 178]*

*'Barbara was **completely** marvelous the other afternoon,' Sheba said, as we all examined the chalkboard menu on the wall above us. 'I was on the verge of going loony with two of my HC boys. And she came along and saved my bacon.'* [Heller 2009: 62]

*Daniel is asleep. Actually, I think he's pretending to be asleep. **Completely** weird evening [Fielding 2001: 123].*

*Ugh, do not feel like cooking. Especially dealing with grotesque bag of chicken carcasses: **completely** disgusting [Fielding 2001: 266].*

*I believe, **quite** passionately, that creating the right sort of warm environment for learning is three-quarters of what teaching is all about [Heller 2009: 64].*

*I hit the steering wheel in irritation. 'For goodness' sake, Sheba, don't patronize me! I'm not **quite** so desperate as to regard Bangs as a potential boyfriend.'* [Heller 2009: 201]

*9st 5. (Oh, God, have turned into Santa Claus, Christmas pudding or similar), alcohol units 2 (total triumph), cigarettes 3 (ditto), calories 2657 (almost entirely gravy), **totally** insane Christmas gifts 12, number of Christmas gifts with any point to them whatsoever 0, philosophical reflections on the meaning of the Virgin Birth 0, number of years since self was Virgin, hmmm* [Fielding 2001: 300].

Помимо общеупотребительных грамматикализованных интенсификаторов, приведенных выше, в текстах определяется обширная группа наречий со значением большей относительно ординарного уровня степени признака, мотивированных прилагательными и не утративших связи с качественным значением (наречия-интенсификаторы с широким значением). Интенсификаторы этой группы передают крайне субъективное восприятие степени и меры признака говорящим и обогащают высказывание дополнительными оттенками эмотивности и оценочности, которые сохранились от мотивирующего слова:

*It was one of those moments. I felt **acutely** aware of my own mortality* [Townsend 2000: 128]. (высокая степень интенсивности признака, опасение, негативная оценка)

*How can it be that the situation between the sexes after a first night remains so **agonizingly** imbalanced? Feel as if I have just sat an exam and must wait for my results* [Fielding 2001: 60]. (предельная степень интенсивности признака, тревога, негативная оценка)

*There was a cat in the kitchen yard today that looked **amazingly** like Humphrey, the cat who once resided at No. 10 Downing Street...* [Townsend 2000: 117] (предельная степень интенсивности признака, удивление, поощрение)

В контекстуальном употреблении этих наречий определяется эмоциональная включенность говорящего в высказывание, его впечатление от высокой степени проявления признака, указание для адресата обратить

внимание на модифицируемый признак. В связи с эмоциональными факторами интенсифицирующие наречия с широким значением проявляют тенденции смещения скалярного строя, «расстраивания» шкалы градации признака. Например, весьма затруднительно выстроить следующие наречия, интенсифицирующие прилагательное *talented*, на шкале градации признака: *admirably / extraordinarily / wonderfully / brilliantly talented*.

Данные примеры свидетельствуют о том, что категория интенсивности, в традиционном понимании выражающая количественные параметры признака, теряет объективные основания при эксплицировании (отражении количественного аспекта) эмоциональности. Проведенный анализ словарных дефиниций и контекстов речевого употребления наречий позволяет выделить в качестве периферийного сектора интенсивности группу неграмматикализованных интенсификаторов. Отличительным их свойством является функциональная сопряженность с категорией экспрессивности, совмещение функций выражения степени признака и субъективного впечатления от него, эмоционального выделения. Конституенты сектора обладают сочетаемостью с эмоционально-оценочной лексикой, а также содержат в своей семантической структуре семы «эмотивность», «эмоциональная оценочность». В совокупности неграмматикализованные наречия-интенсификаторы формируют область регулярного функционального взаимодействия широкой категории понятийного характера «количественности» с экспрессивностью.

3.1.5. Модальные слова. Отдельного внимания заслуживают лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности, формирующие зону взаимодействия полей модальности и экспрессивности. В трудах отечественных англистов выделяется самостоятельная лексико-грамматическая группа единиц, за которой закрепляется название «модальные слова» [Ильиш 1965; Иванова 1981; Романова 1997]. Б. А. Ильиш разграничивает модальные слова от обстоятельственных и

качественных наречий на основании следующих критериев: (1) семантический (данная группа слов выражает модальное значение); (2) синтаксический (модальные слова употребляются в предложении в виде вводных конструкций и не являются частью синтаксической структуры предложения). В зарубежной англистике также существуют термины «наречие предложения» (*sentence adverb*), модификаторы предложения (*sentence modifiers*), дизъюнкты (*disjuncts*) [Nesfield 2014; Quirk 1972].

В лексикографических источниках эти единицы могут маркироваться дополнительной пометой. В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» используется помета «*sentence adverb*» [LDCE 2009]. Однако ее употребление весьма несистематично. Например, слово *perhaps*, которое единодушно признается грамматистами модальным, не получает соответствующей пометы. В словаре «Oxford Advanced Learner's Dictionary» не обнаруживаются специальных маркеров для модальных слов [OALD 2010]. По причине отсутствия однозначных средств идентификации модальных слов в английских толковых словарях круг данных единиц определялся и уточнялся при помощи грамматических источников и выборки из художественных текстов (результаты выборки приведены в приложении). Далее проводился анализ их семантики и функционирования. Систематизируем в виде таблицы статистические данные, полученные в результате анализа.

Статистическая интерпретация модальных слов английского языка в художественных текстах. Таблица № 5

№ п/п	Модальное слово	« Bridget Jones's Diary »	« Adrian Mole: Cappuccino Years »	« Notes on a scandal »
----------	--------------------	--	--	-----------------------------------

1.	Actually	43	1	23
2.	Apparently	21	29	11
3.	Astonishingly	0	1	0
4.	Certainly	4	15	15
5.	Clearly	0	0	6
6.	Definitely	1	0	0
7.	Fortunately	2	0	0
8.	Frankly	4	1	3
9.	Honestly	5	2	2
10.	In fact	5	6	2
11.	Indeed	0	2	2
12.	Interestingly	2	0	0
13.	Ironically	1	0	0
14.	Likely	0	0	1
15.	Luckily	0	1	1
16.	Maybe	73	0	5
17.	Naturally	1	2	4
18.	No doubt	0	3	1
19.	Obviously	14	6	0
20.	Of course	17	26	42
21.	Perhaps	7	20	35
22.	Personally	1	2	2
23.	Possibly	2	1	2
24.	Presumably	2	2	0
25.	Probably	2	1	19
26.	Supposedly	0	2	0
27.	Surely	6	7	10
28.	Surprisingly	0	1	0
29.	Thankfully	0	1	1
30.	Unfortunately	8	11	0
		221	143	187
Всего контекстов: 551				

Нами проанализирован 551 контекст употребления модальных слов. Очевидно, большой корпус единиц, признаваемых исследователями в качестве модальных слов, не был задействован в текстах. Одной из причин неравномерной статистики может быть наличие у данных единиц функционально-стилистической маркированности. Например, *theoretically*, *supposedly* наиболее типичны для научного стиля. Кроме того, на показатели частотности использования модальных слов в анализируемых текстах влияет

фактор авторского предпочтения: выбор лексико-грамматических единиц со значением модальности в известной мере обусловливается художественными задачами.

Анализ речевой реализации отобранных единиц показывает многоаспектность их функциональной семантики. На самом общем уровне определяются три семантические группы модальных слов:

1. Модальные слова уверенности, подтверждения: *actually, admittedly, allegedly, certainly, clearly, definitely, evidently, in fact, in truth, indeed, inevitably, naturally, no doubt, obviously, of course, positively, surely, undeniably.*

2. Модальные слова вероятности, сомнения: *apparently, conceivably, likely, maybe, perhaps, possibly, presumably, probably.*

3. Модальные слова со значением субъективного отношения говорящего к предмету высказывания: *fortunately, frankly, genuinely, happily, honestly, hopefully, importantly, interestingly, intriguingly, ironically, luckily, personally, unfortunately.*

Модальные слова третьей группы обнаруживают значения эмотивности и оценочности, которые выявляются при анализе словарных дефиниций: «интерес» — *interestingly, intriguingly*; «удивление» — *ironically*; «положительная оценка» — *fortunately, luckily, importantly*; «отрицательная оценка» — *unfortunately*. А также значения: «правдивость» — *frankly, genuinely, honestly*; «точка зрения» — *personally*. В речевом употреблении данные единицы служат средством «называния» (а не выражения) субъективного отношения говорящего к ситуации.

Luckily I have housework to keep me occupied [Heller 2009: 238].

Unfortunately, however, when I got there, Number 4 Malden Road was a fruit and vegetable shop [Fielding 2001: 217].

Модальные слова способны интенсифицировать высказывание благодаря своему синтаксическому употреблению в виде вводной конструкции.

Certainly, there is no other friend or relative of Sheba's who has been so intimately involved in the day-to-day business of her affair with Connolly [Heller 2009: 8].

Surely our voting procedure should be accompanied by the sound of trumpets or massed choirs, or at the very least a singer singing freedom songs accompanied by a guitar [Townsend 2000: 28].

All seems normal with Magda and Jeremy so maybe it was just a business meeting [Fielding 2001: 96].

Модальные слова являются неспецифическими (неспециальными) экспрессивными средствами, поскольку не выражают однозначно семантические доминанты «эмотивность» / «интенсивность», совмещают в себе несколько семантических функций. Ввиду этого они занимают периферийное положение в рамках выстраиваемой модели и формально репрезентируют пересечение полей экспрессивности и субъективной модальности.

3.1.6. Транспозиция при функционировании морфологических классов слов. Периферия экспрессивности представлена также речевыми явлениями (выявлено 54 предложения-высказывания), которые можно отнести к грамматической стилистике английского языка. Выделяемый сектор составляют стилистические приемы, основанные на грамматической транспозиции и являющиеся стилистическими вариантами нейтральных морфологических форм английского языка. И. В. Арнольд следующим образом комментирует понятие транспозиции применительно к уровню морфологии: «Каждая грамматическая форма имеет несколько значений, из которых одно можно рассматривать как главное, а другие — как переносные. Расхождение между традиционно обозначающим и ситуативно обозначающим на уровне морфологии называется транспозицией (или иногда грамматической метафорой). Выражение эмотивности, оценки, а иногда и функционально-стилистических коннотаций осуществляются при

этом за счет нарушения привычных грамматических валентностных связей» [Арнольд 2006: 191].

Несмотря на то, что мы признаем возможность транспозиции при функционировании в высказывании как знаменательных, так и служебных частей речи, в целях ограничения объекта исследования мы подвергли морфологическому и семантико-стилистическому анализу лишь два знаменательных морфологических класса слов — имя существительное и глагол. Основной задачей на данном этапе было выявление их экспрессивного потенциала при грамматической транспозиции.

Английское имя существительное обладает ограниченными возможностями транспонированного употребления своих морфологических форм. Единственной морфологической категорией, которой бесспорно обладает имя существительное на современном этапе развития английского языка, — это категория числа. «Показатель числа может создавать эмфазу нарушением традиционных валентных свойств» [Арнольд 2006: 198]. Согласно описательным грамматикам, имя существительное имеет две формы числа (единственное и множественное). Однако не все лексико-грамматические разряды существительного способны образовывать бинарные оппозиции по категории числа: имена собственные, абстрактные и вещественные обычно исключаются из оппозитивных отношений, т.к. не способны обозначать дискретную множественность. Противопоставление форм числа данных разрядов имени существительного имеет экспрессивно-стилистическую значимость. В текстах анализируемых романов выявляется употребление абстрактных имен существительных в форме множественного числа в значении «отдельные проявления, индивидуализация абстрактного понятия». Приведем примеры из выборки:

*Sheba and I have spent countless hours together over the last eighteen months, exchanging **confidences** of every kind [Heller 2009: 8].*

'This is strictly between us, right? ... You must promise not to tell anyone...'
*Sheba does none of that. She tosses out intimate and unflattering **truths** about herself, all the time, without a second thought [Heller 2009: 3].*

*I know it's all to do with my **worries** about where my career is leading me but he just lit himself a cigarette and asked me to run over the bit about the Domestic Science apron again [Fielding 2001: 166].*

*Anyway, you can't deny yourself all **pleasures** in life. I'm only on about four or five a day and, besides, I'm going to stop soon [Fielding 2001: 108].*

«Абстрактное существование, принимая форму множественного числа в его разделительном значении, превращается в исчисляемое имя и тем самым как бы опредмечивается, конкретизируется. Такая конкретизация существительных служит средством более наглядного изображения действительности» [Раевская 1973: 31].

При употреблении вещественных существительных в форме множественного числа выражаются коннотации всеохватности, масштабности описываемого объекта. Как правило, это вещественные существительные, относящиеся к тематической группе «природные явления» (*sand — sands, water — waters, snow — snows, etc.*).

Морфологические категории времени и вида английского глагола также обнаруживают транспонированное употребление. Видо-временная форма *Present Simple* способна эксплицировать эмотивные значения при обозначении действий в прошедшем времени («настоящее историческое»). Помимо эмотивности данная морфологическая форма привносит коннотации сиюминутности, наглядности происходящего действия, возникающие благодаря взаимодействию категориального значения формы *Present Simple* «действие, совпадающее с моментом речи» и контекстуально обусловленного значения «факт прошлого».

Приведенные грамматические средства выражают оттенки эмотивного значения и участвуют в структурировании формально-содержательного единства категории экспрессивности.

3.2. Экспрессивные синтаксические средства английского языка: уровень словосочетания

Употребление синтаксических единиц в речи для выражения эмоций, отношения и эмоционального воздействия заинтересовало лингвистов относительно недавно. Во второй половине XX в. под влиянием работ В. В. Виноградова начали разрабатываться вопросы экспрессивного синтаксиса. Исследователь обозначил проблему «экспрессивных — выразительных, изобразительных — оттенков, присущих той или иной синтаксической конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций» [Виноградов 1955: 61], которая получила дальнейшую разработку на материале разных языков в трудах ученых, таких как Г. Н. Акимова [Акимова 1990], О. В. Александрова [Александрова 1984], И. В. Арнольд [Арнольд 2006], М. П. Брандес [Брандес 1983], В. В. Бузаров [Бузаров 1998], И. Р. Гальперин [Гальперин 1958], Э. С. Геллер [1991], Г. А. Золотова [Золотова 1982], Г. А. Копнина [Копнина 2012], О. А. Кострова [Кострова 2004], Ю. М. Малинович [Малинович 1989], А. П. Сковородников [Сковородников 1981], Ю. М. Скребнев [Скребнев 2003], Г. Я. Солганик [1991] и др.

Теоретические аспекты английского словосочетания как единицы синтаксиса в той или иной мере освещены в исследованиях отечественных лингвистов [Бархударов 1966; Блох 2006; Бурлакова 1984; Ильиш 1965; Иртеньева 1969; Кобрин 2007; Смирницкий 1957], а также в зарубежном языкознании. Вслед за И. П. Ивановой, мы определяем словосочетание как любую синтаксически организованную группу, состоящую из комбинации либо знаменательных слов типа *to disregard the remark, busy life, very new*, либо служебного и знаменательного слов типа *on the beach, under the net, in the corner*, связанных любым из существующих типов синтаксической связи [Иванова 1981: 105]. Не претендуя на исчерпывающее освещение всех структурных типов словосочетания,

представленных в теории синтаксиса английского языка, мы ограничиваемся рассмотрением наиболее частотных, обладающих экспрессивным потенциалом и реализующих его в речи, - субстантивных и глагольных словосочетаний.

О. В. Александрова признает тот факт, что словосочетание, будучи единицей номинации, «не только что-то сообщает, но сообщает это «что-то» с целью воздействия на партнера коммуникации» [Александрова 1984: 18]. Для экспликации экспрессивности, категории функционально-семантической, имеющей непосредственную связь с прагматикой и коммуникативным контекстом высказывания, в английском языке не сформировалось специальных структур словосочетаний. Тем не менее определяются закономерности употребления этих единиц в целях эмоционального воздействия и выявляются типичные способы выражения экспрессивного значения на данном уровне.

Структура синтаксической единицы и ее речевое изменение в экспрессивных целях. В качестве средства номинации и одновременно средства эмоционального воздействия субстантивное словосочетание обнаруживает следующие структурные модели в романах-дневниках:

- Субстантивное ядро с зависимой словоформой в препозиции («зависимая словоформа + **имя существительное**»: *the saucy schoolteacher's spin-doctor; the clearly morally bankrupt candidate*);
- Субстантивное ядро с зависимой словоформой в постпозиции («**имя существительное** + зависимая словоформа»: *a happy-go-lucky lad, polite, considerate and extremely well adjusted; a skirt the size of an African postage stamp*).

Это словосочетания с различной синтаксической семантикой: в указанном структурном типе единиц наблюдаются как «чистые» синтаксические отношения — атрибутивные и объектные, так и смешанные — атрибутивно-объектные, атрибутивно-адвербиальные,

полупредикативные.

При выражении категории экспрессивности происходит структурное преобразование базовых моделей субстантивного словосочетания по пути добавления зависимых словоформ одного и того же ядра: *super-doooper top-notch lawyers, an icy offended-sounding answer-phone message, a pagan-style twinkly festival*. В данных примерах одновременно передаются разные варианты категории экспрессивности: продолжительность синтаксических конструкций служит средством интенсификации высказывания, а лексемы обладают значениями эмотивности и образности. Кроме того, важно отметить, что сложение основ как модель словообразования зависимых единиц в данном случае является дополнительным приемом воздействия.

Употребление наречий со значением интенсивности в субстантивных словосочетаниях представляется еще одним вариантом их структурного преобразования в целях придания высказыванию выразительности (*adverb + adjective + noun*). Особенностью таких структур является то, что наречие распространяет присубстантивную зависимую единицу словосочетания и не связано по смыслу с ядром: *a terribly lonely and rich son, a terribly attractive chap, a rare and extremely unwelcome moment, an exceptionally bad start*. Наречия в данном контексте теряют качественное значение и выступают лишь средствами интенсификации характеристик определяемого слова.

Структурные модели субстантивного словосочетания могут варьироваться при помощи включения в них голофразиса, например: *the rich divorced-by-cruel-wife Mark, date-with-Daniel standby*. Конструкция голофразиса представляет собой либо словосочетание, либо предложение, которое приближается к монологическому образованию и выполняет в данных примерах функцию атрибута. Этот структурный вариант словосочетания приобретает большее воздействие, когда в рамках самого голофразиса наблюдаются атрибутивные синтаксические отношения: *their entire-tune-of-town-hallclock-style doorbell*.

В целом голофразис как средство выражения экспрессивного значения

является достаточно частотным в романах-дневниках и помимо своих семантических и структурных функций выполняет еще и стилеобразующую роль.

Еще один источник экспрессивизации английских субстантивных словосочетаний связан с комбинаторными свойствами ядерного компонента — имени существительного. Общеизвестно деление английского имени существительного по разным основаниям на морфологические подклассы: имена существительные нарицательные и имена существительные собственные. Помимо этого, выделяются конкретные, абстрактные и вещественные имена существительные, которые, в свою очередь, могут быть исчисляемыми и неисчисляемыми, одушевленными и неодушевленными.

Приведенные подклассы имени существительного обладают определенными сочетательными закономерностями, которые комментируются в работах В. В. Бурлаковой: «Например, определение выраженное именем числительным, свойственно конкретным существительным, обладающим формой множественного числа; определения, характеризующие эмоции, психическое состояние или интеллектуальные способности, в качестве определяемого требуют одушевленное имя существительное или те существительные, которые метонимически представляют их: название частей тела, выражения лица. Имена существительные вещественные также обладают избирательностью к семантике своих атрибутов и не комбинируются с теми определениями, которые не характерны для них. Аналогичные ограничения наблюдаются и в отношении абстрактных существительных» [Бурлакова 1984: 21].

Нарушение лексико-грамматических ограничений на сочетаемость имени существительного с атрибутами в рамках субстантивной синтагмы является грамматической основой метафоричности / метонимичности и приводит к актуализации экспрессивности в высказывании. Ниже приведены высказывания, в которых неодушевленные имена существительные получают признаки, характерные для одушевленных существительных лица:

Incident. The word hung in the air, pregnant with menace [Townsend 2000: 356].

She tried to kiss me, but I turned my cheek away from her adulterous lips [Townsend 2000: 107].

Suspect Daniel's enormously well read brain may turn out to be something of a nuisance if things develop [Fielding 2001: 59].

Категория экспрессивности также актуализируется в высказывании при помощи глагольных словосочетаний. Важно заметить, что в теории синтаксиса английского языка структурная классификация глагольных словосочетаний выстраивается не по принципу препозитивного / постпозитивного положения зависимой словоформы, как в примерах с субстантивными словосочетаниями, а исходя из морфолого-синтаксических свойств ядра словосочетания — глагола. Л. С. Бархударов указывает на то, что принадлежность глагола к тому или иному грамматическому подклассу и определяет структурные особенности словосочетания, в котором данный глагол является ядром [Бархударов 1966: 78]. В качестве классификационного принципа в этом случае выступает общепринятое деление глаголов на переходные, или транзитивные (способные присоединять к себе существительное, которое относится к иному подклассу, нежели подлежащее предложения, и не замещается наречием, либо аналогичную группу «предлог + существительное»), и непереходные, или нетранзитивные (не обладающие вышеназванными свойствами). Руководствуясь данным принципом, мы выявляем следующие структурные модели глагольных словосочетаний, которые используются в речи в целях эмоционального воздействия:

Простые словосочетания

- переходный/непереходный глагол + обстоятельство: *said scornfully, cooked superbly, kissed passionately;*
- переходный глагол + (беспредложное/предложное) дополнение: *make a*

bitchy remark, was given bail, dog my footsteps, are sneering at my culinary skills;

- **непереходный (связочный) глагол + предикатив (Predicative):** *looks a tiny bit gormless, become entirely populated by dolts, has become increasingly sympathetic, seemed particularly depleted;*

Сложные словосочетания

- **переходный/непереходный глагол + два обстоятельства:** *shouted, pushing a highball glass under the rum optic, and keeping it there;*
- **переходный глагол + (беспредложное/предложное) дополнение + обстоятельство:** *indulges the child horribly;*
- **переходный глагол + два беспредложных дополнения (прямое и косвенное дополнения):** *give his face a good going-over;*
- **переходный глагол + беспредложное дополнение + предложное дополнение:** *made onion gravy for the toad-in-the-hole, dug her nails into my arm;*

Синтаксическая семантика представленных глагольных словосочетаний разнородна. В структурной модели «глагол + обстоятельство» зависимая словоформа вступает в обстоятельственные отношения с ядром. В модели «глагол + дополнение» возможны объектные и субъектные синтаксические отношения. Экзистенциальные отношения возникают в словосочетаниях «связочный глагол + предикатив», где ядро передает семантику существования в ее вариативности (пребывание в определенном состоянии, переход в состояние, сохранение состояния, существование с модальными оттенками), а зависимая словоформа фиксирует признак субъекта и восполняет информативную недостаточность ядра.

Преобразование структурных моделей глагольных словосочетаний является одним из способов выражения экспрессивности в речи. Причем каждая модель демонстрирует определенные возможности структурного

варьирования. Прокомментируем экспрессивное речевое употребление исследуемых структур. Модель «**переходный / непереходный глагол + обстоятельство**» преобразуется по пути добавления обстоятельств одной и той же семантической группы и/или по пути интенсификации обстоятельств посредством их распространения. Таким образом, целенаправленно создается переизбыток признаков действия в высказывании, и актуализируются значения интенсивности и эмотивности:

'Then no f— way, Jose,' he shouted, pushing a highball glass under the rum optic, and keeping it there until the glass was half full (or half empty, depending on your personality type) [Townsend 2000: 5]. (Обстоятельства образа действия, связанные союзной сочинительной связью, распространение второго обстоятельства придаточным подчинительным с парантезой.)

Mum had been to church and suddenly realized in a St Paul-on-road-to-Damascus-type blinding flash that the vicar is gay [Fielding 2001: 38]. (Распространение обстоятельства образа действия при помощи голофразиса.)

Ended up kneeling on a towel trying to pull off a wax strip firmly stuck to the back of my calf while watching News night in an effort to drum up some interesting opinions about things [Fielding 2001: 59]. (Ряд однородных распространенных обстоятельств образа действия, составляющих зависимую словоформу словосочетания. Ниже приведены аналогичные примеры.)

'Have you had a bad week or something? You look dreadful. You look about ninety. Anyway, guess what, darling,' she said, turning, holding the kettle, dropping her eyes modestly, then looking up, beaming like Bonnie Langford about to embark upon a tap-dancing routine [Fielding 2001: 81].

Kathleen Tynan would not, when late with a press release for Perpetua, lie fully dressed and terrified under the duvet, chain-smoking, glugging cold sake out of a beaker and putting on make-up as a hysterical displacement activity [Fielding 2001: 89].

'Well, coming round unannounced like this dressed as a rabbit disguised as

a bridesmaid and burrowing into all the rooms in a strange way. Not meaning to pry or anything, I just wondered if there was an explanation, that's all.' [Fielding 2001: 177]

Мы отмечаем также, что в настоящих примерах структурное преобразование модели глагольного словосочетания комбинируется с лексико-семантическим способом выражения экспрессивности. Одновременно с интенсивностью представлены созначения эмотивности, образности.

Структура «**переходный глагол** + (беспредложное / предложное) дополнение» становится экспрессивной при опущении дополнения. Синтаксическая валентность глагола в данных примерах остается нереализованной, благодаря чему в высказывании выражаются интенсивность и различные оттенки эмотивности (насмешка, сарказм, ирония), обусловленные контекстом. Лексическое значение глагола также способствует созданию экспрессии высказывания.

'You watch', warned Tom. 'He'll be gagging for it now. Gagging.' [Fielding 2001: 37]

Еще один способ экспрессивизации указанной модели — это чрезмерное распространение зависимой словоформы или ее усложнение синтаксически однородными словоформами / словосочетаниями. Ниже приводятся примеры, в которых дополнение при переходном глаголе представляет собой несколько простых словосочетаний, связанных сочинительной связью, или сложное словосочетание с подчинительной связью. Большое количество указаний на признаки действия или объекты дается говорящим не столько для достижения смысловой законченности высказывания, сколько в целях эмоционального воздействия на собеседника.

I shouldn't be sorry if I never saw another old-age pensioner again. I have decided that I cannot bear their slowness, their ill-fitting teeth and their mania for pickled vegetables [Townsend 2000: 39].

She shouted, 'Yes, he has, and he worships every wrinkle, bag and line! He

loves me to bits.' [Townsend 2000: 186]

Sink into morbid, cynical reflection on how much romantic heartbreak is to do with ego and miffed pride rather than actual loss, also incorporating subthought that reason for Fergy's insane overconfidence may be that Andrew still wants her back (until he marries someone else, harhar) [Fielding 2001: 191].

*As I stood before the ballot box, folding my voting paper into a small square, I tried to fully **realize the awesome significance of the moment** [Townsend 2000: 28].*

*I'm going to have lunch in London with him tomorrow, to **plan my career, my publicity, my writing ambitions, my financial planning, my divorce, my tax. My life** [Townsend 2000: 210].*

При выражении экспрессивности в модели «**непереходный глагол + предикатив**» происходит усложнение зависимой словоформы единицами со значением интенсивности.

*Spent the weekend struggling to **remain disdainfully buoyant** after the Daniel fuckwittage debacle [Fielding 2001: 37].*

*The last thing on earth I **feel physically, emotionally or mentally equipped** to do is drive to Una and Geoffrey Alconbury's New Year's Day Turkey Curry Buffet in Grafton Underwood [Fielding 2001: 8].*

Кроме того, мы обнаруживаем примеры словосочетаний с несколькими предикативами, которые вводятся в высказывание для эмоционального воздействия: обилие признаков и характеристик в высказывании прагматически мотивировано.

*'What I resent, though' — Natasha was **looking all sort of twitchy and distorted** as if she were in an Oxbridge debating society — 'is this, this sort of, arrogant individualism which imagines each new generation can somehow create the world afresh.' [Fielding 2001: 102]*

Структуры сложных глагольных словосочетаний при экспрессивном употреблении изменяются по аналогии с простыми: путем усечения необходимых для смысловой полноты элементов, путем чрезмерного

распространения зависимой словоформы или ее наращивания синтаксически однородными словоформами / словосочетаниями.

*I must have **heard** the hair rhapsody at least fifteen times in recent months [Heller, 2]. (Интенсификация и распространение зависимой словоформы словосочетания.)*

***Find** self constantly scanning face in mirror for wrinkles and frantically reading Hello!, checking out everyone's ages in desperate search for role models (Jane Seymour is forty-two!), fighting long-impacted fear that one day in your thirties you will suddenly, without warning, grow a bit fat crimplene dress, shopping bag, tight perm and face collapsing in manner of movie special-effect, and that will be it [Fielding 2001: 78]. (Ряд распространенных дополнений, интенсифицирующих высказывание.)*

Обобщим результаты анализа и укажем разновидности структурных преобразований английских (субстантивных и глагольных) словосочетаний при их экспрессивном употреблении:

- прагматически мотивированное семантическое распространение зависимой словоформы или ядра, наращивание зависимой словоформы при помощи других словоформ / словосочетаний, связанных друг с другом сочинительной связью (с целью создания переизбытка признаков и интенсификации высказывания);

- прагматически мотивированное опущение компонента словосочетания, необходимого для создания информативной полноты (дополнение при переходном глаголе), что приводит к реализации интенсивности, различных оттенков эмотивности в высказывании;

- отдельно выделяются случаи, когда при сохранении нейтральной синтаксической структуры меняется морфологическая или лексико-грамматическая комбинаторика компонентов словосочетания, и тем самым в высказывание привносятся различные оттенки эмотивности, образность, оценочность.

Наличие в составе словосочетания экспрессивных единиц

нижележащего языкового уровня. Экспликация категории экспрессивности на уровне словосочетания происходит и за счет единиц нижележащего языкового яруса, включенных в синтаксические отношения, — лексем, в коннотации которых выявляются варианты данной категориальной семантики. Например, в следующих словосочетаниях лексемы содержат в себе значение эмоциональной оценки:

*'I expect you're sick to death of us **old fuddy-duddies**.'* [Fielding 2001: 14]

*'You know Julie, darling, Mavis Enderby's daughter. Julie! The one that's got **that super-dooper job** at Arthur Andersen . . . '* [Fielding 2001: 8]

Образность наиболее ярко представлена в метафорических словосочетаниях:

*Sometimes you have to **sink to a nadir of toxic fat envelopment** in order to emerge, phoenix-like, from the chemical wasteland as a purged and beautiful Michelle Pfeiffer figure* [Fielding 2001: 18].

*'But I thought you were a Buddhist,' I continued, **digging another conversational grave*** [Townsend 2000: 17].

*I leaped to the sink, grabbed a dishcloth and wiped myself down, but the cloth **had obviously been harbouring another, worse stain** among its folds — orange juice, possibly — and this stain transferred itself to the Coco Pops stain* [Townsend 2000:19].

*As Mabel staggered down the drive of the comprehensive, I tried to **brainwash her into changing** her political affiliation* [Townsend 2000: 35].

Примерами лексической реализации эмотивности и интенсивности на уровне словосочетания могут служить следующие высказывания:

*I was glad that Bert died in a stair-lift accident the day before his 106th birthday. I couldn't have gone through **another grisly birthday party*** [Townsend 2000: 38].

*Waited in **frenzy of excitement** for reply* [Fielding 2001: 23].

*'Mum, I'm not going to Color Me Beautiful,' I **hissed, desperately*** [Fielding 2001: 130].

Стилистико-прагматическая уместность словосочетания в речи.

Экспрессивное значение выражается при употреблении в высказывании словосочетаний, которые относятся к текстам другого функционального стиля. В этом случае актуализируется окказиональная (или приобретенная) экспрессивность. Например, следующие словосочетания имеют высокую степень клишированности и являются нейтральными в научном и юридическом дискурсе, однако их наличие в бытовых диалогах или описании повседневности служит приемом, обнаруживающим ироническое отношение повествователя к событиям и их участникам:

*At this Sharon practically spat into the shaved Parmesan and said that it was inhuman to leave a woman hanging in the air and **an appalling breach of confidence** and I should tell him what I think of him [Fielding 2001: 207].*

Будучи стилистическим вкраплением, словосочетание может одновременно представлять собой какой-либо троп (метафору, сравнение и др.):

*There we were, just him and me, caught in **a massive electrical-charge field**, pulled together irresistibly, like **a pair of magnets** [Fielding 2001: 58].*

Следует подчеркнуть то, что обозначенные нами три способа репрезентации категории экспрессивности словосочетанием (способ структурного преобразования, лексико-семантический способ и стилистико-прагматические вкрапления) часто дополняют друг друга, при этом в высказывании передаются богатые эмоционально-чувственные оттенки, происходит акцентирование субъективных смыслов.

Количественная оценка выявленных экспрессивных средств (798) и анализ реализованных в речи вариантов экспрессивного значения позволяют сделать следующие выводы:

1. Наиболее частотным на уровне словосочетания является комплекс признаков «эмотивность / интенсивность», который в качестве сопровождающего номинативное (предметно-логическое) значение обнаруживается в 95% отобранных высказываний.

Экспрессивное значение способно функционально доминировать над предметно-логической семантикой (5 % отобранных словосочетаний). К примеру, следующее словосочетание используется в высказывании для эмоционального воздействия (эмоционально-оценочное обращение к собеседнику), а не в целях номинации. Номинативное и синтаксическое значения словосочетания в данном лингвистическом и коммуникативном контексте становятся избыточными и частично «затухают», а экспрессивное — актуализуется.

'Effing is not swearing, you sad bastard,' she said [Townsend 2000: 23].

Признаки «эмотивность / интенсивность» отражают в языке и речи качественно-количественные параметры психического явления эмоциональности: наличие эмоции говорящего, ее характер и степень силы, выраженности в высказывании. Интенсивность эмоционального переживания привносится в высказывание преимущественно за счет структурного аспекта словосочетания (преобразования базовой модели), а также за счет лексико-грамматических средств-интенсификаторов, которые функционируют в составе словосочетания. В пределах одной синтаксической единицы интенсивность может быть представлена как одновременно с эмотивностью, так и отдельно. В последнем случае имеет место имплицитная эмотивность (наличие эмоции говорящего подразумевается коммуникативным контекстом).

Значение эмотивности на уровне словосочетания передается единицами нижележащего языкового яруса — лексическими средствами и их стилистическим использованием (тропы), при нарушении морфологических и лексико-грамматических ограничений на сочетаемость компонентов синтагмы (опущение облигаторного компонента словосочетания; комбинирование слов, лексико-грамматические характеристики которых препятствуют их сочетаемости), при употреблении словосочетаний в виде стилистико-прагматических вкраплений (нейтральные клишированные словосочетания появляются в несвойственном им жанрово-стилистическом и

прагматическом контексте).

2. Значения эмоциональной оценки и образности пересекаются с эмотивностью / интенсивностью, уточняют характер эмоции говорящего, его отношение к собеседнику или к предмету речи, увеличивают воздействующую силу языковой единицы в высказывании. В зависимости от коммуникативных интенций говорящего в рамках словосочетания возможна реализация всех указанных вариантов семантики экспрессивности (за счет лексики). Тип эмоции и ее количественный аспект проявляются в речи благодаря ключевым для категории экспрессивности созначениям — «эмотивность» и «интенсивность».

3. Место категории экспрессивности в иерархии значений, реализуемых словосочетанием в тексте, дает основание отнести эту единицу к ближней периферии нашего поля. По отношению к синтаксической и номинативной семантике словосочетания его экспрессивное значение является сопутствующим.

3.3. Экспрессивные синтаксические средства английского языка: уровень предложения

Категория экспрессивности раскрывается в коммуникативном акте на уровне предложения. В синтаксической теории неоднократно предпринимались попытки выстроить классификацию предложений по принципу эмоционально-экспрессивной отмеченности. Например, В. Г. Адмони, затрагивая проблему типологии предложения, указывает аспект эмоциональности: «Формы его [аспекта эмоциональности] выявления — прежде всего интонация и порядок слов, а также специализированные слова (междометия). <...> Различение типов здесь удастся провести лишь суммарно, противопоставляя друг другу эмоционально нейтральные и эмоционально повышенные предложения» [Адмони 1968: 234].

Именно предложение является сферой функциональной реализации единиц нижележащих языковых уровней и концентрирует в себе их эмоциональный «заряд». Несмотря на то, что в предложении прослеживается аккумуляция значений его компонентов, экспрессивность этой синтаксической единицы не сводится к сумме «не-нейтральных» актуализаций языковых средств. Для выявления источников и механизмов экспрессивности предложения как самостоятельной языковой и речевой единицы мы проанализировали в аспекте эмоционального воздействия структурно-семантические характеристики и функционирование традиционно выделяемых коммуникативных типов предложений. Каковы варианты экспрессивного значения, выражающиеся на данном синтаксическом уровне? Какое место занимают предложения нефразеологизированного типа с функциональной семантикой экспрессивности в рамках ФСПЭ?

3.3.1. Экспрессивный потенциал восклицательного предложения

Наряду с морфологическими и лексическими экспрессивными единицами в языковой системе существует коммуникативный тип предложения, предполагающий целенаправленное выражение в речи коммуникативно и социально значимого свойства человека — эмоциональности. Таким типом является восклицательное предложение [Акимова 1992; Беляева 1992; Беседина 1995; Биренбаум 1977; Зотова 2007; Паничева 2004]. В источниках выявлено и проанализировано 352 случая употребления восклицательных предложений. Из нашего поля зрения были исключены коммуникативные клише, формулы вежливости, составляющие сферу речевого этикета, по причине того, что зачастую они не обладают категориальным признаком восклицательности и употребляются с соответствующим пунктуационным знаком «!» на письме по сложившейся традиции (на этот факт указывают [Беседина 1995; Иванова 1981]).

Одним из основных средств создания экспрессии в восклицательном предложении является восклицательная интонация, передающая разнообразные эмоции в речи. Это явление затрагивается в диссертационных исследованиях А. М. Антиповой [Антипова 1965], Г. Г. Егорова [Егоров 1964]. Н. А. Беседина вслед за учеными выделяет отличительные признаки восклицательной интонации английского языка: «...Смещение высотного уровня, как правило, вверх от среднего уровня, сложный характер мелодии, наличие эмоционально-волевого тембра, увеличение интенсивности, времени звучания, расширенный диапазон, децентрализованное ударение — все знаменательные слова в предложении выделяются в равной степени совокупностью мелодического движения, интенсивности и времени» [Беседина 1995: 53].

Приведем примеры интонационного выражения эмоций (радость, удивление, досада, гнев и др.). Воздействие восклицательных высказываний в ситуациях ниже обусловлено тем, что эмоциональное реагирование

говорящего направленно на эмоционально-волевую сферу адресата и призвано не столько информировать собеседника о ситуации, сколько изменить его эмоциональное состояние, оценку ситуации, отношение к участникам коммуникации или предмету речи.

Apparently, Tina Brown of The New Yorker is brilliant at dealing with parties, gliding prettily from group to group, saying, 'Martin Aims! Nelson Mandela! Richard Gere!' in a tone which at once suggests, 'My God, I have never been more enchanted to see anyone in my entire life! Have you met the most dazzling person at the party apart from you? [Fielding 2001: 96].

'Oy, Bridget,' he shouted. 'There's water pouring through my ceiling.'
'Shit! The bath!' [Fielding 2001: 110]

'You. You must be Bridget!' he shouted impatiently [Fielding 2001: 198].

Основная семантическая функция восклицательного предложения — это выражение эмоций говорящего и эмоциональной оценки ситуации. Подобная функциональная специфика влияет на семантическую и формальную организацию синтаксической единицы. На первый план говорящим выносятся не пропозитивное значение предложения, а субъективное: комплекс категорий эмотивности, оценочности, субъективной модальности, интенсивности.

'Bridget! Happy New Year! said Geoffrey Alconbury, clad in a yellow diamond-patterned sweater. He did a jokey Bruce Forsyth step then gave me the sort of hug which Boots would send straight to the police station.

'Hahumph,' he said, going red in the face and pulling his trousers up by the waistband. 'Which junction did you come off at?'

'Junction nineteen, but there was a diversion.'

'Junction nineteen! Una, she came off at Junction nineteen! You've added an hour to your journey before you even started. Come on, let's get you a drink. How's your love-life, anyway?' [Fielding 2001: 11] (Эмотивность — «удивление», «насмешка»; оценочность — «неприемлемо»; интенсификация высказывания посредством синтаксического повтора)

As I was loading the washing-machine tonight, I found a note in the pocket of William's anorak; it was dated Thursday December 3rd.

Dear Parent, Guardian/Primary Carer

Your son/daughter has been allocated a part in the Kidsplay Nativity enactment. He/she will require a costume for the following character: goat. The performance will begin at 4 p.m. sharp on Tuesday December 16th.

Yours sincerely,

Mrs Parvez

Tomorrow!

*I was outraged. **William is to play a lowly goat!** Mrs Parvez obviously still bears a grudge over the farm visit incident [Townsend 2000: 275]. (Эмотивность — «гнев», «оскорбление»; оценочность — «плохо», «неприемлемо»; субъективная модальность — долженствование; интенсификация высказывания при помощи односоставной конструкции 'Tomorrow!')*

Наиболее частотными вариантами экспрессивного значения, одновременно актуализируемыми в речи восклицательным предложением, являются эмотивность (все отобранные примеры обнаружили категориальный признак эмотивности), ядерная зона экспрессивности, и оценочность (83 % примеров). Оттенки эмотивности и оценочности выражаются в высказывании не только при помощи восклицательной интонации, но и посредством квалификативной лексики в составе восклицательного предложения:

***We had a super holiday, actually!** The weather was very mixed, but... ' [Fielding 2001: 281]*

*I remember seeing a photograph of Prince William on his first day at Eton. **The poor kid was wearing a green sports jacket!** The last time I saw a green sports jacket it was hanging on a rail in a Cancer Research charity shop [Townsend 2000: 172].*

*Brick himself rang back fifteen minutes later. 'I lurve that show,' he boomed. 'I practically peed my pants when that sheep's testicle fell out of the wok. **Adrian, you — are — so — funnee!**' [Townsend 2000: 210]*

***Oh, joy! Oh, precious rapture!** A letter has arrived from the BBC!*
[Townsend 2000: 150]

'Barbara,' Pabbem leaned forward in his chair and smiled, tightly, 'please do as I ask.'

***Odious little man!** I crossed my legs and bent my head to read [Heller 2009: 59].*

'You're pregnant,' I interrupted.

Sue's fat face fell. 'How did you know?'

*'You are?' Sheba said. '**Oh that's wonderful news, Sue!**' [Heller 2009: 89]*

Употребление междометий и междометных конструкций в восклицательном предложении усиливают интонационные средства выражения эмотивности и конкретизируют разновидность передаваемого в речи эмоционального переживания:

'I think maybe I'm just a bit hot,' I said, watching Daniel carefully. 'I think maybe I'll go and sit on the roof for a while.'

***'For God's sake, will you sit still for two minutes!'** he yelled, moving to bar my path, but I was too quick for him. I dodged past, opened the door, ran up the stairs and opened the hatch out into the sunlight [Fielding 2001: 177].*

В английском языке существуют структурные модели восклицательного предложения, выражающие эмотивность и одновременно привносящие признак «интенсивность» в высказывание (односоставные номинативные N!, адъективные Adj!, адвербиальные Adv!, инфинитивные и причастные конструкции To V!, V3!, Ving!, частный случай односоставных конструкций с операторами what, how).

*In the end, though, it's not the carelessness or even the cheerful mendacity of the reporting that astounds, so much as the sanctimony. **Good Lord, the***

unrelenting sanctimony! *I understood, when all this came out, that there was going to be a fuss [Heller 2009: 5].* (модель N!)

I was late for Pabblem, of course. When I walked into his office he was kneeling on his special backless, ergonomic chair, emanating a prissy sort of dissatisfaction. ‘At last!’ he cried when he saw me [Heller 2009: 55]. (модель Adv!)

*Listen, Harvey, I’m in the middle of something très, trèsordinaire, but can I call you back? Where are you? New York. **Great! Great! Great! Great! Absolutely!*** [Townsend 2000: 104] (модели Adj! Adv!)

*Eleanor said, ‘Why have you stopped gazing at my wrists?’ She then told me, in a choked-up voice, that she’d waited outside my house all night and witnessed Pandora leaving at 6.20 a.m. What could I say, dear Diary? **Caught in the act!*** [Townsend 2000: 386] (модель V3!)

*‘Where do you keep your soup ladles?’ she said, banging cupboard doors. ‘Honestly, darling. **What a mess!** Now. Have a look through these bags while I heat up the soup.’ [Fielding 2001: 191]* (модель What N!)

‘I must say,’ said Natasha, with a knowing smile, ‘I always feel with the Classics people should be made to prove they’ve read the book before they’re allowed to watch the television version.’

*‘Oh, I quite agree,’ said Perpetua, emitting further gales of laughter. ‘**What a marvelous idea!**’ I could see her mentally fitting Mark Darcy and Natasha in with an array of Poohs and Piggies round the dinner table [Fielding 2001: 101].* (модель What N!)

*The waiter arrived now with my and Sheba’s soup. ‘**How scrummy!**’ Sheba exclaimed, tasting hers [Heller 2009: 65].* (модель How adj!)

67% проанализированных восклицательных предложений проявляют признак «интенсивность» в речевом употреблении. Помимо указанных выше моделей, интенсификация восклицательного высказывания происходит посредством синтаксического параллелизма.

*'In years ahead the same will come to pass with feminism. **There won't be any men leaving their families and postmenopausal wives for young mistresses, or trying to chat women up by showing off in a patronizing way about all the other women throwing themselves at them, or trying to have sex with women without any niceness or commitment, because the young mistresses and women will just turn around and tell them to sod off and men won't get any sex or any women unless they learn how to behave properly instead of cluttering up the seabed of women with their SHITTY, SMUG, SELF-INDULGENT, BEHAVIOR!**'*
[Fielding 2001: 127]

В восклицательных предложениях также возможна ситуация, когда средства выражения модальности приобретают экспрессивную функцию (7,3% примеров). В примерах ниже представлены формы с модальными значениями возможности, способности, необходимости, долженствования, (модальные слова, модальные глаголы), которые в контексте окрашены эмотивно, интенсифицируются и приобретают воздействующую силу.

'Turn it off!' somebody yelled from an upstairs window.

*'**I bloody well can't!**' shrieked Magda, tugging at the car hood.*

'Jerrers!' she yelled into the portable phone. 'Jerrers, you fucking adulterous bastard! How do you open the hood on the Saab!' [Fielding 2001: 109]

*'You. **You must be Bridget!**' he shouted impatiently. 'How does a man with a beautiful girlfriend manage to sleep with a prostitute, get found out and get away with it?' [Fielding 2001: 198]*

*Cavendish was heard to shout, '**I'm Pandora Braithwaite's partner! I should be on the stage next to her, you bloody Fascists!**' before he was bundled through the fire doors and out into the yard, to join the wheelie bins and broken office furniture [Townsend 2000: 57].*

My mother is not pleased, but it's my family home and I am entitled to live there. My mother said that in her opinion, at thirty, entitlement didn't come into it. I pointed out to her that, in English law, there was no statute of limitations when it

comes to returning home to live. She said, **'Perhaps not, but there should be!'**
[Townsend 2000: 165]

She smiled a little wanly. 'Not really. I took a foundation course at St Martin's. But then I met Richard — he was one of my lecturers — and we got married.'

'Oh! You must have been so young!'[Heller 2009: 108]

Семантические признаки эмотивности, оценки и интенсивности часто сопровождают многокомпонентное по своей структуре модальное значение оптативности (желательности). Восклицательные предложения с функциональными маркерами оптативности *if, if not* проявляют тенденцию к совместной речевой реализации данных семантических категорий.

*I'm co-dependent. I asked for too much to satisfy my own neediness rather than need. **Oh, if only I could turn back the clock!**'* [Fielding 2001: 19]

Признаком восклицательности могут быть отмечены также простые предложения с полной грамматической основой и сложные предложения. В этом случае наблюдается взаимодействие пропозитивной и экспрессивной функций: в примерах выявляется соотнесенность высказывания с определенной ситуацией в действительности, однако повышенная функциональная нагрузка приходится не на логико-предметное значение предложения (пропозитивное значение), а на его субъективную интерпретацию — эмоционально-оценочное значение и его воздействующую силу в конкретной коммуникативной ситуации.

*There is a drug on the market (not Leicester market) called Viagra. It gives a man an hour-long erection. **My father is already in a state of ecstasy at the prospect! He has persuaded Tania to withdraw some of her pension-plan money and buy two return tickets to New York to track down a supplier! More 1950s baby-boomer madness!*** [Townsend 2000: 375]

At the end she burst out laughing! And said, 'Your life is a situation comedy! You're over thirty, you're living at home with your mother, you're

frightened of women — you're a Ronnie Corbett for the nineties! [Townsend 2000: 296]

THIS IS NOT HOW I EXPECTED MY LIFE TO PAN OUT! I AM TOO YOUNG TO BE BRINGING UP TWO BOYS! AND ANYWAY I ONLY EVER WANTED ONE CHILD, A DAUGHTER. SHE WAS TO BE CALLED LIBERTY AND PANDORA BRAITHWAITE WAS TO HAVE BEEN HER MOTHER! [Townsend 2000: 324]

Функциональная семантика экспрессивности обуславливается коммуникативным заданием восклицательного высказывания. Мы приходим к тому, что восклицательное предложение английского языка является системным и, соответственно, ядерным экспрессивным синтаксическим средством, регулярно используемым в речи в данной функции и наиболее полно репрезентирующим сектор эмотивности на уровне предложения в рамках ФСПЭ, а также совмещающим в себе семантические признаки секторов «интенсивность» и «оценочность».

3.3.2. Экспрессивный потенциал императивного предложения

Императив [Бархударов 1966; Беляева 1992; Штелинг 1982] признается самостоятельным коммуникативным типом предложения в языке, выражающим категориальное значение побуждения, которое часто сопровождается в речи экспрессией и обнаруживает воздейственный потенциал (обнаружено 206 императивных предложений-высказываний). Приведем примеры экспрессивных императивов и одновременно прокомментируем их структурные модели.

Наибольшую частотность употребления в эмоциональных ситуациях обнаруживают следующие глагольные побудительные предложения, в которых глагол используется в форме императивного наклонения (инфинитив-основа V).

Побуждение к действию направлено ко 2-му лицу (собеседнику), односоставные предложения:

'Who was that?' she asked Connolly.

'Just the brother of my sister's mate,' he answered.

'Still,' Sheba said, 'you should probably have something prepared. Just in case he asks you who I was. Don't you think?'

*'**Don't worry about it,**' Connolly muttered — slightly irritably, she thought [Heller 2009: 146].*

'What were you screaming at me about?' Polly asked.

'I wasn't screaming, darling,' Sheba said. 'I was just asking you to lay the table. Dad is going to be back soon.'

'Ew,' Polly said, pointing at the steaks. 'Is that what we're eating tonight?'

*'I haven't decided yet,' Sheba said. '**Come on, Polly. Be a love and lay the table.'***

'Not now. After the cartoons are over,' Polly said [Heller 2009: 154].

Побуждение к действию направлено ко 2-му лицу (собеседнику), двусоставные предложения с местоимением you в роли подлежащего:

*The front door was still open and in the entrance hall a short blonde woman in a thick coat and woolly hat was standing, wagging her finger at Richard. '**Don't you talk to me like that,**' Sheba heard her say. 'I've got proof. It's your wife that's the liar.' [Heller 2009: 225]*

*There was a brief struggle in the course of which Richard's spectacles fell to the floor and Mrs Connolly's hat came askew. '**Don't... you... touch... me!**' she screeched at Richard. For a moment, the three of them — Sheba, Richard and Mrs Connolly in her tipsy hat — stood still [Heller 2009: 226].*

*At some point she actually turned to me and declared, in the halting, exultant manner of a person who was just then minting a delicious epigram, '**You wait — when the bus finally comes, there'll be five of them right behind it.'** [Heller 2009: 34]*

Побуждение к действию опосредованно (через 2-ое лицо) направлено к 3-му лицу:

Let + субъект действия (местоимение или существительное) в объектном падеже + инфинитив-основа (V).

*The boy and the girl turned and began to walk down the street towards where she was standing. Sheba scurried on. 'Oh Jesus, oh Jesus,' she remembers moaning to herself, as she broke into a trot. **'Please God, don't let him be in love with someone else.'** [Heller 2009: 220]*

Побуждение обращено к 1-му лицу, является приглашением собеседника к совместному действию или выражением желания говорящего выполнить действие самостоятельно:

Let + us / me + инфинитив-основа (V).

*He laughed, mirthlessly. **'Come on, Barbara, let's not be childish. I'm giving you a chance to improve on your first effort.'** He got up from his chair and walked to the door [Heller 2009: 60].*

*When she spoke again, her voice was low and menacing. 'You have such delusions of grandeur, don't you? It's fascinating. You actually think you're somebody. **Listen. Let me tell you something.** You're nothing. A bitter old virgin from Eastbourne. You aren't fit to shine Richard's shoes.'* [Heller 2009: 237]

Менее частотны безглагольные побудительные предложения, но их эмоциональное воздействие в речевой ситуации выше. Побуждение приобретает оттенок необходимости сиюминутного выполнения действия, сопровождается различными вариантами эмотивности (как правило, это кластер отрицательных эмоций — гнев, отчаяние, раздражение, досада) и интенсивностью, приобретает разговорную окраску.

***'No more!'** Richard roared. He took hold of Mrs Connolly's shoulders. There was scuffling and shouting. Sheba stood clutching the hall table, sobbing. She recalls, with some amazement, seeing Richard clasp Mrs Connolly from behind and attempt to carry her, in an awkward bear-hug, to the door. Mrs*

Connolly's crêpe-soled winter boots dragged on the hall carpet like a corpse's [Heller 2009: 227].

Mrs Connolly didn't reply. Sheba thought for a moment that she had put the phone down. But then she heard her shouting, 'Steven! The phone!' [Heller 2009: 219]

В речевом употреблении императивного предложения обнаруживается устойчивое присутствие экспрессивных со-значений «эмотивность» и «интенсивность», которые мы квалифицируем как второстепенные относительно системно-языкового значения императива «побуждение». В большинстве выявленных примеров эмотивность императивного предложения не имеет формальных средств выражения, за исключением соответствующего интонационного оформления высказывания, и выводится из анализа речевой ситуации. В прагматических исследованиях императивные предложения выделяются в отдельный тип речевых актов на основе особой коммуникативной интенции говорящего и предполагаемой реакции адресата — директив. Например, директив-приказ, -просьба, -уговор, -мольба всегда сопровождаются богатой палитрой эмоций, эксплицированных интонационными моделями:

*'All right! **Just shut up!**' he shouted. 'Shut up, will you?' He stepped towards me. I could see the beadlets of sweat on his nose. 'Sheba likes me,' he said quietly. 'I know she does.' [Heller 2009: 192]* (приказ; эмоция — гнев, ярость)

A few moments later, we heard him angrily telling Polly to turn the television off.

*'**Stir your stumps, Polly!**'*

Then came Polly's high-pitched retort: 'Why am I the fucking Kunta Kinte around here?' [Heller 2009: 157] (приказ; эмоция — злость)

*'Okay!' Sheba interrupted. 'Okay!' She raised her hands in a gesture of surrender. 'I'll take her. I'll take her. **Only no more shouting. Please, let's just go.**' [Heller 2009: 131]* (уговор; эмоция — волнение, испуг)

Sheba made a dismissive gesture with her hand. 'Please don't lecture me, Barbara. It won't do any good. Being in love is a condition, isn't it? It's like being depressed. Or like being in a cult. You're basically under water — people can talk to you about life on dry land, but it doesn't really mean anything...' [Heller 2009: 161] (просьба; эмоция — раздражение)

'Poor Barbara,' Sheba said. 'How awful.' She came over and crouched down in front of me. 'It'll be okay,' she said, patting my knee.

After a bit, she got up and pulled up a chair to sit next to me. 'Please don't cry. The vet will make her better.' The effort at consolation was so cursory — so silly — that I was briefly enraged. I took a tissue from my sleeve and dabbed slowly at my eyes [Heller 2009: 175]. (уговор; эмоция - жалость)

Структурным средством экспликации эмотивности в императивном предложении служит расчлененный вопрос (question tag), который привносит оттенок доброжелательности в высказывание. Категориальное значение вопросительности в подобном контексте не представлено, а сама конструкция расчлененного вопроса в рамках императивного предложения становится функциональным маркером просьбы:

Pass me one of those mini-pizzas, will you? [Fielding 2001: 125]

Get us a Twix and a Lion Bar, will you? [Fielding 2001: 242]

Значение интенсивности выражается в императивном высказывании при помощи механизмов, затрагивающих его структурные характеристики и морфолого-функциональные аспекты. Структурная интенсификация императивного предложения происходит при использовании вводных конструкций. Обороты look (here), listen (to me) в сочетании с обращениями, с одной стороны, выполняют апеллятивную функцию, привлекают внимание адресата, с другой стороны, интенсифицируют высказывание.

When she spoke again, her voice was low and menacing. 'You have such delusions of grandeur, don't you? It's fascinating. You actually think you're somebody. Listen. Let me tell you something. You're nothing. A bitter old virgin from Eastbourne. You aren't fit to shine Richard's shoes.' [Heller 2009: 237]

'What are you talking about love for?' I said. 'Don't be a bloody idiot.'

'Why are you talking like that?'

'I'm trying to help you.'

'No, I mean the swearing. You never swear.'

'Look, Sheba, please. Don't start saying you love him. This isn't love.'

[Heller 2009: 161]

Неполнота грамматической основы императивного предложения является нормой, в связи с этим включение в его состав подлежащего 2-го лица you является средством интенсификации и выражения эмотивности. Одновременно с экспрессивизацией высказывания местоимение you привносит разговорную стилистическую окраску в высказывание.

I said to my mother, 'You've got to go home, William's roaming the house and Dad's asleep or dead!'

'He's your kid, and it's your father,' said my mother, belligerently. 'You go home. I'm staying for the celebrations.' [Townsend 2000: 60]

При употреблении морфологического интенсификатора — глагола do — побуждение приобретает оттенок категоричности, настойчивости. Интенсифицируется все высказывание:

'Please. Sit down,' Lila said. 'There's coffee on the stove. I'll just go and check on Ben and Polly. Do call if you need me.' [Heller 2009: 130]

Выражение эмотивности и интенсивности в побудительном предложении происходит при замене грамматической формы глагола в императивном наклонении на видовременные формы индикатива, например: побуждение с глаголом в форме индикатива Future Simple, которое оформляется нисходящим тоном, обычно передает негативные эмоции и отношение говорящего:

Will whoever has thoughtlessly removed the edited script of KAFKA'S MOTORBIKE from my desk PLEASE have the decency to return it immediately [Fielding 2001: 23].

'Look, will you shut up?'

'You don't know what's going on in Bosnia either.'

'I do.'

'You don't.' [Fielding 2001: 158]

'For God's sake, will you sit still for two minutes!' he yelled, moving to bar my path, but I was too quick for him [Fielding 2001: 177].

Оценка в структуре императивного высказывания представлена лексическими средствами. В состоянии крайней аффектированности говорящий может задействовать эмоционально-оценочную лексику для выражения собственного отношения к собеседнику или объекту действия, которая обычно занимает непредикативные позиции (наиболее типична позиция объекта действия и его атрибута).

Императивное предложение английского языка можно признать «неспециальным / неспецифическим» экспрессивным синтаксическим средством, первостепенные семантические функции данной синтаксической единицы составляют побуждение и волеизъявление. Функциональная семантика экспрессивности (эмотивность, интенсивность) является сопровождающей для императива и объективируется с заметной регулярностью в таких прагматических его актуализациях, как категорический приказ, просьба, уговор, мольба. Справедливо заключить, что императивные предложения английского языка конституируют периферийную зону ФСПЭ и располагаются в области ослабления семантики эмотивности / интенсивности.

3.3.3. Экспрессивный потенциал повествовательного и вопросительного предложений

Категория экспрессивности выражается также в речевом употреблении повествовательного и вопросительного предложений английского языка. Грамматические (грамматико-стилистические) механизмы экспликации

экспрессивных со-значений в рамках указанных средств относятся преимущественно к сфере отступления от синтаксических норм или к использованию данных коммуникативных типов предложений в их вторичных функциях (экспрессивная функциональная транспозиция). Далее следует описание синтаксического сектора экспрессивных средств английского языка, которые формально репрезентируют периферию предлагаемого ФСПЭ. Периферийное положение данного сектора обусловлено тем, что представленные повествовательные и вопросительные предложения в полной мере не утрачивают своих категориальных (основных) значений при экспрессивизации, не являются фразеологическими единствами, реализуют свой системно-языковой функциональный потенциал, а экспрессивность данных синтаксических единиц получает статус приобретенной, речевой, сопутствующей. В рамках выделенного сектора мы объединяем на функциональной основе синтаксические явления, исследуемые нормативной грамматикой (например, вводные конструкции с экспрессивной функцией, расчлененный вопрос, расщепление синтаксической конструкции предложения, экспрессивный вариант тематической организации предложения и др.) и грамматической стилистикой (синтаксические фигуры речи). В связи с последним аспектом отметим, что мы не стремимся дать исчерпывающее описание существующих в английском языке и речи риторических приемов, выявить их системность и весь спектр функционально-прагматических значений. Эти проблемы в известной мере изучены современной англистикой и составляют круг интересов ряда авторов [Арнольд 2006; Гальперин 1958; Кухаренко 1973; Лапшина 2013; Раевская 1973; Скребнев 2003; Снегирева 1977]. Риторические приемы, базирующиеся на грамматическом материале, также глубоко исследованы и систематизированы в отечественном языкознании [Ефимов 1961; Кожина 2008; Копнина 2012; Москвин 2004; Пекарская 2001; Сквородников 1981; Хазагеров 1987]. Синтаксические фигуры наравне с другими конструкциями рассматриваются нами как примеры речевой

реализации категории экспрессивности на уровне предложения-высказывания, в которых задействованы грамматические механизмы экспликации экспрессивных со-значений и которые составляют важную часть межуровневого единства «не нейтральных» средств английского языка. Круг отобранных и проанализированных на предмет экспрессивности фигур целенаправленно ограничивался нами объектами, выделяемыми в рамках традиционной стилистики английского языка.

Описываемый сектор формально организуется в зависимости от способа выражения экспрессивных значений в предложении: структурный способ, тема-рематический способ, функциональная транспозиция. Всего выявлено и проанализировано 270 контекстов речевой реализации конститuentов сектора.

3.3.3.1. Речевые изменения структуры предложения в экспрессивных целях

Синтаксическая компрессия

Типичным случаем экспрессивного изменения структуры предложения является синтаксическая компрессия — прагматически мотивированное опущение части синтаксической конструкции, на котором основывается ряд явлений нормативного синтаксиса, синтаксических построений разговорной речи, синтаксических фигур речи.

Частным проявлением синтаксической компрессии считаются **эллиптические предложения английского языка**. Двусоставность английского предложения является нормой, фиксируемой традиционными описательными грамматиками [Бархударов 1966; Иванова 1981; Смирницкий 1957]. «...Всякое предложение характеризуется, прежде всего, наличием подлежащно-сказуемостной структуры... Всякое кажущееся отклонение от этой структуры следует объяснять как явление эллипса, т. е. «опущения» или «подразумевания» тех или иных элементов структуры предложения» [Бархударов 1966: 177].

Односоставные повествовательные предложения английского языка образуются путем опущения грамматического подлежащего или сказуемого предложений с полной предикативной основой и являются их экспрессивными трансформами. Например, в приведенном ниже высказывании при опущении грамматического подлежащего часть семантической схемы предложения уходит в импликацию, а именно — семантический субъект, но он легко восстанавливается в конситуации. Можно сделать вывод, что семантическая структура односоставного повествовательного предложения английского языка синонимична двусоставному: семантическому субъекту предидируется определенный признак (например, «невозможность ментального действия» в высказывании ниже).

First day of New Year has been day of horror. Cannot quite believe I am once again starting the year in a single bed in my parents' house [Fielding 2001: 10]. Ср.: I cannot quite believe...

Односоставное предложение сохраняет объективно-модальное значение двусоставного: настоящее время, индикативное наклонение — и субъективно-модальное значение — невозможность действия. Также сохранены коммуникативный тип и функции двусоставного предложения — повествовательное, информирование собеседника о ситуации. Односоставные эллиптические повествовательные предложения, будучи синонимичными грамматически полным структурам, приобретают дополнительные значения эмотивности, интенсивности и маркируются разговорной стилистической окраской.

Hate the New Year. Hate everyone. Except Daniel Cleaver. Anyway, have got giant tray-sized bar of Cadbury's Dairy Milk left over from Christmas on dressing table, also amusing joke gin and tonic miniature. Am going to consume them and have fag [Fielding 2001: 17].

State of emergency. Jude just rang up from her portable phone in flood of tears... [Fielding 2001: 19]

Hah! Undeniably flirtatious [Fielding 2001: 23].

*Noon. Oh God. Daniel has not replied. **Must be furious.** Maybe he was being serious about the skirt. Oh God oh God. **Have been seduced by informality of messaging medium into being impertinent to boss** [Fielding 2001: 23].*

***Brief moment of wild joy** when discovered bunch of roses in the hallway [Fielding 2001: 50].*

Вопросительные предложения сходным образом могут употребляться в речи в виде эллиптической односоставной или эллиптической двусоставной конструкции, выполняющей экспрессивную функцию (эмотивность, интенсивность). Наиболее частотный тип односоставных вопросов — стяжения общих вопросов до сказуемого с вопросительной интонацией:

*Oh God. Why can't married people understand that this is no longer a polite question to ask? We wouldn't rush up to them and roar, 'How's your marriage going? **Still having sex?**' [Fielding 2001: 11]*

Богатство эмотивных оттенков и высокую степень интенсивности проявляют в диалогическом единстве эллиптические вопросы-повторы. Формально они представляют собой повтор какой-либо единицы или сочетания единиц предыдущего высказывания с вопросительной интонацией и эмоциональным зарядом (например, повышение высоты основного тона, использование особого тембрального окраса голоса и др.). Приведем примеры:

'Sorry. I got lost.'

***Lost?** Durr! What are we going to do with you? Come on in!' [Fielding 2001: 10]*

Нейтральный неэллиптический вариант «*Did you get lost?*» — это общий вопрос, ориентированный на получение информации о реальности ситуации в действительности и реализующий в речи категориальное значение вопросительности, которое было бы неуместно в данном высказывании. Вопрос-повтор *Lost?*, в свою очередь, имеет ослабленное значение вопросительности, выражает эмоциональный отклик собеседника на полученное сообщение (в данном примере это недовольство) и поэтому не является функциональным эквивалентом неэллиптического вопроса.

Лаконичность формы вопроса интенсифицирует высказывание, а интонация эксплицирует вид переживаемой эмоции.

Аналогично функционируют эллиптические вопросы-эмоциональные реакции:

Have you read any good books lately?' he said. Oh, for God's sake.

'Backlash, actually, by Susan Faludi,' I said triumphantly. 'Ah. Really?' he said. 'I read that when it first came out.' [Fielding 2001: 14].

Ah. Really? ≠ Have you really read that book?

Весьма распространенной в речи экспрессивной конструкцией, основанной на приеме эллипса, является расчлененный вопрос (question tag). Это структура представляет собой повествовательное (утвердительное / отрицательное) предложение, дополненное эллиптической вопросительной конструкцией, противопоставленной ему по признаку утвердительности / отрицательности. Значение расчлененного вопроса можно описать как «запрос подтверждения собеседником информации, содержащейся в повествовательной части предложения». Используя расчлененный вопрос, говорящий выражает высокую степень уверенности в достоверности какой-либо ситуации в действительности.

'No, no,' she said airily. 'I've got everything I need. Now, darling,' she suddenly hissed, 'you will be coming to Geoffrey and Una's New Year's Day Turkey Curry Buffet this year, won't you?' [Fielding 2001: 9]

Эта конструкция имеет высокую частотность в разговорной диалогической речи и в сравнении с положительными / отрицательными вопросами проявляет признак «интенсивность». Джон Иствуд отмечает экспрессивный характер и разговорную окраску расчлененного вопроса в связке с императивными предложениями: Imperative + Question Tag (will you? / won't you? / would you? / can you? / can't you? / could you?) [Eastwood 2002: 22].

*'Do let me know when you've finished reading, **won't you?**' said Perpetua, with a nasty smirk. 'I'd hate to feel you were being underused.'* [Fielding 2001: 25]

*I don't know why she didn't just come out with it and say, 'Darling, do shag Mark Darcy over the turkey curry, **won't you?** He's very rich.'* [Fielding 2001: 12]

Эллиптическое вопросительное предложение, как и неэллиптическое, выражает широкий спектр контекстуальных значений, которые, по наблюдению Н. А. Кобриной, не связаны непосредственно с типом вопроса, а определяются когнитивными, коммуникативно-прагматическими и ситуативными характеристиками процесса общения коммуникантов [Кобрина 2007: 325]. Но, в отличие от грамматически полных вопросов, эллиптические маркированы дополнительными признаками экспрессивности.

На основе синтаксической компрессии выстроен стилистический прием **апозипезиса**, а также **асиндетон**. Апозипезис (апосипезис, апозипезу, апозипезу; синонимы — иннуендо, удержание) понимают как умышленное недоговаривание (усечение, прерывание) начатого предложения (в речи — высказывания). Общепризнанно, что при апозипезисе, в отличие от эллипсиса, пропущенные компоненты не всегда восстанавливаются [Копнина 2012: 377]. Видоизменение, усечение, синтаксической конструкции предложения при апозипезисе интенсифицирует все высказывание и активизирует эмоционально-мыслительные процессы слушающего:

*'Oh yes, I quite agree it's much the best to go for younger partners,' I burst out, airily. 'Men in their thirties are such bores with their hang-ups and obsessive delusions that all women are trying to trap them into marriage. These days I'm only really interested in men in their early twenties. **They're so much better able to... well, you know ...'*** [Fielding 2001: 213]

*'Please,' pressed Simon. 'I've never danced with an older woman before. **Oh, gosh, I'm sorry, I didn't mean...**' he went on, seeing my face. 'I mean, someone who's left school,' he said, seizing my hand passionately. 'Would you mind?' [Fielding 2001: 234]*

Помимо намеренного опущения части информации из высказывания говорящим, которое приводит к домысливанию недостающих фактов адресатом, прием опущения части синтаксической конструкции (синтаксическая незавершенность) обнаруживает другие функционально-коммуникативные реализации.

Поиск говорящим наилучшего завершения высказывания:

'God, are you all right?' asked Jude when I walked in. 'You look really tired.'
'I'm fine,' I said, crestfallen. 'I've lost seven pounds. What's the matter?' 'Nothing.
No, I just thought...'

'What? What?' [Fielding 2001: 106]

'Bridgiiiiiiiiit! Have you got a fag?'

'No, I've given up.'

'Oh blimey, no wonder you look so...'

'What?'

'Oh, nothing, nothing. Just a bit... drawn.' [Fielding 2001: 106]

Попытки говорящего справиться с собственным эмоциональным переживанием во время речевого общения:

'I...' He paused, then started pacing around the patio, sighing and running his hand through his hair. **'How's the...'** Have you read any good books lately?' Unbelievable [Fielding 2001: 235].

Office. Third-floor toilets. This is just... just... intolerable. What on earth possessed me to think it was a good idea to have an affair with my boss? [Fielding 2001: 186]

'Geoffrey,' hissed Una. *'Go-and-see-to-the-barbecue. I'm sorry, darling, you see we decided after all the scandals there've been with vicars around here there'd be no point having a Tarts and Vicars party because...'* she started to laugh, *'... because everyone thought vicars were tarts anyway.'* [Fielding 2001: 169]

Неожиданная смена темы разговора говорящим:

'Now, come along, darling, let's not start,' she said, as if I were thirteen. 'You see, Mark's completed the house in Holland Park and he's throwing the whole party for them, six floors, caterers and everything... What are you going to wear?' [Fielding 2001: 208]

*'Culture of Entitlement,' growled Sharon. 'Cooking, succor, beautiful young girls' bodies when they're old and fat. **Think women are there to give them what they're bloody entitled...** Here, have we run out of wine?'* [Fielding 2001: 127]

Перебивание собеседника в диалоге, проявление нетерпеливости, интенсивности эмоционального переживания перебивающего собеседника:

*'Just you wait,' she said darkly. 'You'll find out what men are like.' **'But I already...**'* I began.

'I'm going out, darling,' she said. I'm going out to get laid.' [Fielding 2001: 48]

*Oh God. Not another strangely dressed opera freak with bushy hair burgeoning from a side-parting. 'Mum, I've told you. **I don't need to be fixed up with...**'*

'Now come along, darling. Una and Geoffrey have been holding the New Year Buffet since you were running round the lawn with no clothes on! Of course you're going to come. And you'll be able to use your new suitcase.' [Fielding 2001: 10]

Очевидно, что апозиопезис можно рассматривать как в рамках тактик речевого общения, так и в качестве синтаксического средства обнаружения сильной эмоции субъекта речи.

«**Асиндетон** понимают как намеренное опущение союзов в синтаксических конструкциях сочинительного типа, предполагающих наличие в кодифицированном литературном языке соотносительных сочинительных конструкций с союзами, признаваемых за нейтральный вариант языковой нормы» [Копнина 2012: 375].

*'You look about ninety...' she said, **turning**, **holding** the kettle, **dropping** her eyes modestly, then **looking** up, **beaming** like Bonnie Langford about to embark upon a tap-dancing routine [Fielding 2001: 81]. (Ср.: '...and beaming')*

Синтаксическая избыточность

Противоположным синтаксической компрессии типом экспрессивного преобразования конструкций признается синтаксическая избыточность, мотивированное усложнение строевого порядка предложения [Арнольд 2006; Копнина 2012; Норман 1994; Скребнев 2003].

Экспрессивизация предложения может осуществляться при помощи усложнения его состава **вводными и вставными конструкциями**. В английской синтаксической теории граница между вводностью и вставностью намечается весьма условно: авторы «Теоретической грамматики английского языка» задействуют термин «вставность» в качестве обобщающего, в англоязычных грамматиках эти явления объединяются под термином «paranthesis» (парантеза). В экспрессивном аспекте тема вводно-вставных конструкций английского языка детально разработана О. В. Александровой, которая использует понятие «парантетические внесения» и выделяет их структурные виды:

1. Однословное внесение: *again, anyway, doubtless, first, further, however, hence, indeed, moreover, next, otherwise, probably, perhaps, rather, so, still, etc.*

2. Внесения-сочетания слов: *after all, at any rate, at best, at least, for example, for instance, in any case, in fact, in general, etc.*

3. Внесения-предложения: *he said, I believe, I fancy, I suppose, I think, it seems to me, we may agree, etc.*

Автором проводится семантическое деление парантез на три категории:

1. Категория отсылки — это слова и синтаксические конструкции, которые использует говорящий в речи с целью сослаться на какой-либо

факт, литературный или иной источник, на свое предыдущее высказывание, например: *hence, as you say, to my mind, etc.*

2. Категория экзemplификации, включающая слова и синтаксические конструкции, с помощью которых вводятся примеры, пояснения, уточнения ранее сказанного, например: *say, for instance, suppose we take, for example, etc.*

3. Категория делиберативности — это слова и синтаксические конструкции, выражающие сомнения, раздумья, оценку и т.д.: *it seems, no doubt, at least, at best, no wonder, etc* [Александрова 1984: 30-33].

Интенсификацию высказывания при парантетическом внесении можно объяснить разрывом линейных связей компонентов предложения, «утяжелением» конструкции дополнительным синтаксическим построением. В этой связи наибольший воздействующий эффект оказывают типы внесений «словосочетания» и «предложения», которые благодаря своим структурным характеристикам, протяженности делают предложение формально перегруженным. Вместе с синтаксической интенсификацией парантетические внесения меняют ритмико-интонационную организацию предложения-высказывания и привносят дополнительные экспрессивные оттенки в высказывание.

*But it was too much — **too much for any couple** — to bear [Heller 2009: 6].*

*It's been three weeks since I last saw my son, but his verbal dexterity has improved considerably (**I must stop using the word considerably — it's John Major's fault**). He is only two and three-quarters, but is already, **to my considerable alarm**, besotted with that television motoring oaf, Jeremy Clarkson [Townsend 2000: 13].*

*Her boyfriend, Vile Richard (**self-indulgent commitment phobic**), whom she has been seeing on and off for eighteen months, had chucked her for asking him if he wanted to come on holiday with her [Fielding 2001: 19].*

*Somehow I made it through the day, got home, and in a moment of insanity left a message on Daniel's answerphone, saying (**oh no, I can't believe I did this**),*

'Hi, it's Jones here. I was just wondering how you are and if you wanted to meet for the skirt-health summit, like you said.' [Fielding 2001: 28]

*Anyway, I relaxed too much or something, because the bike fell — **there was this awful clatter** — and then, of course, I ran away...* [Heller 2009: 2]

*For most people, honesty is such an unusual departure from their standard *modus operandi* — **such an aberration in their workaday mendacity** — that they feel obliged to alert you when a moment of sincerity is coming on.* [Heller 2009: 2].

*Part of the arrogance of youth (**well, I say 'youth'**) is the assumption that your parents will drop whatever they are doing and welcome you with open arms the second you decide to turn up* [Fielding 2001: 43].

Помимо признака «интенсивность», выражаемого синтаксическим способом, вводные конструкции английского языка совмещают в себе другие варианты категории экспрессивности, которые выявляются при анализе их семантических функций. «Обобщенно, функция парантетических внесений заключается в том, что они характеризуют сообщаемое с позиций говорящего к сообщаемому, таким образом, она тесно связана с категорией модальности <...> Высказывая свое отношение к способам выражения мысли, к излагаемым фактам, говорящий делает текст более обозримым, наглядным, легче воспринимаемым» [Александрова 1984: 164].

Парантетические внесения, относящиеся, согласно семантической дифференциации О. В. Александровой, к категории делиберативности, обнаруживают в текстовом употреблении различные оттенки значений категорий субъективной модальности, эмотивности и оценочности. (Однословные внесения со значением модальности прокомментированы в Разделе 3.1. «Экспрессивные морфологические и лексико-грамматические средства английского языка» в рамках проблемы экспрессивности модальных слов.)

Mum called. 'Let him come then,' she said. 'Let him bloody well have his own way as usual.' (My mum does not swear. She says things like 'ruddy' and 'Oh

my godfathers'.) 'I'll be all right on my bloody own. I'll just clean the house like Germaine sodding Greer and the Invisible Woman.' (Could she possibly, conceivably, have been drunk? My mum has drunk nothing but a single cream sherry on a Sunday night since 1952, when she got slightly tipsy on a pint of cider at Mavis Enderby's twenty-first and has never let herself or anyone else forget it. 'There's nothing worse than a woman drunk, darling.') [Fielding 2001: 47]

В первом подчеркнутом предложении сложного парантетического внесения выражена субъективная модальность (вероятность действия). Во втором подчеркнутом предложении категория оценки (этической, нравственной) актуализируется одновременно с категорией интенсивности, выраженной усилительным сравнительным оборотом «There's nothing worse than...».

Парантетические внесения благодаря лексическому наполнению привносят в высказывание разные кластеры эмоций — волнение, тревога, страх, удовлетворение, радость, удивление, обида, интерес и др.

«Парантетические внесения могут стоять в начале предложения, в середине и в конце. Причем необходимо обращать внимание на пунктуацию при введении парантезы. Внесения, вводимые при помощи запятых и скобок, имеют вводный характер, несут вспомогательную функцию (скобки предполагают более сильную экспрессию текста). Внесения же, вводимые при помощи тире, обладают вставочным характером, обнаруживают своеобразное просодическое оформление» [Александрова 1984: 45-52].

Синтаксическая избыточность усматривается рядом теоретиков в приемах **сегментации синтаксической структуры предложения** [Акимова 1990; Александрова 1984; Балли 2001; Скребнев 2003; Туранский 1990]. И. И. Туранский отмечает, что структурная организация подобных высказываний отвечает определенному коммуникативному заданию — выделению в качестве прагматического пика, в качестве единицы, несущей основную коммуникативную нагрузку, определенного компонента

предложения. [Туранский 1990: 112]. При приемах сегментации в высказывание привносится значение интенсивности посредством обособления определенного члена предложения в отдельный синтаксический сегмент, который нарушает линейность структурной организации предложения и его семантическую последовательность, цельность. В отличие от парантетических внесений такой обособленный сегмент не выпадает из общей системы членов предложения, сохраняет синтаксические связи с другими единицами и не имеет полной свободы позиционного перемещения.

Приведем примеры синтаксической сегментации с сохранением формальных и интонационных рамок предложения и с их нарушением. При **расчленении синтаксической структуры** обособленный сегмент находится в пределах предложения:

*I gave up the lease on my little flat some weeks ago and Sheba's husband, Richard, is in no danger of taking us in, **even temporarily*** [Heller 2009: 4].

*She's meant to be taking a nap at the moment. (She's not sleeping well at night.) But I can tell, **from the creaking of the floorboards overhead**, that she's pottering about in her niece's room* [Heller 2009: 3].

Дискуссионной формой можно назвать **тавтологическое подлежащее**, которое заключается в том, что в рамках одного и того же предложения подлежащее, выраженное существительным, повторяется местоимением. Некоторые англисты характеризуют тавтологическое подлежащее как тип синтаксического повтора [Гальперин 1958]. В исследованиях на материале русскоязычных источников это синтаксическое построение относится к структурам под названием «именительный представления», «именительный темы» (Г. Н. Акимова) и причисляется к разновидностям синтаксической сегментации. Мы склоняемся к последней точке зрения, поскольку тавтологическое подлежащее нарушает последовательность синтаксической структуры предложения и часто обособляется на письме:

*We don't have secrets, **Sheba and I*** [Heller 2009: 1].

It's a class characteristic, I think — this insouciant frankness [Heller 2009: 3].

Частотный тип синтаксической сегментации с нарушением структурной и интонационной целостности предложения — **парцелляция**. В грамматической теории сосуществуют разные точки зрения относительно этого типа конструкций. Например, В. Г. Гак относит парцелляцию к явлениям, пограничным между предложением и сверхфразовым единством. Суть парцелляции, согласно автору, - «оформление одного высказывания в ряде интонационно обособленных отрезков» [Гак 1979: 204]. Авторы «Теоретической грамматики английского языка» считают парцелляцию частным случаем обособления в рамках предложения, т.е. такого смыслового выделения, при котором обособленный элемент вычленяется в отдельное предложение [Иванова 1981: 227-229]. О. В. Александрова дает широкое толкование парцелляции, связывая ее как со структурными процессами в рамках предложения (исследователь приводит список синтаксических позиций, которые способны оформляться в виде парцеллята: определение, приложение, именная часть составного сказуемого, дополнение, обстоятельство, подлежащее), так и с речевыми аспектами высказывания в целом. Несмотря на указанные разночтения, все исследователи приходят к заключению о том, что парцелляция, в частности, и синтаксическая сегментация как процесс более общего характера являются приемами экспрессивного синтаксиса, обнаруживающими «избыточность формы» и интенсифицирующими содержание высказывания.

Clearly, it would suit them all much better if I were off somewhere with the other jowly old biddies, boasting about my grandchildren, or playing bingo. Not, at any rate, standing on the doorstep of a rich banker's house in Primrose Hill, defending the character of an alleged child-molester [Heller 2009: 7].

She always looks rather sad and odd, sprawled out on the pink and white princess bed, with her big, rough feet dangling over the edge. Like a giantess who has blundered into the wrong house [Heller 2009: 3].

Как прагматически мотивированное расширение позиций предложения можно охарактеризовать **синтаксический повтор**. «Повтором называется фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, морфем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, т.е. достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить. Так же как и другие фигуры речи, усиливающие выразительность высказывания, повторы можно рассматривать ... как некоторое целенаправленное отклонение от нейтральной синтаксической нормы, для которой достаточно однократного употребления слова» [Арнольд 2006: 244]. В исследованиях по общей стилистике и грамматической стилистике английского языка выделяются следующие виды синтаксических повторов: синтаксический параллелизм, хиазм, анадиплозис, синтаксическая анафора, синтаксическая эпифора, кольцевой повтор, повтор-плеоназм [Арнольд 2006; Береговская 2004; Гальперин 1958; Кухаренко 1973; Скребнев 2003; Снегирева 1977; Раевская 1973]. Все перечисленные виды синтаксического повтора маркированы по признаку «интенсивность». Через усиление синтаксической позиции предложения (посредством ее повтора) в высказываниях объективируются богатая палитра эмоциональных переживаний субъекта речи: от оттенков настроения до крайне аффектированных состояний. Принимая во внимание то, что общезыковые (в частности, экспрессивные) аспекты синтаксического повтора всесторонне представлены в лингвистической литературе, мы ограничимся примерами из источников языкового материала.

Thinking moonily about Daniel Cleaver, I ventured that not all men are like Richard. At which point Sharon started on a long illustrative list of emotional fuckwittage in progress amongst our friends: one whose boyfriend of thirteen years refuses even to discuss living together; another who went out with a man four times who then chucked her because it was getting too serious; another who was pursued by a bloke for three months with impassioned proposals of marriage, only to find him ducking out three weeks after she succumbed and repeating the

whole process with her best friend [Fielding 2001: 20]. (Интенсификация при помощи параллелизма однотипных придаточных предложений в составе высказывания.)

*Realize with sinking humiliation that reason have been feeling smug about Peter all these years was that **I finished with him** and now **he is effectively finishing with me** by marrying Mrs. Giant Valkyrie bottom [Fielding 2001: 191].* (Интенсификация высказывания при помощи хиазма, перекрестного повторения синтаксических позиций в двух однородных придаточных предложениях.)

Интенсивно маркированы стилистические синтаксические фигуры, «совмещающие в одной модели предложения дифференциальные признаки разных синтаксических конструкций» — **силлепсис, зевгма, анаколүф** [Копнина 2012; Пекарская 2001; Скребнев 2003; Береговская 2004]. В основе экспрессивности этих фигур — синтаксическая избыточность и нарушение семантических и / или грамматических связей в предложении. Данные стилистические средства имеют низкую частотность употребления в рассматриваемых текстах: зафиксирован 1 контекст употребления силлепсиса, приема, «состоящего в объединении в перечислительном ряду логически, а иногда и грамматически неоднородных членов предложения как однородных» [Энциклопедический словарь-справочник: 286].

*Son of Sharon Bott. Could have been fathered by either Barry Kent or Adrian Mole. According to Rosie Mole, he is a psycho, **but has Adrian's nose** [Townsend 2000: xii].*

Интенсификация предложения также осуществляется посредством избыточного употребления синтаксических средств связи (**полисиндетон**):

*She said, 'Rosie's tall enough to reach the stove **and** the fridge **and** the ironing-board **and**, anyway, she's got her dad.'* [Townsend 2000: 212]

Лежащее в основе вышеописанных явлений прагматически мотивированное изменение структуры английского предложения («в направлении его большей строевой и семантической сложности» или в

направлении компрессии) можно признать механизмом выражения экспрессивности, не образующим постоянной привязки к выражению определенного эмоционального переживания. Все выявленные конструкции реализуют в речи значение интенсивности, дополнительное к пропозитивному содержанию предложения. Они интенсифицируют элементы пропозиции или всю пропозицию предложения, обнаруживая тем самым особое эмоциональное состояние говорящего, которое удастся квалифицировать только в условиях конкретной речевой ситуации. В завершение данного подраздела отметим, что список проанализированных нами экспрессивных структурных преобразований английского предложения носит открытый характер и может быть дополнен при проведении более узко ориентированного лингвистического исследования.

3.3.3.2. Тема-рематический способ экспрессивизации

Семантические варианты категории экспрессивности могут выражаться в предложении посредством «не-нейтрального» расположения компонентов его (предложения) актуального членения. Инвертированное словорасположение, нарушающее границы тема-рематической организации предложения, имеет ряд функций, одной из которых является логическое выделение ремы / элементов ремы.

Until I retired this January, I had been living in Archway, north London, and teaching History at St George's, a comprehensive school in the same neighbourhood, for the last twenty-one years. It was at St George's, a little less than eighteen months ago, that I met Bathsheba Hart [Heller 2009: 4].

Например, в данном текстовом фрагменте рассказчик в нейтральном ключе повествует о своем знакомстве с главной героиней. В начальную позицию первого высказывания выносится обстоятельственное придаточное, обычно занимающее рематическую позицию — после главного предложения. В фокусе внимания читателя оказывается событие, служащее временной координатой для события в главном предложении. Во втором высказывании инверсия, нарушающая актуальное членение предложения, применяется для логического выделения обстоятельного члена предложения со значением места (*at St George's*), а также для связи данного высказывания с предыдущим.

Приведем аналогичные примеры с инверсией в функции логического выделения.

*I belong in the past, I know, **but it weren't me who wanted to send this letter**. It is my son Glenn. He is a big lad of 12 now and he wants to know who his father is [Townsend 2000: 254].*

***It was the papers that finally did Sheba and Richard in**, I believe [Heller 2009: 6].*

Обнаруживаются эмоционально «заряженные» контексты, в которых функция инверсии «логическое выделение» сопряжена с функцией выражения эмоционального состояния говорящего и эмоциональным воздействием. В примере ниже нарушение актуального членения предложения является способом интенсификации высказывания. Говорящий, находящийся в состоянии эмоциональной напряженности, выбирает инвертированный словопорядок для экспликации собственного переживания.

I found my Access card and persuaded my father to drive me to Purley, whereupon I managed to retrieve my car. Though it probably took a year off my life, so enraged was I [Townsend 2000: 103]. (Инверсия предикатива, выраженного именем прилагательным, и глагола-связки, лексико-грамматическое средство интенсификации — наречие *so*, эмотивная лексема *enraged* эксплицируют ярость.)

Инверсия проявляет себя как полифункциональный синтаксический прием, служащий для экспрессивизации высказывания, логического выделения наиболее важной информации, а также для выражения стилистического значения.

3.3.3.3. Функциональная транспозиция повествовательного и вопросительного предложений английского языка

В завершение описания синтаксического сектора «Повествовательное и вопросительное предложения», занимающего периферийную позицию в конструируемой нами полевой модели, обратимся к речевому механизму, который может использоваться для экспрессивизации высказывания, — функциональной транспозиции. Под функциональной транспозицией мы понимаем употребление общеизвестных коммуникативных типов предложений в нетипичных для них коммуникативных функциях.

Риторический вопрос традиционно определяется как утверждение или отрицание, выраженное в вопросительной форме. Тем самым вопросительно-риторические предложения не требуют ответа, так как ответ уже содержится в их значении [Копнина 2012: 381]. «Функция риторического вопроса — привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость. Ответ в нем уже подсказан, и риторический вопрос только вовлекает читателя в рассуждение или переживание, делая его более активным, якобы заставляя самого сделать вывод» [Арнольд 2006: 225]. Таким образом, категориальное значение вопросительности в высказывании с риторическим вопросом ослабевает.

Journalists are educated people, aren't they? College graduates, some of them. How did their minds get so small? Have they never desired anyone outside the age range that local law and custom deemed suitable? Never experienced an impulse that fell outside the magic circle of sexual orthodoxy? [Heller 2009: 6]

Вопросительные предложения также транспонируются в побудительные и восклицательные [Шведова 1980(б); Арнольд 2006; Копнина 2012].

'For God's sake, will you sit still for two minutes!' [Fielding 2001: 177]

Вежливая просьба требует вопросительной конструкции. Например, форма «*Open the door, please*» превращается в «*Will you open the door, please*» или «*Would you mind opening the door*» или в косвенный вопрос: «*I wonder whether you would mind opening the door*» [Арнольд 2006: 223-228].

Повествовательное предложение транспонируется в вопросительное: предложение с прямым порядком слов оформляется при помощи вопросительной интонационной конструкции.

He smelled of scrupulous self-maintenance. You know the washing-machine fuf that envelops you sometimes, walking past the basement vents of mansion flats? Like that. So clean, Barbara [Heller 2009: 1].

В зависимости от ситуативного контекста и лексического наполнения транспонированные повествовательные и вопросительные предложения

демонстрируют богатое эмоциональное содержание и стилистические эффекты.

***

Систематизируем результаты исследования в виде сводной таблицы.

**Экспрессивные грамматические средства английского языка
в аспекте текстовой реализации. Таблица № 6**

Грамматическое средство	Количество выявленных и проанализированных контекстов	Системно-языковая функция экспрессивности	Речевая функция экспрессивности			Ядерные признаки	Периферийные признаки
			Механизмы экспрессивизации				
			Структурный	Семантический	Функциональный		
Морфологические и лексико-грамматические средства: Междометия эмоций и эмоциональной оценки	571	+				+	
Оператор do	68	+				+	
Элатив	4	+				+	
Интенсифицирующие наречия	1813	+ Второстепенная функция			+		+
Модальные слова	551	+ Второстепенная функция					+
Транспозиция при функционировании морфологических классов слов	54				+ Функциональная транспозиция		+
Словосочетание нефразеологизированного типа	798		+ Структурное преобразование	+ Нарушение морфологической, лексико-грамматической и семантической комбинаторики компонентов	+ Приращение экспрессивного значения при функционировании в качестве стилистико-прагматического вкрапления		+

Предложение нефразеологизированного типа: Восклицательные предложения	352	+	+	Структурное преобразование			+			
Императивные предложения	206	+	Второстепенная функция	+	Структурное преобразование			+		
Повествовательные и вопросительные предложения	270			+	Синтаксическая компрессия	+	Мотивированное нарушение логико- семантических связей компонентов высказывания	+	Функциональная транспозиция	+
Всего контекстов: 4687										

3.4. Ядерно-периферийное распределение экспрессивных грамматических средств английского языка: интерпретация ФСПЭ

Функционально-семантический анализ экспрессивных грамматических средств английского языка выявляет группы объектов, для которых выражение доминантных значений «эмотивность» и «интенсивность» является системно-языковой, первичной, семантической функцией: это объединения парадигматических и синтагматических единиц (морфологических, лексико-грамматических и синтаксических), образующие два центра полевой модели категории экспрессивности. Полицентрическая структура полученного ФСПЭ обусловлена наличием двух типов семантических функций в пределах общей категории экспрессивности, на взаимоотношении которых выстраивается системность проанализированных форм английского языка.

Центр «эмотивность» представлен лексико-грамматическими (междометия) и синтаксическими единицами (восклицательные предложения), выражающими эмоциональные переживания субъекта речи и тем самым воздействующими на адресата. Данные средства не вступают в отношения синонимии с нейтральными языковыми единицами и в речевой актуализации представляют экспрессивный вариант языковой нормы. Ядерные конститuentы поля объективируют кластеры базовых эмотивных значений:

- эмотивные значения ожидания и прогноза;
- эмотивные значения удовлетворения и радости;
- фрустрационные эмотивные значения;
- эмотивные значения, базирующиеся на коммуникативных эмоциях и на аффективно-когнитивных комплексах.

При специализации грамматической единицы на эмотивной семантической функции отмечается либо отсутствие функций денотации и референции данной единицы, либо их ослабление (восклицательные

предложения).

Центр «интенсивность» формально структурируется морфологическими средствами (оператор *do*, элатив), усиливающими сообщение (элементы пропозитивного содержания высказывания). При этом эмоциональность говорящего имплицирована в языковом сообщении.

Важным свойством ядерных зон ФСПЭ является проницаемость их границ. Например, восклицательные предложения английского языка одновременно с эмотивностью способны выражать значение интенсивности посредством особой структурно-синтаксической организации. Ядерные грамматические формы обладают высокой частотностью речевого употребления.

Характерной особенностью ближней периферии ФСПЭ можно обозначить ее гетерогенность, многокомпонентность. Данная зона репрезентируется:

1) полифункциональными языковыми единицами, функция экспрессивности которых имеет статус второстепенной или приобретенной: лексико-грамматические конститuentы периферии — неграмматикализованные наречия-интенсификаторы и модальные слова английского языка; синтаксические единицы — словосочетания, императивные предложения.

2) речевыми средствами, приобретающими функцию экспрессивности в результате отклонения от нейтральной языковой нормы: высказывания с транспозицией морфологических форм, речевые приемы, образованные на основе механизма прагматически мотивированного структурного преобразования предложения (синтаксической компрессии, синтаксической избыточности); предложения-высказывания с инвертированным словопорядком; транспонированные предложения-высказывания.

Ближняя периферия выстроенного нами поля представляет область взаимодействия доминант категории экспрессивности «эмотивность» / «интенсивность» со смежными семантическими категориями,

осложняющими содержательное пространство ФСПЭ (оценочность, модальность, образность). Этим объясняется полифункциональность периферийных конститuentов: одна и та же форма может одновременно выражать несколько семантических вариантов ФСПЭ, находящихся в отношениях взаимного дополнения.

Зона дальней периферии поля соприкасается с общей категорией количественности и представлена грамматикализированными наречиями со значением меры и степени признака.

В целом полученное поле можно охарактеризовать как полицентрическую структуру, базирующуюся на совокупности разноуровневых экспрессивных средств английского языка (а именно, на морфологических, лексико-грамматических и синтаксических единицах и речевых средствах). Данная структура представляет собой тип полицентрического ФСП с явно выраженным ядром.

ФСПЭ присущ признак целостности, который характеризует содержательную сторону поля. Формальная же сторона выстроенного единства принципиально разнородна.

Секторы ядра не противопоставлены по какому-либо признаку, а демонстрируют наиболее важные семантические реализации категории экспрессивности (доминанты), которые находятся в отношении равноположенности. Движение от ядра к дальней периферии отражает степень проявления семантических доминант поля. В связи с этим средства формального выражения доминант не образуют оппозиций. Следует отметить, что такие отношения конститuentов в составе ФСПЭ сохраняют единство и системность категории экспрессивности.

Сконструированное нами на базе грамматических средств ФСПЭ отражает взаимодействие на функциональной основе элементов разных уровней языка, лингвистических микросистем и их сред, воспроизводит структуру исследуемой категории в функционально-семантическом аспекте, обладает функциональной полнотой, т.е. охватывает сферу функций,

базирующихся на исследуемой семантической категории, и относительной формальной полнотой, т.е. позволяет интегрировать в системные связи не только языковые единицы, специально существующие в языке для выражения данной категориальной семантики, но и комплекс полифункциональных единиц и средств, находящиеся на пересечении нескольких семантических категорий, систем.

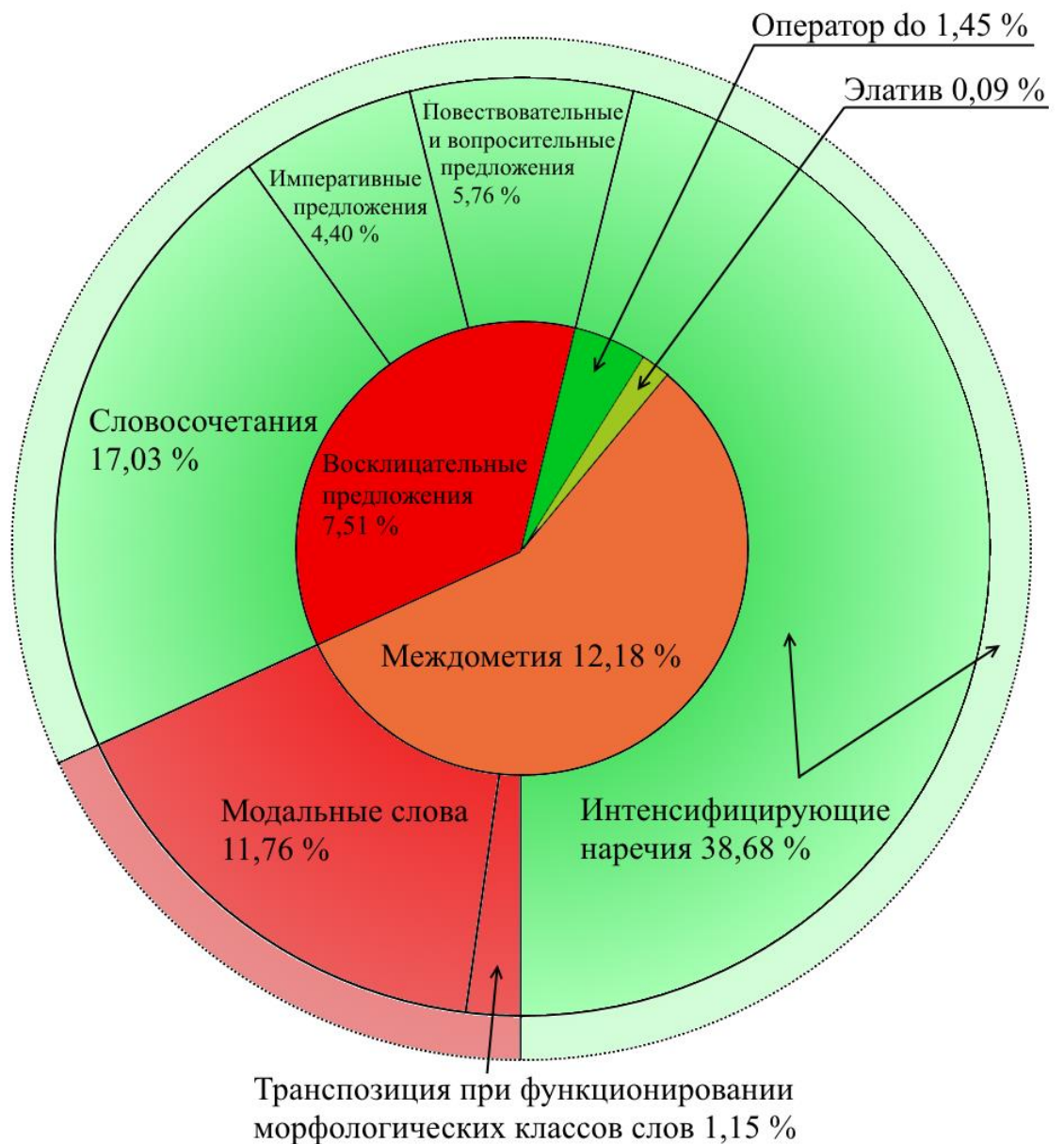
Полученная полевая структура, с одной стороны, представляет собой самостоятельный целостный объект (единство языковых и речевых грамматических средств), с другой — является микросистемой более крупного межуровневого функционально-семантического поля экспрессивности, объединяющего фонетические, словообразовательные, лексические, текстовые, экстралингвистические средства эмоционального воздействия.

Проведенный опыт полевого структурирования показывает, что лингвистический анализ от языкового значения / семантической функции к языковой форме возможен не только при исследовании понятийных (или смысловых) категорий, таких как субъектность, объектность, аспектуальность, темпоральность и др., но и допустим по отношению к семантическим категориям, которые традиционно считаются размытыми, лишенными четко прослеживаемой структуры.

В завершение отметим продуктивность анализа экспрессивных грамматических средств английского языка. В результате исследования подтверждается функциональная активность и значимость грамматических единиц и средств при объективации эмоционально-чувственной сферы человека в речевом общении.

**Функционально-семантическое поле экспрессивности,
базирующееся на грамматических единицах и средствах английского
языка. Рисунок № 4**

Выводы

В результате проведенного полевого структурирования категории экспрессивности английского языка нам удалось консолидировать разноуровневые языковые единицы и речевые средства эмоционального воздействия: морфологические, лексико-грамматические и синтаксические.

I. В рамках разделения и исследования секторов ФСПЭ были определены механизмы и способы экспликации основных и второстепенных значений (доминант и вариантов) категории экспрессивности грамматическими средствами английского языка при их речевом употреблении. Удалось установить следующее:

1. Морфологическая, лексико-грамматическая и синтаксическая системы английского языка располагают специфическими единицами, семантические функции которых сводятся к выражению категории экспрессивности. Мы называем данную разновидность единиц *системно-языковыми экспрессивными грамматическими единицами* английского языка. Перечислим выявленные единицы: оператор *do*, элатив, междометия, восклицательное предложение английского языка.

2. Вышеназванные системы английского языка также включают в свой состав *полифункциональные единицы*. Их функция экспрессивности является второстепенной или приобретенной: неграмматикализованные наречия-интенсификаторы, модальные слова, словосочетание, императивное предложение. Помимо этого определяются лексико-грамматические единицы (грамматикализованные наречия меры и степени признака), которые можно признать окказионально экспрессивными, приобретающими экспрессивную функцию в контекстах с эмоционально-оценочной лексикой.

3. Инвентарь языковых единиц пополняется *речевыми приемами* на уровне морфологии и синтаксиса, в употреблении которых фиксируется приобретение функции экспрессивности на основе следующих механизмов:

- прагматически мотивированное структурное преобразование знака (эллиптические предложения, апозиопезис, асиндетон; парантетические

внесения, приемы сегментации синтаксической структуры предложения, разновидности синтаксического повтора);

- инвертированный словопорядок, нарушающий границы тематического членения высказывания;

- транспозиция синтаксических и морфологических форм.

II. Функционально-семантическое поле экспрессивности, структурированное обозначенными парадигматическими и синтагматическими единицами и речевыми средствами, имеет полицентрическую структуру с явно выраженным ядром, обусловленную наличием двух типов семантических функций в пределах общей категории экспрессивности — эмотивности и интензивности.

III. Полицентрическое ядро ФСПЭ конституируют междометия, восклицательные предложения; оператор *do*, элатив английского языка. Полифункциональная, формально неоднородная периферия представлена неграмматикализованными наречиями-интенсификаторами, модальными словами, словосочетаниями, императивными предложениями английского языка; речевыми средствами: высказываниями с транспозицией морфологических форм, речевыми приемами, образованными на основе механизма прагматически мотивированного структурного преобразования предложения (синтаксической компрессии, синтаксической избыточности), предложениями-высказываниями с инвертированным словопорядком, транспонированными предложениями-высказываниями. Дальняя периферия структурирована наречиями меры и степени, окказионально экспрессивными.

IV. Выстроенное на базе английских грамматических средств ФСПЭ обладает признаками целостности, системности, структурированностью, функциональной и относительной формальной полнотой, интегрировано в полисистемные связи более крупных полевых единств английского языка (межуровневое макрополе экспрессивности, поле оценочности, поле модальности, поле образности, совокупность полей с количественной семантикой).

Заключение

Настоящее исследование категории экспрессивности английского языка и грамматических средств ее экспликации проведено в русле функциональной лингвистики и теории полевых систем. Вместе с тем неизбежным оказался выход за рамки функциональной методологии, поскольку механизмы реализации экспрессивности весьма разноплановы и охватывают формальные, семантические, функциональные, прагматические аспекты языковых единиц и средств. Ввиду общелингвистического статуса категории экспрессивности в исследовании задействовались теоретические положения в области описательной и функциональной грамматики, грамматической семантики, прагматики, описательной стилистики и ее подраздела — грамматической стилистики, лингвистической и психологической теорий эмоций. Такая комплексная теоретико-методологическая база работы, которая потребовалась по причине специфики предмета изучения — формально-содержательного единства разноуровневых грамматических единиц и средств эмоционального воздействия, а также совокупность применяемых в рамках общего метода ФСП методик анализа материала, традиционно используемых в грамматических, семантических, семантико-стилистических и функционально-прагматических исследованиях, обуславливают междисциплинарный характер настоящего диссертационного сочинения.

Нами разрабатывалась гипотеза о статусе экспрессивности как функционально-семантической категории и ее полевой организации. Преследовалась цель сконструировать функционально-семантическое поле экспрессивности на базе анализа морфологических, лексико-грамматических и синтаксических средств, которые употребляются в британской беллетристике. Из текстов современных романов («*Bridget Jones's Diary*» by Helen Fielding, «*Adrian Mole: The Cappuccino Years*» by Sue Townsend, «*Notes on a Scandal*» by Zoe Heller) была произведена сплошная выборка материала

— 4687 предложений-высказываний с экспрессивными грамматическими средствами английского языка. Данный материал далее анализировался с позиций теории и метода функционально-семантического поля.

В ходе исследования были реализованы определенные этапы анализа избранной проблемы, результаты которых кратко и обобщенно представлены ниже.

1. Изучение теоретических оснований категории экспрессивности в лингвистической литературе. Явление экспрессивности находит в лингвистической теории ряд разнородных толкований. Наиболее распространенной позицией является квалификация данного явления как *эффекта* в речи / тексте, не-нейтральных семантико-стилистических *свойств* единиц языка, разновидностей *семы, типа значения, функции, категории*. Методологическая база функциональной лингвистики позволяет определить понятие «*экспрессивность*» следующим образом: это (1) категория языка и речи, психофизиологической основой которой являются эмоции и чувства человека; общее содержание данной категории можно сформулировать как языковое выражение говорящим эмоций, чувств, отношения, эмоциональной оценки в целях воздействия на партнера по коммуникации; (2) данная категория представлена разноуровневыми системно-языковыми единицами и речевыми средствами; (3) результатом функциональной реализации экспрессивности в речи является эффект эмоционального воздействия, или экспрессия; исследуемая категория имеет функционально-прагматическую направленность (т.к. ориентирована на коммуникативный акт), а также функционально-семантический аспект.

2. Формулирование принципов функционально-семантического анализа языковой категории и формальных средств ее выражения. Функционально-семантический статус категории экспрессивности подтверждается наличием подсистем языковых единиц и речевых средств, эксплицирующих экспрессивную семантику, связью внеязыковой основы экспрессивности — эмоциональности — с мыслительно-познавательными

процессами человека, одновременностью актуализации эмоционального и логического компонентов сознания в речевом общении, универсальным характером экспрессивности, существованием данной категории в разных языках. Для выявления самостоятельности, структурированности и системности экспрессивности нами была избрана методическая база, разработанная в рамках функциональной грамматики и теории полевых конструкторов [Бондарко 1978–2005]. Данная база дает возможность объединить внеязыковой, системно-языковой и функционально-речевой аспекты категории экспрессивности в рамках единой модели.

Полевое структурирование экспрессивности является полисистемным анализом, который включает в себя рассмотрение содержательной инвариативности-вариативности категории (т.е. определение состава семантических признаков, в которых реализуется данная категория, выделение семантических доминант категории), поиск разноуровневых компонентов модели ФСП на основе общего для них доминантного семантического признака, осуществление ядерно-периферийного распределения выявленных компонентов с учетом их функциональной специализации, определение структурного типа ФСП и его связей с пространством других полевых систем языка.

3. Выявление специфики семантической организации ФСПЭ (на основе анализа экспрессивных грамматических средств английского языка). На данном этапе удалось установить, что экспрессивность — это языковая и речевая категория, которая имеет сложно организованное категориальное значение. ФСК экспрессивности создает базис модели функционально-семантического поля экспрессивности (ФСПЭ), ядерную зону которой формируют семантические секторы «эмотивность» и «интенсивность». Комплекс признаков «эмотивность / интенсивность» признается семантическими доминантами ФСПЭ, ослабевающими при движении от центра к дальней периферии поля. Семантическая периферия ФСПЭ осложняется значениями оценочности, модальности, образности. Это

не микрополя в системе макрополя «экспрессивность», а зоны пересечения самостоятельных полей, т.к. их категориальная семантика и формальные средства репрезентации соприкасаются с экспрессивностью лишь частично. Фиксируется также область соприкосновения дальней периферии сектора «интенсивность» с семантическим пространством категорий количественного изменения признака (количественность, градуальность, компаративность, мера признака). ФСПЭ на базе грамматических средств английского языка представляет одну из микросистем межуровневого ФСПЭ. Прослеживается общность содержательных структур данных лингвистических единств.

4. Выявление формально-структурной организации ФСПЭ, конститuentами которого являются морфологические, лексико-грамматические и синтаксические единицы и средства. В результате проведенного полевого структурирования категории экспрессивности английского языка нам удалось консолидировать разноуровневые языковые единицы и речевые средства: морфологические, лексико-грамматические и синтаксические. В рамках разделения и исследования секторов модели были определены механизмы и способы экспликации основных и второстепенных значений (доминант и вариантов) категории экспрессивности грамматическими средствами английского языка.

Морфологическая, лексико-грамматическая и синтаксическая системы английского языка располагают специфическими единицами, семантические функции которых сводятся к выражению категории экспрессивности. Мы называем данную разновидность единиц *системно-языковыми экспрессивными грамматическими единицами* английского языка. Перечислим выявленные единицы: оператор *do*, элатив, междометия, восклицательное предложение английского языка.

Вышеназванные системы английского языка также включают в свой состав *полифункциональные единицы*. Их функция экспрессивности является второстепенной или приобретенной: неграмматикализованные наречия-

интенсификаторы, модальные слова, словосочетание, императивное предложение. Помимо этого определяются лексико-грамматические единицы (грамматикализованные наречия меры и степени признака), которые можно признать окказионально экспрессивными, приобретающими экспрессивную функцию в контекстах с эмоционально-оценочной лексикой.

Инвентарь языковых единиц пополняется *речевыми приемами* на уровне морфологии и синтаксиса, в употреблении которых фиксируется приобретение функции экспрессивности на основе следующих механизмов:

- прагматически мотивированное структурное преобразование знака (эллиптические предложения, апозиопезис, асиндетон; парантетические внесения, приемы сегментации синтаксической структуры предложения, разновидности синтаксического повтора);

- инвертированный словопорядок, нарушающий границы темарематического членения высказывания (разновидности инверсии);

- транспозиция синтаксических и морфологических форм.

Функционально-семантическое поле экспрессивности, структурированное обозначенными парадигматическими и синтагматическими единицами и речевыми средствами, имеет полицентрическую структуру с явно выраженным ядром, обусловленную наличием двух типов семантических функций в пределах общей категории экспрессивности — эмотивности и интенсивности.

Полицентрическое ядро модели ФСПЭ конституируют междометия, восклицательные предложения; оператор *do*, элатив английского языка. Полифункциональная, формально неоднородная периферия представлена неграмматикализованными наречиями-интенсификаторами, модальными словами, словосочетаниями, императивными предложениями английского языка; речевыми средствами: высказываниями с транспозицией морфологических форм, речевыми приемами, образованными на основе механизма прагматически мотивированного структурного преобразования предложения (синтаксической компрессии, синтаксической избыточности),

предложениями-высказываниями с инвертированным словопорядком, транспонированными предложениями-высказываниями. Дальняя периферия структурирована наречиями меры и степени, окказионально экспрессивными.

5. Интерпретация полученного ФСПЭ в аспекте его системности и межкатегориального взаимодействия. Выстроенное на базе английских грамматических средств ФСПЭ обладает признаками целостности, системности, структурированностью, функциональной и относительной формальной полнотой, интегрировано в полисистемные связи более крупных полевых единств английского языка (межуровневое макрополе экспрессивности, поле оценочности, поле модальности, поле образности, совокупность полей с количественной семантикой).

Дальнейшее научное осмысление проблем категории экспрессивности представляется весьма плодотворным. Функционально-семантический анализ может по-прежнему выступать одним из направлений развития темы. Для более полного, законченного описания исследуемой категории от значения к форме нам представляется важным в перспективе обратиться к структурированию макрополя экспрессивности и включить в модель фонетико-интонационные, лексические, словообразовательные, фразеологические конститuenty. Это позволит более доказательно и убедительно отразить в лингвистическом моделировании общезыковую природу экспрессивности. Еще одним возможным вектором развития данного исследования является разработка общей целостной концепции эмоционального воздействия в рамках прагматики, теории речевого воздействия.

Список литературы

Источники

1. Fielding 2001 – *Fielding H.* Bridget Jones's Diary. London, 2001.
2. Heller 2009 – *Heller Z.* Notes on a Scandal. London, 2009.
3. Townsend 2000 – *Townsend S.* Adrian Mole: The Cappuccino Years. London, 2000.

Словари

4. Ахманова 1966 – *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. Квеселевич, Сасина 1990 – *Квеселевич Д. И. Сасина В. П.* Русско-английский словарь междометий и релятивов. М., 1990.
6. Лагута 2000 – *Лагута О. Н.* Стилистика. Культура речи. Теория речевой коммуникации: Учебный словарь терминов. Часть 2. Новосибирск, 2000.
7. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
8. Москвин 2004 – *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи: тропы и фигуры: терминологический словарь-справочник. М., 2004.
9. Розенталь, Теленкова 1985 – *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985.
10. Убин 1987 – *Убин И. И.* Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. М., 1987.
11. ФС 2001 – Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М, 2001.
12. ФЭС 1983 – Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М., 1983.

13. Энциклопедический словарь-справочник 2011 – Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М., 2011.
14. Эстетика: Словарь 1989 – Эстетика: Словарь / Под ред. А. А. Беляева, Л. И. Новиковой, В. И. Толстых. М., 1989.
15. Crystal 2003 – *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. 2-nd ed. Cambridge, 2003.
16. LDCE 2009 – Longman Dictionary of Contemporary English / Ed. by M. Mayor. 5-th ed. Harlow, 2009.
17. OALD 2010 – *Hornby A. S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. by J. Turnbull. 8-th ed. Oxford, 2010.

Научные издания

18. Адмони 1956 – *Адмони В. Г.* О модальности предложения // Уч. зап. ЛГПИ им. АИ Герцена. 1956. Т. 21. №. 1. С. 47–70.
19. Адмони 1964 – *Адмони В. Г.* Основы теории грамматики. Л., 1964.
20. Адмони 1968 – *Адмони В. Г.* Полевая природа частей речи // Вопросы теории частей речи. Л., 1968. С. 98–107.
21. Адмони 1968 – *Адмони В. Г.* Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1968. С. 232–291.
22. Акимова 1990 – *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособие. М., 1990.
23. Акимова 1992 – *Акимова Т. Г.* Повелительные предложения в английском языке // Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб., 1992. С. 189–200.
24. Акимова, Масленникова 1987 – *Акимова Т. Г., Масленникова А. А.* Семантика императива и оценка // Общие и специальные вопросы языковой типологии / Под ред. Н. Д. Андреевой. М., 1987. С. 3–9.

25. Александрова 1982 – *Александрова О. В.* Принципы сегментации речевого потока. М., 1982.
26. Александрова 1984 – *Александрова О. В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984.
27. Амирова 2006 – *Амирова Т. А.* История языкознания: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2006.
28. Антипова 1965 – *Антипова А. М.* Интонационная структура восклицательных предложений в ее взаимодействии с их лексико-грамматической структурой (на материале англ. и рус. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
29. Апресян 1974 – *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974.
30. Арнольд 1975 – *Арнольд И. В.* Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка : сб. науч. работ. Л., 1975. С. 3–24.
31. Арнольд 1986 – *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка : Учеб. пособие. М., 1986.
32. Арнольд 2006 – *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык : Учеб. для вузов. 8-е изд. М., 2006.
33. Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
34. Арутюнова 1988 – *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
35. Бабенко 1986 – *Бабенко Л. Г.* Обозначение эмоций в языке и речи : Учеб. пособие. Свердловск, 1986.
36. Бабенко 1989 – *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
37. Бабенко, Казарин 2006 – *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика

- : Учебник. М., 2006.
38. Балли 1955 – *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
  39. Балли 2001 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 2001.
  40. Балли 2003 – *Балли Ш.* Язык и жизнь. М., 2003.
  41. Бархударов 1966 – *Бархударов Л. С.* Структура простого предложения современного языка. М., 1966.
  42. Бархударов 1975 – *Бархударов Л. С.* Очерки по морфологии современного английского языка. М., 1975.
  43. Баскакова 2009 – *Баскакова Е. С.* Экспрессивные синтаксические конструкции: перевод и их влияние на скрытые характеристики текста : на материале романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита" и его перевода на английский язык : дис. ... канд. фил. наук. Тюмень, 2009.
  44. Беляева 1985 – *Беляева Е. И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
  45. Беляева 1992 – *Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.
  46. Береговская 2004 – *Береговская Э. М.* Очерки по экспрессивному синтаксису. М., 2004.
  47. Бернштейн 1929 – *Бернштейн С. И.* Опыт анализа «словесной инструментовки» // Поэтика. 1929. Вып. V. С. 156–192.
  48. Беседина 1995 – *Беседина Н. А.* Восклицательные предложения в современном английском языке: семантика, грамматика и функциональные аспекты : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
  49. Биренбаум 1977 – *Биренбаум Я. Г.* Эмоциональность и экспрессивность в пространстве вводности // Выражение экспрессии в языке и речи. Новосибирск, 1977. Вып. 107. С. 3–10.
  50. Блох 2006 – *Блох М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие. М., 2006.

51. Блумфилд 2002 – *Блумфилд Л.* Язык. 2-е изд-е, стереотип. М., 2002.
52. Болдырев 2001 – *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.
53. Бондаренко 1977 – *Бондаренко В. Н.* Виды модальных значений и их выражение в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
54. Бондарко 1978 – *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
55. Бондарко 1984 – *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
56. Бондарко 2001 – *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 2001.
57. Бондарко 2002 – *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.
58. Бондарко 2003 – *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики. М., 2003.
59. Бондарко 2005 – *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
60. Брандес 1983 – *Брандес М. П.* Стилистика немецкого языка : Для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1983.
61. Бузаров 1998 – *Бузаров В. В.* Основы синтаксиса английской разговорной речи : Учеб. пособие. М., 1998.
62. Бурлакова 1984 – *Бурлакова В. В.* Синтаксические структуры современного английского языка : Учеб. пособие. – М., 1984.
63. Бэн 1886 – *Бэн А.* Стилистика и теория устной и письменной речи. М., 1886.
64. Бюлер 1993 – *Бюлер К.* Теория языка: Репрезентативная функция языка. М., 1993.
65. Васильев 1980 – *Васильев И. А.* Эмоции и мышление. М., 1980.
66. Васильев 1990 – *Васильев Л. М.* Современная лингвистическая семантика : Учеб. пособие для вузов. М., 1990.

67. Ваулина 1993 – *Ваулина С. С.* Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград, 1993.
68. Вахитова 2007 – *Вахитова Г. В.* Способы передачи внутренней экспрессивности текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
69. Вежбицкая 2001 – *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
70. Вейхман 1969 – *Вейхман Г. А.* Структурные модели разговорного английского языка. М., 1969.
71. Виноградов 1955 – *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. №1. С.60–87.
72. Виноградов 1963 – *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
73. Виноградов 1975 – *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975.
74. Виноградов 2005 – *Виноградов В. В.* История русских лингвистических учений. М., 2005.
75. Винокур 2006 – *Винокур Г. О.* О языке художественной литературы. М., 2006.
76. Витт 1984 – *Витт Н. В.* Речь и эмоции : Учеб. пособие. М., 1984.
77. Вольф 2002 – *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002.
78. Всеволодова 2009 – *Всеволодова М. В.* Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // Вопросы языкознания. 2009. № 3. С. 76–99.
79. Вундт 2001 – *Вундт В.* Проблемы психологии народов. СПб., 2001.
80. Гак 1979 – *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка: Морфология : Учебник. М., 1979.

81. Галкина-Федорук 1958 – *Галкина-Федорук Е. М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М., 1958. С. 103–124.
82. Галлиев 2005 – *Галлиев М. Х.* Функционально-семантическое поле чувств : на примере арабского литературного языка : дис. ... канд. филол. М., 2005.
83. Гальперин 1958 – *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
84. Гальперин 1981 – *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
85. Гвоздев 1958 – *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык, ч. 2. Синтаксис : Учеб. пособие. М., 1958.
86. Геллер 1991 – *Геллер Э. С.* Синтаксические средства экспрессивности и их роль в абзаце научных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.
87. Глазкова 2010 – *Глазкова М. Ю.* Экспрессивный синтаксис в современной публицистике : на материале русскоязычных и англоязычных аналитических общественно-политических статей : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010.
88. Глисон 2002 – *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 2002.
89. Горячева 1999 – *Горячева Н. Ю.* Некоторые особенности реализации просодической категории выделенности в спонтанном звучащем тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
90. Гридин 1976 – *Гридин В. Н.* Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
91. Гридин 1990 – *Гридин В. Н.* Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
92. Гулыга, Шендельс 1969 – *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-

- лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
93. Гуревич 2003 – *Гуревич В. В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков : Учеб. пособие. М., 2003.
  94. Гуревич 2008 – *Гуревич В. В.* Стилистика английского языка. М., 2008.
  95. Гухман 1968 – *Гухман М. М.* Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 117–174.
  96. Даниленко 2007 – *Даниленко В. П.* Ономазиологическое направление в грамматике. М., 2007.
  97. Девкин 1979 – *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речи: Синтаксис и лексика. М., 1979.
  98. Дмитриева 2000 – *Дмитриева М. И.* Семантико-прагматические и стилеобразующие характеристики экспрессивных единиц языка : на материале авторских текстов : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2000.
  99. Додонов 1978 – *Додонов Б. И.* Эмоция как ценность. М., 1978.
  100. Долинин 1978 – *Долинин К. А.* Стилистика французского языка : Учеб. пособие. Л., 1978.
  101. Егоров 1964 – *Егоров Г. Г.* Интонация восклицательных предложений в современном английском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1964.
  102. Ермолаева 1964 – *Ермолаева Л. С.* Система средств выражения модальности в современных германских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
  103. Есперсен 1958 – *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
  104. Ефимов 1961 – *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1961.
  105. Жирмунский 1975 – *Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1975.

106. Зверева 1983 – *Зверева Е. А.* Научная речь и модальность. М., 1983.
107. Золотова 1962 – *Золотова Г. А.* О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. 1962. №. 4. С. 65–89.
108. Золотова 1973 – *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
109. Золотова 1982 – *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
110. Зотова 2007 – *Зотова А. Б.* Восклицательное предложение в аспекте теории речевых актов : на материале русских и английских текстов : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007.
111. Иванова 1981 – *Иванова И. П.* Теоретическая грамматика современного английского языка : Учеб. пособие. М., 1981.
112. Изард 1999 – *Изард К. Э.* Психология эмоций. СПб., 1999.
113. Ильин 2001 – *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. СПб., 2001.
114. Ильиш 1965 – *Ильиш Б. А.* Строй современного английского языка : Учебник. Л., 1965.
115. Иофик 1968 – *Иофик Л. Л.* Сложное предложение в новоанглийском языке. Л., 1968.
116. Иртеньева, Барсова, Блох, Шапкин 1969 – *Иртеньева Н. Ф., Барсова О. М., Блох М. Я., Шапкин А. П.* Теоретическая грамматика английского языка: Синтаксис : Учеб. пособие М., 1969.
117. Казакмурзаева 2007 – *Казакмурзаева Т. М.* Эмоционально-экспрессивный модус языковых единиц в современной сатирической поэзии : на материале произведений В. В. Вишневского : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007.
118. Карицкая 2013 – *Карицкая Л. Ю.* Экспрессивные ресурсы современной газетной публицистики : на материале газет Мурманского региона 2001–2012 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2013.
119. Касевич 1988 – *Касевич В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология.

- М., 1988.
120. Касевич 1990 – *Касевич В. Б.* Язык и знание // Язык и структура знания. М., 1990. С. 8–25.
  121. Кахиани 1971 – *Кахиани С. Н.* Экспрессивность эмоций. М., 1971.
  122. Кирия 2007 – *Кирия К. Д.* Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
  123. Киршинова 2010 – *Киршинова О. В.* Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции "Радость" : на материале русского и немецкого языков : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж , 2010.
  124. Киселева 1978 – *Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
  125. Кобозева 2000 – *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика : Учеб. пособие. М., 2000.
  126. Кобрин, Болдырев 2007 – *Кобрин Н. А., Болдырев Н. Н.* Теоретическая грамматика английского языка : Учеб. пособие. М., 2007.
  127. Кобрин, Корнеева 1968 – *Кобрин Н. А., Корнеева Е. А.* Грамматика английского языка. Синтаксис : Учеб. пособие. М., 1986.
  128. Кожина 1987 – *Кожина М. Н.* О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 8–17.
  129. Кожина, Дускаева, Салимовский 2008 – *Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка : Учебник. М., 2008.
  130. Колбукова 2007 – *Колбукова И. В.* Принципы и методы представления экспрессивной семантики слова в двуязычном словаре : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
  131. Колшанский 1961 – *Колшанский Г. В.* К вопросу о содержании

- языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 94–98.
132. Комова 1990 – *Комова Т. А.* Модальный глагол в языке и речи. М., 1990.
133. Копнина 2008 – *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование: Учеб. пособие. М., 2008.
134. Копнина 2012 – *Копнина Г. А.* Риторические приемы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М., 2012.
135. Копров 2010 – *Копров В. Ю.* Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж, 2010.
136. Кострова 2004 – *Кострова О. А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка : Учеб. пособие. М., 2004.
137. Краснова 2002 – *Краснова Т. И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.
138. Крижовецкая 2009 – *Крижовецкая О. М.* Современная беллетристика: дискурс и нарратив // Критика и семантика, 2009. № 13. С. 204–212.
139. Крылов 2010 – *Крылов А. Ю.* Функционально-семантическое поле эмотивности в арабском литературном языке и арабских разговорных языках Машрика и Магриба : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
140. Кубрякова 1978 – *Кубрякова Е. С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978.
141. Кубрякова 1981 – *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
142. Кубрякова 2004 – *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
143. Купина 2004 – *Купина Н. А.* Основы стилистики и культуры речи: практикум для студентов-филологов. М., 2004.

144. Купина, Литовская, Николина 2009 – *Купина Н. А., Литовская М. А., Николина Н. А.* Массовая литература сегодня: Учеб. пособие. М., 2009.
145. Курбатова 2002 – *Курбатова Е. А.* Функционально-экспрессивные особенности разделительных вопросов в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2002.
146. Кухаренко 1973 – *Кухаренко В. А.* Лингвистическое исследование английской разговорной речи : Учеб. пособие. Одесса, 1973.
147. Лабунская 1999 – *Лабунская В. А.* Экспрессия человека: общение и межличностное познание : Учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 1999.
148. Лапшина 2013 – *Лапшина М. Н.* Стилистика современного английского языка. СПб., 2013.
149. Лекант 2006 – *Лекант П. А.* Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой : монография. М., 2006.
150. Леонтьев 1964 – *Леонтьев А. Н.* Мышление. Философская энциклопедия. М., Т. 3. 1964.
151. Лич 1983 – *Лич Д.* Коммуникативная грамматика английского языка. М., 1983.
152. Лукьянова 1986 – *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск, 1986.
153. Малинович 1989 – *Малинович Ю. М.* Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск, 1989.
154. Мамушкина 2003 – *Мамушкина С. Ю.* Семантика и прагматика междометий в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2003.
155. Марченко 2001 – *Марченко С. В.* Категории эмотивности и экспрессивности в повестях и рассказах И. С. Тургенева 1871–1882

- гг. : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001.
156. Маслова 1991 – *Маслова В. А.* Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 179–205.
  157. Маслова 1997 – *Маслова В. А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учеб. пособие. Минск, 1997.
  158. Матвеева 1986 – *Матвеева Т. В.* Лексическая экспрессивность в языке : Учеб. пособие. Свердловск, 1986.
  159. Матезиус 1967 – *Матезиус В.* Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 444–523.
  160. Матханова 2013 – *Матханова И. П.* Функциональная грамматика: Уч.-метод. пособие. Новосибирск, 2013.
  161. Меликян 2014 – *Меликян В. Ю.* Современный русский язык: Синтаксическая фразеология. М., 2014.
  162. Мельничук 2013 – *Мельничук О. А.* Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии. Якутск, 2013.
  163. Мишель 2002 – *Мишель М. А.* Особенности функционирования экспрессивных синтаксических конструкций в речевых жанрах : на материале современной публицистики : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
  164. Моргоева 2009 – *Моргоева Л. Б.* Экспрессивность разноуровневых единиц языка. Владикавказ, 2009.
  165. Мурза 1991 – *Мурза А. Б.* О восприятии и интерпретации художественного текста // Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1991. С. 101–111.
  166. Нехлина 1969 – *Нехлина Р. А.* К вопросу об экспрессивности (на материале немецкого языка) // Учен. Зап. Пермского пед. ин-та: «Вопросы романской и германской филологии и методики преподавания иностранных языков». Пермь, 1969. Т. 63. С. 15–28.

167. Нистратова 2004 – *Нистратова С. Л.* К вопросу о системе экспрессивных синтаксических средств в научной речи // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. М., 2004. Вып. 28. С. 142–150.
168. Норман 1978 – *Норман Б. Ю.* Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978.
169. Норман 1994 – *Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего. СПб., 1994.
170. Норман 2009 – *Норман Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск, 2009.
171. Носенко 1975 – *Носенко Э. Л.* Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск, 1975.
172. Общее языкознание 1970 – Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка : Учеб. пособие / Под ред. Б. А. Серебренникова. М., 1970.
173. Паничева 2004 – *Паничева П. Н.* Структурно-семантические и прагматические характеристики восклицательных предложений в английской диалогической речи : В свете антропоцентрической парадигмы : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.
174. Панфилов 1977 – *Панфилов В. З.* Категория модальности и её роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 36–48
175. Парамонов 2008 – *Парамонов Д. А.* Взаимодействие грамматически выраженных модальных значений и экспрессивности в современном русском языке. М., 2008.
176. Пекарская 2001 – *Пекарская И. В.* Контаминация в контексте проблемы системности стилистических фигур русского языка : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001.
177. Пешкова 2007 – *Пешкова Н. П.* Психолингвистические аспекты исследования экспрессивности в научном тексте // Вестник МГЛУ. Вып. 541. М., 2007. С. 203–210.

178. Пилатова 2002 – *Пилатова В. Н.* Экспрессивное отрицание в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
179. Пищальникова, Сонин 2009 – *Пищальникова В. А., Сонин А. Г.* Общее языкознание : Учебник. М., 2009.
180. Плещенко 2001 – *Плещенко Т. П.* Стилистика и культура речи : Учеб. пособие. Минск, 2001.
181. Плотникова 2008 – *Плотникова А. М.* Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) : дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
182. Почепцов 1971 – *Почепцов Г. Г.* Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
183. Проблемы функциональной грамматики 2005 – Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005.
184. Проблемы функциональной грамматики 2013 – Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Под ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковской. М., 2013.
185. Проблемы функциональной грамматики 2003 – Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариативность / вариативность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 2003.
186. Проблемы экспрессивной стилистики 1987 – Проблемы экспрессивной стилистики : сб. ст. / Под ред. Т. Г. Хазагерова. Ростов-на-Дону, 1987.
187. Пуханов 2002 – *Пуханов С. А.* Видовременные формы английского глагола и их экспрессивно-стилистический потенциал : дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2002.
188. Раевская 1973 – *Раевская Н. Н.* Очерки по стилистической грамматике современного английского языка. Киев, 1973.
189. Распопов 1961 – *Распопов И. П.* Актуальное членение предложения.

- Уфа, 1961.
190. Рецкер 2006 – *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. М., 2006.
  191. Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспекте 1991 – Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспекте / Под ред. Л. В. Минаевой. М., 1991.
  192. Родионова 2005 – *Родионова С. Е.* Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 2005. С. 150–168.
  193. Рожкова 2012 – *Рожкова Е. Н.* Структурно-содержательная специфика реализации категории экспрессивности в глоссе как жанре немецкой прессы : дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
  194. Романова 1997 – *Романова О. В.* Модальные слова в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1997.
  195. Романова 2008 – *Романова Т. В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность: Монография. Нижний Новгород, 2008.
  196. Ромашова 2001 – *Ромашова И. П.* Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания : на материале устно-разговорной и художественной речи диалогического типа : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2001.
  197. Русская грамматика 1980а – Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.
  198. Русская грамматика 1980б – Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М., 1980.
  199. Светлышев 1955 – *Светлышев Д. С.* Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
  200. Сепир 1993 – *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

201. Середа 2004 – *Середа Е. Ю.* Место междометий в системе частей речи : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
202. Сёрл 2004 – *Сёрл Д. Р.* Что такое речевой акт? // *Философия языка.* М., 2004. С. 56–74.
203. Силаева 2007 – *Силаева Н. В.* Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста : на материале английской частной переписки XVIII–XIX вв. : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007.
204. Сильман 1967 – *Сильман Т. И.* Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.
205. Сковородников 1981 – *Сковородников А. П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск, 1981.
206. Скребнев 1975 – *Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики: Учеб. пособие. Горький, 1975.
207. Скребнев 2003 – *Скребнев Ю. М.* Основы стилистики английского языка : Учебник. 2-е изд., испр. М., 2003.
208. Скребнев, Сиротинина 1985 – *Скребнев Ю. М., Сиротинина О. Б.* Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.
209. Слукина 2006 – *Слукина Г. В.* Структурно-функциональные и лингвистические особенности создания экспрессивности рекламного текста : В английском и русском языках : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
210. Смирницкий 1953 – *Смирницкий А. И.* Морфология английского языка. М., 1953.
211. Смирницкий 1957 – *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
212. Снегирева 1977 – *Снегирева Т. А.* Лекции по стилистической грамматике. Горький, 1977.
213. Солганик 1991 – *Солганик Г. Я.* Синтаксическая стилистика.

(Сложное синтаксическое целое) : Учеб. пособие. М., 1991.

214. Телия 1985 – *Телия В. Н.* Семантика экспрессивности // Семантические категории языка и методы их изучения. Уфа, 1985. С. 85–86.
215. Телия 1986 – *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
216. Телия 1991 – *Телия В. Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 36–67.
217. Телия 1991 – *Телия В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и её прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 5–36.
218. Теория функциональной грамматики 1996а – Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996.
219. Теория функциональной грамматики 1996б – Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996.
220. Теория функциональной грамматики 1991 – Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991.
221. Теория функциональной грамматики 1992 – Теория функциональной грамматики: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность, неопределенность / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992.
222. Теория функциональной грамматики 1990 – Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. / Под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1990.
223. Томашевский 1959 – *Томашевский Б. В.* Стих и язык:

- Филологические очерки. Л., 1959.
224. Тошович 2006 – *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского / хорватского языков. М., 2006.
225. Трипольская 1999 – *Трипольская Т. А.* Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте : дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1999.
226. Трофимова 1981 – *Трофимова Э. А.* Синтаксические конструкции английской разговорной речи. Ростов-на-Дону, 1981.
227. Трофимова 2008 – *Трофимова Н. А.* Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: монография. СПб., 2008.
228. Трофимова 2009 – *Трофимова Н. А.* Актуализация компонентов смысла высказывания в экспрессивных речевых актах (на материале современного немецкого языка" : дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2009.
229. Туранский 1989 – *Туранский И. И.* Синтаксические способы интенсификации высказывания // Теория и практика разговорной речи лингвистического описания: межвузовский сборник научных трудов. Горький, 1989. С. 153–162.
230. Туранский 1990 – *Туранский И. И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.
231. Тынянов 2007 – *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. Изд. 4-е, стер. М., 2007.
232. Убин 1974 – *Убин И. И.* Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
233. Устные формы литературного языка 1999 – Устные формы литературного языка: история и современность / Под ред. В. Я. Порхомовского, Н. Н. Семенюк. М., 1999.
234. Фирсова 2005 – *Фирсова Е. О.* Оценочно-экспрессивная функция интонации : Экспериментально-фонетическое исследование на

- материале современного французского языка : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.
235. *Формановская 2005 – Формановская Н. И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении // Эмоции в языке и речи / Под ред. И. А. Шаронова. М., 2005. С. 106–116.*
236. *Фосслер 2007 – Фосслер К. Эстетический идеализм: Избранные работы по языкознанию. М., 2007.*
237. *Фридрих 1992 – Фридрих С. А. Экспрессивность в тексте : Учеб. пособие. Орехово-Зуево, 1992.*
238. *Функциональная семантика 1996 – Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность : In memoriam Е. М. Вольф. М., 1996.*
239. *Харченко 1983 – Харченко В. К. Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как категории лингвостилистики // Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации: материалы докл. Ордженикидзе. 1983. С. 38–40.*
240. *Хван 2005 – Хван Н. А. Когнитивно-прагматические и эмотивно-экспрессивные свойства междометных единиц в художественном тексте : на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2005.*
241. *Хворенкова 2006 – Хворенкова Г. З. Особенности экспрессивно-прагматической организации научной речи на английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.*
242. *Химик 1987 – Химик В. В. К соотношению понятий экспрессивности, модальности и персональности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 128–133.*
243. *Хлебникова 1968 – Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение в английском языке: Учеб. пособие. Л., 1968.*
244. *Храковский, Володин 1986 – Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.*

245. Чейф 1975 – *Чейф У. Л.* Значение и структура языка. М., 1975.
246. Черняк 2007 – *Черняк М. А.* Массовая литература XX века : Учеб. пособие. М., 2007.
247. Шарова 2003 – *Шарова В. В.* Средства выражения экспрессивности в сатирическом художественном тексте : на материале романов И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
248. Шаховский 1983 – *Шаховский В. И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания : Учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград, 1983.
249. Шаховский 1987 – *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
250. Шаховский 1987 – *Шаховский В. И.* Ономаσιологический и семасиологический аспекты экспрессивности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1987. С. 40–47.
251. Шаховский 2008 – *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
252. Шаховский 2009 – *Шаховский В. И.* Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., 2009.
253. Шаховский 2012 – *Шаховский В. И.* Голос эмоций в языковом круге homo sentiens. М., 2012.
254. Шведова 1960 – *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
255. Шведова 1966 – *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. Словосочетание. М., 1966.
256. Шевченко 1978 – *Шевченко О. Ф.* Именные сочетания – интенсификаторы качественного признака (на материале современного английского языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Киев, 1978.
257. Шелонцева 2012 – *Шелонцева Л. Н.* Экспрессивность английских словообразовательных моделей с компаративным значением. Омск,

- 2012.
258. Шелякин 2001 – *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.
259. Шендельс 1972 – *Шендельс Е. И.* Грамматическая метафора // Филологические науки. 1972. № 3. С. 48–57.
260. Шилина 2000 – *Шилина М. В.* Лингвистические средства создания экспрессивности в английском художественном тексте : на основе использования стилистически маркированной / немаркированной лексики : дис. ...канд. филол. наук. М., 2000.
261. Штелинг 1982 – *Штелинг Д. А.* О грамматическом статусе повелительного наклонения // Известия АН СССР, Серия лит. и яз. 1982. Т. 41. №. 3. С. 266–271.
262. Штелинг 1996 – *Штелинг Д. А.* Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: Учебное пособие. М., 1996.
263. Шулежкова 2008 – *Шулежкова С. Г.* История лингвистических учений : Учеб. пособие. 4-е изд. М., 2008.
264. Щур 1974 – *Щур Г. С.* Теории поля в лингвистике. М., 1974.
265. Эйхенбаум 1969 – *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969.
266. Экспрессивность текста и перевод 1991 – Экспрессивность текста и перевод / Под ред. Р. Э. Кульшариповой. Казань, 1991.
267. Якобсон 1985 – *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.
268. Abbott 1984 – *Abbott H. P.* Diary Fiction. Writing as Action. Cornell UP, 1984.
269. Altman 1982 – *Altman J. G.* Epistolarity: Approaches to a Form. Ohio UP, 1982.
270. Barroso 2015 – *Barroso P. M.* Grammar, Expressiveness, and Inter-subjective Meanings: Wittgenstein's Philosophy of Psychology. Cambridge, 2015.
271. Besnier 1990 – *Besnier N.* Language and Affect // Anthropology. Oct.

1990. Vol. 19. P. 419–451.
272. Biber 2000 – *Biber D.* Longman Grammar of Spoken and Written English. London, 2000.
273. Cardell 2014 – *Cardell K.* Dear World: Contemporary Uses of the Diary. Wisconsin, 2014.
274. Carlson 1991 – *Carlson S.* Women and Comedy: Rewriting the British Theatrical Tradition. University of Michigan Press, 1991.
275. Cassidy 1993 – *Cassidy S.* The British Novelist Who Turned A Class System Upside Down // The New York Times. December 25, 1993.
[Электронный ресурс] URL:
<http://www.nytimes.com/1993/12/25/books/the-british-novelist-who-turned-a-class-system-upside-down.html>
276. Copley 2001 – *Copley P.* Narrative. New York and London, 2001.
277. Contemporary British Women Writers / Ed. E. Parker. Cambridge, 2004.
278. Curme 1931 – *Curme G. O.* A Grammar of the English Language in Three Volumes. V. 3. Heath, 1931.
279. Curme 1977 – *Curme G. O.* A Grammar of the English Language. V. 2. Verbatim Books, 1977.
280. Danes 1994 – *Danes F.* Involvement with Language and in Language // Journal of Pragmatics. Vol. 22, 1994. P. 251–264.
281. Eastwood 2002 – *Eastwood J.* Oxford Guide to English Grammar. Oxford, 2002.
282. Eggins 2004 – *Eggins S.* An Introduction to Systemic Functional Linguistics. 2nd ed. London, 2004.
283. Ferriss 2006 – *Ferriss S.* Narrative and Cinematic Doubleness: Pride and Prejudice and Bridget Jones's Diary // Chick Lit: the New Woman's Fiction / Eds. Ferriss S., Young M. London : New York, 2006. P. 71–86.
284. Field 1989 – *Field T.* Form and Function in the Diary Novel. Totowa, 1989.

285. Foolen 1997 – *Foolen A.* The Expressive Function of Language: Towards a Cognitive Semantic Approach // The Language of Emotions. Amsterdam, 1997. P. 15–32.
286. Fries 1952 – *Fries C. C.* The Structure of English. New York, 1952.
287. Genz, Brabon 2009 – *Genz S., Brabon B. A.* Postfemenism: Cultural Texts and Theories. Edinburgh, 2009.
288. Goddard 2014 – *Goddard C.* Explicating Emotions Across Languages and Cultures: A Semantic Approach // The Verbal Communication of Emotions: Interdisciplinary Perspectives / Ed. S. R. Fussell. London : New York, 2014. P. 19–54.
289. Goldie 2000 – *Goldie P.* Explaining Expression of Emotion // Mind. Jan. 2000. Vol. 109. P. 25–37.
290. Guenther 2006 – *Guenther L.* Bridget Jones's Diary: Confessing Post-feminism // Modern Confessional Writing: New Critical Essays / Ed. J. Gill. London : New York, 2006. P. 84–99.
291. Halliday 2002 – *Halliday M. A. K.* On Grammar. V. 1. London, 2002.
292. Halliday, Matthiessen 2014 – *Halliday M., Matthiessen C. M. I. M.* An Introduction to Functional Grammar. London : New York, 2014.
293. Harzewski 2011 – *Harzewski S.* Chick Lit and Postfemenism. Charlottesville and London, 2011.
294. Hassam 1992 – *Hassam A.* Writing and Reality: A Study of Modern Diary Fiction. Greenwood, 1992.
295. Hayner 1956 – *Hayner P. C.* Expressive Meaning // The Journal of Philosophy. Feb. 1956. Vol. LIII. № 4. P. 149–157.
296. Helen Fielding's Bridget Jones's Diary 2002 – Helen Fielding's Bridget Jones's Diary: A Reader's Guide / Ed. I. Whelehan. New York, London, 2002.
297. Hübler 1987 – *Hübler A.* Communication and Expressivity // Functionalism in Linguistics. Philadelphia, 1987. P. 357–380.
298. Hübler 1998 – *Hübler A.* The Expressivity of Grammar. Grammatical

- Devices Expressing Emotion Across Time. New York : Berlin, 1998.
299. Kruisinga 1932 – *Kruisinga E.* Handbook of Present-day English. Vol. 2. P. Noordhoff, Groningen, 1932.
300. Leech, Svartvik 2002 – *Leech G. Svartvik J.* A Communicative Grammar of English. London, 2002.
301. Lenz 2013 – *Lenz C.* Places, Spaces, and Bridget Jones // Cases of Intervention: The Great Variety of British Cultural Studies / Eds. M. Hologa, Ch. Lenz, C. Piskurek, S. Schlensag. Cambridge, 2013. P. 125–144.
302. Leshner 2000 – *Leshner L. P.* The Best Novels of the Nineties: A Reader's Guide. Jefferson NC, 2000.
303. Lyons 1977 – *Lyons J.* Semantics. Cambridge, 1977.
304. Lyons 1995 – *Lyons J.* Linguistic Semantics: An Introduction. Cambridge, 1995.
305. Marsh 2004 – *Marsh K. A.* Contextualizing Bridget Jones // College Literature. 2004. 31. №. 1. P. 52–72.
306. Martens 1975 – *Martens L.* The Diary Novel. Cambridge, 1985.
307. Martin 2010 – *Martin J. R.* Systemic Functional Linguistic Theory // Collected Works of J. R. Martin / Ed. Wang Zhenhua. Vol. 1. Shanghai, 2010.
308. Matthiessen 1990 – *Matthiessen C. M. I. M.* Lexicogrammatical Cartography: English systems. Sydney, 1990.
309. Maynard 2002 – *Maynard S. K.* Linguistic Emotivity: Centrality of Place, the Topic-comment Dynamic, and an Ideology of Pathos in Japanese Discourse. V. 97. Amsterdam : Philadelphia, 2002.
310. McRobbie 2004 – *McRobbie A.* Notes on Postfemenism and Popular Culture: Bridget Jones and the New Gender Regime // All about the Girl: Culture, Power, and Identity / Ed. A. Harris. New York and London, 2004. P. 3–14.
311. Morton 2006 – *Morton P.* Narrative Strategies in the Fictive Diary:

- Reader-Response Theory and the Grossmiths' "The Diary of a Nobody" // 'Life Writing Symposium', 13–15 June. Flinders University. 2006.
312. Nesfield 2014 – *Nesfield J.* Manual of English Grammar and Composition. London, 2014.
  313. Philips 2014 – *Philips D.* Women's Fiction: From 1945 to Today. London, 2014.
  314. Poutsma 1928 – *Poutsma H.* A Grammar of Late Modern English : Part I. The Sentence. P. Noordhoff, Groningen, 1928.
  315. Punzi 2007 – *Punzi M. P.* Shaping G / Local Identities in Intermedial Texts: The Case of Bridget Jones's Diary // Literary Intermediality: the Transit of Literature Through the Media Circuit / Ed. M. P. Punzi. Bern, 2007. P. 241–254.
  316. Quirk 1972 – *Quirk R.* A Grammar of Contemporary English. London, 1972.
  317. Radford 2004 – *Radford A.* Minimalist Syntax: Exploring the Structure of English. Cambridge, 2004.
  318. Readings in Systemic Linguistics 1981 – Readings in Systemic Linguistics / Eds. M. A. K. Halliday, J. R. Martin. London, 1981.
  319. Schlensag 2013 – *Schlensag S.* The Myth of the Classless Society: Politics of Identity and Hegemony in Bridget Jones's Diary // Cases of Intervention: The Great Variety of British Cultural Studies / Eds. M. Hologa, Ch. Lenz, C. Piskurek, S. Schlensag. Cambridge, 2013. P. 145–164.
  320. Sellei 2006 – *Sellei N.* Bridget Jones and Hungarian Chick Lit // Chick Lit: the New Woman's Fiction / Eds. S. Ferriss, M. Young. New York and London, 2006. P. 173–190.
  321. Sircello 1967 – *Sircello G.* Expressive Qualities of Ordinary Language // Mind. Oct. 1967. Vol. 76, № 304. P. 548–555.
  322. Sutton-Smith 1970 – *Sutton-Smith B.* The Expressive Profile // The

- Psychology of Folklore. 1970. Vol. 29. P. 80–92.
323. Sweet 1898 – *Sweet H.* A New English Grammar Logical and Historical. Oxford, 1898.
324. The Cambridge History 2005 – The Cambridge History of Twentieth Century English Literature / Eds. L. Marcus, P. Nicholls. Cambridge, 2005.
325. Fussell 2014 – *Fussell S. R.* The Verbal Communication of Emotions: Introduction and Overview // The Verbal Communication of Emotions: Interdisciplinary Perspectives / Ed. S. R. Fussell. London : New York, 2014. P. 1–16.
326. Umminger 2006 – *Umminger A.* Supersizing Bridget Jones: What’s Really Eating the Women in Chick Lit // Chick Lit: the New Woman’s Fiction / Eds. S. Ferriss, M. Young. New York and London, 2006. P. 239–252.
327. Volek 1987 – *Volek B.* Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian. Amsterdam, 1987.
328. Vuillemin 1969 – *Vuillemin J.* Expressive Statements // Philosophy and Phenomenological Research. Jun. 1969. Vol. 29. № 4. P. 485–497.
329. West 2010 – *West C.* Originals with Key: Classic and Modern Fiction and Non-fiction in English. Cambridge, 2010.
330. Wierzbicka 1991 – *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin, 1991.
331. Wierzbicka 1992 – *Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition. Oxford, 1992.
332. Wierzbicka 1999 – *Wierzbicka A.* Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge, 1999.

Приложение 1

Наречия с функцией интенсификации: лексикографическая выборка

№ п/п	Наречие
1.	A bit
2.	A little
3.	A lot
4.	Abnormally
5.	Abominably
6.	Absolutely
7.	Absurdly
8.	Abundantly
9.	Abysmally
10.	Actually
11.	Acutely
12.	Admirably
13.	Agonizingly
14.	Almost
15.	Amazingly
16.	Amply
17.	Amusingly
18.	Appallingly
19.	Ardently
20.	Arrantly
21.	Astonishingly
22.	Astoundingly
23.	Astronomically
24.	Atrociously
25.	Audaciously
26.	Austerely
27.	Awesomely
28.	Awfully
29.	Badly
30.	Balefully
31.	Barbarously
32.	Barely
33.	Beastly
34.	Beautifully
35.	Best
36.	Bestially
37.	Better
38.	Bewitchingly
39.	Bitterly
40.	Blankly
41.	Blindingly

42.	Blissfully
43.	Bloody
44.	Bloomingly
45.	Boundlessly
46.	Breathlessly
47.	Brilliantly
48.	Brutally
49.	Burningly
50.	Charmingly
51.	Closely
52.	Coarsely
53.	Colossally
54.	Completely
55.	Cordially
56.	Crazily
57.	Critically
58.	Cruelly
59.	Damned
60.	Daringly
61.	Dauntlessly
62.	Dazzlingly
63.	Dead
64.	Deadly
65.	Deafeningly
66.	Dearly
67.	Deathlessly
68.	Deathly
69.	Decidedly
70.	Decisively
71.	Deeply
72.	Definitely
73.	Deliciously
74.	Delightfully
75.	Deliriously
76.	Densely
77.	Deplorably
78.	Desolately
79.	Despairingly
80.	Desperately
81.	Despicably
82.	Despotically
83.	Determinedly
84.	Detestably

85.	Deucedly
86.	Devastatingly
87.	Devilishly
88.	Devoutly
89.	Diabolically
90.	Direly
91.	Disastrously
92.	Disconsolately
93.	Dismally
94.	Divinely
95.	Doggedly
96.	Downright
97.	Dramatically
98.	Drastically
99.	Dreadfully
100.	Drearily
101.	Dumbfoundedly
102.	Ecstatically
103.	Egregiously
104.	Eminently
105.	Emphatically
106.	Enormously
107.	Enthusiastically
108.	Entirely
109.	Especially
110.	Essentially
111.	Exactly
112.	Exasperatingly
113.	Exceedingly
114.	Exceptionably
115.	Exceptionally
116.	Excessively
117.	Excitedly
118.	Exclusively
119.	Excruciatingly
120.	Exhaustively
121.	Exorbitantly
122.	Explicitly
123.	Expressly
124.	Exquisitely
125.	Extensively
126.	Extraordinarily
127.	Extremely

128.	Exuberantly
129.	Fabulously
130.	Faint-heartedly
131.	Fairly
132.	Fanatically
133.	Fantastically
134.	Far
135.	Fatally
136.	Fearfully
137.	Fearlessly
138.	Ferociously
139.	Fervently
140.	Feverishly
141.	Fiendishly
142.	Fiercely
143.	Filthy
144.	Flagrantly
145.	Flatly
146.	Flipping
147.	Forcefully
148.	Forlornly
149.	Formidably
150.	Frankly
151.	Frantically
152.	Frenziedly
153.	Frightfully
154.	Frigidly
155.	Fucking
156.	Fully
157.	Fundamentally
158.	Furiously
159.	Gawkily
160.	Generously
161.	Gigantically
162.	Glamorously
163.	Glaringly
164.	Gloriously
165.	Gluttonously
166.	Graciously
167.	Gravely
168.	Greatly
169.	Greedily
170.	Grievously
171.	Grisly
172.	Grossly
173.	Grotesquely
174.	Gustily
175.	Handsomely
176.	Hardly
177.	Harshly

178.	Hatefully
179.	Heart-breakingly
180.	Heart-brokenly
181.	Heartily
182.	Heartlessly
183.	Heatedly
184.	Heavenly
185.	Heavily
186.	Helplessly
187.	Herculeanly
188.	Heroically
189.	Hideously
190.	Highly
191.	Hilariously
192.	Honestly
193.	Hopelessly
194.	Horribly
195.	Horridly
196.	Hot-headedly
197.	Hugely
198.	Hungrily
199.	Icily
200.	Idiotically
201.	Immaculately
202.	Immeasurably
203.	Immemorially
204.	Immensely
205.	Immortally
206.	Immovably
207.	Impassably
208.	Impenetrably
209.	Imperatively
210.	Imperturbably
211.	Impetuously
212.	Implacably
213.	Impossibly
214.	Impressively
215.	Impudently
216.	Inaccessibly
217.	Inalienably
218.	Inarticulately
219.	Incalculably
220.	Incessantly
221.	Incomparably
222.	Inconceivably
223.	Inconsolably
224.	Incontestably
225.	Incontrovertibly
226.	Incorrigibly
227.	Increasingly

228.	Incredibly
229.	Incurably
230.	Indeed
231.	Indefatigably
232.	Indefinitely
233.	Indelibly
234.	Indescribably
235.	Indignantly
236.	Indisputably
237.	Indissolubly
238.	Indomitably
239.	Industriously
240.	Ineffably
241.	Inescapably
242.	Inestimably
243.	Inexcusably
244.	Inexorably
245.	Inexpressibly
246.	Inextricably
247.	Infallibly
248.	Infernally
249.	Infinitely
250.	Infinitesimally
251.	Inflexibly
252.	Ingeniously
253.	Inordinately
254.	Insanely
255.	Insatiably
256.	Inscrutably
257.	Inseparably
258.	Insistently
259.	Insolently
260.	Insufferably
261.	Insuperably
262.	Insurmountably
263.	Insurpassably
264.	Intemperately
265.	Intensely
266.	Intensively
267.	Intimately
268.	Intolerably
269.	Intolerantly
270.	Intoxicatedly
271.	Intrinsically
272.	Invaluably
273.	Inveterately
274.	Irreconcilably
275.	Irrecoverably
276.	Irrefutably
277.	Irremediably

278.	Irreparably
279.	Irrepressibly
280.	Irresistibly
281.	Irresponsibly
282.	Irretrievably
283.	Irrevocably
284.	Jealously
285.	Jolly
286.	Joyfully
287.	Jubilantly
288.	Just
289.	Keenly
290.	Laughably
291.	Lavishly
292.	Listlessly
293.	Literally
294.	Little
295.	Luminously
296.	Maddeningly
297.	Madly
298.	Magnificently
299.	Majorly
300.	Malignantly
301.	Manifestly
302.	Markedly
303.	Marvelously
304.	Massively
305.	Matchlessly
306.	Mercilessly
307.	Merely
308.	Meticulously
309.	Mightily
310.	Mildly
311.	Miraculously
312.	Miserably
313.	Moderately
314.	Momentously
315.	Monstrously
316.	Monumentally
317.	Morbidly
318.	More (от усилителя much)
319.	Mortally
320.	Mortifyingly
321.	Most
322.	Mournfully
323.	Mulishly
324.	Murderously
325.	Nakedly
326.	Nearly

327.	Notably
328.	Notoriously
329.	Obdurately
330.	Obnoxiously
331.	Obstinately
332.	Obstreperously
333.	Omnisciently
334.	Omnivorously
335.	Oppressively
336.	Outrageously
337.	Outstandingly
338.	Overly
339.	Overmuch
340.	Overpoweringly
341.	Overwhelmingly
342.	Painfully
343.	Painstakingly
344.	Palpably
345.	Paralysingly
346.	Particularly
347.	Partly
348.	Passionately
349.	Pathetically
350.	Pathologically
351.	Peculiarly
352.	Penetratingly
353.	Perfectly
354.	Perpetually
355.	Phenomenally
356.	Piercingly
357.	Pitiably
358.	Pitilessly
359.	Plainly
360.	Poignantly
361.	Positively
362.	Possibly
363.	Powerfully
364.	Practically
365.	Precisely
366.	Precisely
367.	Pressingly
368.	Pretty
369.	Pricelessly
370.	Prodigiously
371.	Profoundly
372.	Profusely
373.	Prominently
374.	Prudently
375.	Punctiliously
376.	Purely

377.	Quite
378.	Radiantly
379.	Radically
380.	Rapidly
381.	Rapturously
382.	Rather
383.	Ravenously
384.	Raving
385.	Really
386.	Reasonably
387.	Recklessly
388.	Relentlessly
389.	Remarkably
390.	Remotely
391.	Repulsively
392.	Resolutely
393.	Reverently
394.	Richly
395.	Ridiculously
396.	Rigidly
397.	Rigorously
398.	Roaringly
399.	Robustly
400.	Roughly
401.	Ruinously
402.	Ruthlessly
403.	Sadly
404.	Savagely
405.	Scandalously
406.	Scarcely
407.	Scathingly
408.	Screamingly
409.	Scrupulously
410.	Self-denyingly
411.	Senselessly
412.	Seriously
413.	Severely
414.	Sharply
415.	Shockingly
416.	Shrewdly
417.	Shudderingly
418.	Significantly
419.	Simply
420.	Singularly
421.	Slandrously
422.	Slightly
423.	Smartly
424.	Sneeringly
425.	Snugly
426.	So

427.	Soakingly
428.	Solely
429.	Solemnly
430.	Solidly
431.	Somewhat
432.	Soppily
433.	Sorely
434.	Soundly
435.	Spanking
436.	Specially
437.	Spectacularly
438.	Speechlessly
439.	Splendidly
440.	Spotlessly
441.	Squarely
442.	Staggeringly
443.	Stainlessly
444.	Starkly
445.	Startlingly
446.	Steadfastly
447.	Sternly
448.	Stiffly
449.	Stingingly
450.	Stonely
451.	Stoutly
452.	Strenuously
453.	Strictly
454.	Strikingly
455.	Strongly
456.	Stubbornly
457.	Studiously
458.	Stunningly
459.	Sturdily
460.	Substantially
461.	Sufficiently
462.	Suffocatingly
463.	Sumptuously
464.	Super
465.	Superbly
466.	Superlatively
467.	Supernaturally
468.	Supremely
469.	Surprisingly
470.	Swampily
471.	Swiftly
472.	Tearfully
473.	Tenaciously
474.	Tenderly
475.	Terribly
476.	Terrifically

477.	Terrifyingly
478.	Thoroughly
479.	Thunderously
480.	Tightly
481.	Tirelessly
482.	Tiresomely
483.	Tolerably
484.	Tormentingly
485.	Torturingly
486.	Totally
487.	Toweringly
488.	Truly
489.	Tumultuously
490.	Turbulently
491.	Tyrannically
492.	Ultimately
493.	Unabatedly
494.	Unalterably
495.	Unbearably
496.	Unbelievably
497.	Unboundedly
498.	Unceasingly
499.	Uncommonly
500.	Uncontrollably
501.	Undeniably
502.	Undoubtedly
503.	Unduly
504.	Unendurably
505.	Unequivocally
506.	Unflinchingly
507.	Unflinchingly
508.	Unforgettably
509.	Ungovernably
510.	Unhesitatingly
511.	Unimaginably
512.	Unimpeachably
513.	Unintelligibly
514.	Universally
515.	Unmercifully
516.	Unpardonably
517.	Unprecedentedly
518.	Unquestionably
519.	Unquestioningly
520.	Unremittingly
521.	Unshakably
522.	Unsparingly
523.	Unspeakably
524.	Unsurpassably
525.	Unswervingly
526.	Unusually

527.	Unutterably
528.	Unwaveringly
529.	Unyieldingly
530.	Uprightly
531.	Uproariously
532.	Utterly
533.	Vacuously
534.	Vastly
535.	Vehemently
536.	Vengefully
537.	Venomously
538.	Vexatiously
539.	Viciously
540.	Vigilantly
541.	Vigorously
542.	Violently
543.	Virulently
544.	Vitally
545.	Vividly
546.	Vociferously
547.	Voraciously
548.	Well
549.	Whole-heartedly
550.	Wholly
551.	Widely
552.	Wildly
553.	Wolfishly
554.	Wonderfully
555.	Worshipfully
556.	Wretchedly
557.	Zealously

Приложение 2

Статистическая интерпретация интенсифицирующих наречий английского языка в художественных текстах

№	Наречие	«Bridget Jones's Diary»	«Adrian Mole: Cappuccino Years»	«Notes on a Scandal»
1.	A bit	23	8	17
2.	A little	6	9	19
3.	A lot	3	1	4
4.	Abnormally	0	2	0
5.	Absolutely	8	8	21
6.	Absurdly	1	0	0
7.	Actually	21	3	19
8.	Acutely	0	1	0
9.	Agonizingly	1	0	0
10.	Almost	15	27	22
11.	Amazingly	0	2	0
12.	Awfully	2	1	6
13.	Badly	1	2	4
14.	Barely	1	4	2
15.	Best	0	0	3
16.	Better	1	1	0
17.	Bitterly	0	2	0
18.	Blindingly	0	0	1
19.	Bloody	12	2	4
20.	Brilliantly	0	2	0
21.	Completely	32	4	13
22.	Dead	1	1	1
23.	Decidedly	1	0	0
24.	Deeply	3	1	4
25.	Definitely	5	1	2
26.	Deliciously	1	0	1
27.	Deliriously	0	1	0
28.	Devilishly	0	1	0
29.	Dramatically	0	1	0
30.	Drastically	0	0	1
31.	Dreadfully	1	0	0
32.	Enormously	2	6	0
33.	Entirely	6	8	12

34.	Especially	6	10	2
35.	Essentially	0	0	1
36.	Exactly	19	10	14
37.	Exceedingly	0	0	1
38.	Exceptionally	1	1	1
39.	Extraordinarily	0	1	0
40.	Extremely	5	4	4
41.	Fairly	0	0	3
42.	Fantastically	1	0	0
43.	Far	6	7	7
44.	Fatally	0	0	2
45.	Fervently	0	0	1
46.	Frankly	1	0	0
47.	Frenziedly	1	0	0
48.	Frightfully	1	0	1
49.	Fucking	1	0	0
50.	Fully	3	5	3
51.	Gloriously	0	1	0
52.	Greatly	0	1	1
53.	Grossly	0	0	1
54.	Hardly	4	10	14
55.	Heavily	0	3	3
56.	Hideously	2	0	0
57.	Highly	1	2	3
58.	Hopelessly	0	1	0
59.	Horribly	0	2	4
60.	Hugely	2	3	0
61.	Immaculately	0	1	0
62.	Immensely	0	1	2
63.	Increasingly	1	1	4
64.	Incredibly	10	0	3
65.	Indeed	6	6	1
66.	Infinitely	0	0	2
67.	Intensely	1	0	0
68.	Intimately	0	0	1
69.	Irresistibly	1	0	0
70.	Jolly	3	0	0
71.	Just	103	38	72
72.	Literally	2	2	1
73.	Little	0	1	0
74.	Maddeningly	0	0	1
75.	Madly	1	1	1
76.	Merely	17	2	5

77.	Mildly	0	1	1
78.	Morbidly	0	1	0
79.	More (от усилителя much)	4	0	0
80.	Most	4	6	5
81.	Nearly	12	8	9
82.	Particularly	12	6	14
83.	Pathetically	0	0	1
84.	Perfectly	9	9	15
85.	Positively	1	0	0
86.	Possibly	2	5	7
87.	Practically	4	5	4
88.	Precisely	2	0	2
89.	Pretty	8	1	18
90.	Profoundly	0	0	1
91.	Purely	2	0	0
92.	Quite	43	38	66
93.	Radiantly	1	0	0
94.	Radically	0	0	1
95.	Rather	31	7	43
96.	Raving	0	2	0
97.	Really	67	5	29
98.	Remarkably	0	1	0
99.	Remotely	1	3	1
100.	Ridiculously	1	0	0
101.	Rigorously	0	0	1
102.	Roughly	0	0	2
103.	Sadly	0	0	1
104.	Screamingly	0	0	1
105.	Seriously	1	2	0
106.	Severely	0	0	1
107.	Shockingly	0	0	1
108.	Simply	7	5	8
109.	Slightly	4	11	45
110.	So	72	49	85
111.	Somewhat	3	4	8
112.	Spanking	1	0	0
113.	Strenuously	0	0	1
114.	Strictly	1	1	4
115.	Strongly	1	1	2
116.	Sufficiently	0	0	2
117.	Surprisingly	0	1	1

118.	Terribly	2	5	17
119.	Terrifically	0	0	1
120.	Terrifyingly	1	0	1
121.	Thoroughly	0	0	1
122.	Totally	10	12	0
123.	Truly	1	4	9
124.	Unbelievably	1	0	0
125.	Uncommonly	0	1	0
126.	Undeniably	1	0	0
127.	Undoubtedly	0	1	0
128.	Unforgettably	0	1	0
129.	Unsparingly	0	0	1
130.	Unusually	2	0	2
131.	Utterly	2	1	6
132.	Vigorously	0	0	1
133.	Violently	1	0	1
134.	Well	1	1	0
135.	Wholly	1	0	0
136.	Widely	0	0	1
137.	Wildly	2	0	0
138.	Wonderfully	0	0	1
		665	411	737
Всего: 1813 контекстов				

Приложение 3

Модальные слова английского языка: выборка из грамматических источников и художественных текстов

№ п/п	Модальное слово
1.	Actually
2.	Admittedly
3.	Allegedly
4.	Apparently
5.	Arguably
6.	Astonishingly
7.	Certainly
8.	Clearly
9.	Conceivably
10.	Definitely
11.	Desperately
12.	Disappointingly
13.	Doubtless
14.	Evidently
15.	Fortunately
16.	Frankly
17.	Genuinely
18.	Gladly
19.	Happily
20.	Honestly
21.	Hopefully
22.	Ideally
23.	Importantly
24.	Improbably
25.	In fact
26.	In truth
27.	Incidentally
28.	Indeed
29.	Inevitably
30.	Infallibly
31.	Interestingly
32.	Intriguingly
33.	Ironically
34.	Likely
35.	Logically
36.	Luckily
37.	Maybe
38.	Naturally

39.	No doubt
40.	Objectively
41.	Obscurely
42.	Obviously
43.	Of course
44.	Ostensibly
45.	Perceptibly
46.	Perhaps
47.	Personally
48.	Plausibly
49.	Pleasantly
50.	Positively
51.	Possibly
52.	Presumably
53.	Probably
54.	Realistically
55.	Really
56.	Reasonably
57.	Reputedly
58.	Rightly
59.	Sadly
60.	Seemingly
61.	Simply
62.	Supposedly
63.	Surely
64.	Surprisingly
65.	Thankfully
66.	Theoretically
67.	Trivially
68.	Truly
69.	Unbelievably
70.	Unbelievingly
71.	Undeniably
72.	Undoubtedly
73.	Unfortunately
74.	Unhappily
75.	Unlikely
76.	Unluckily
77.	Unmistakably